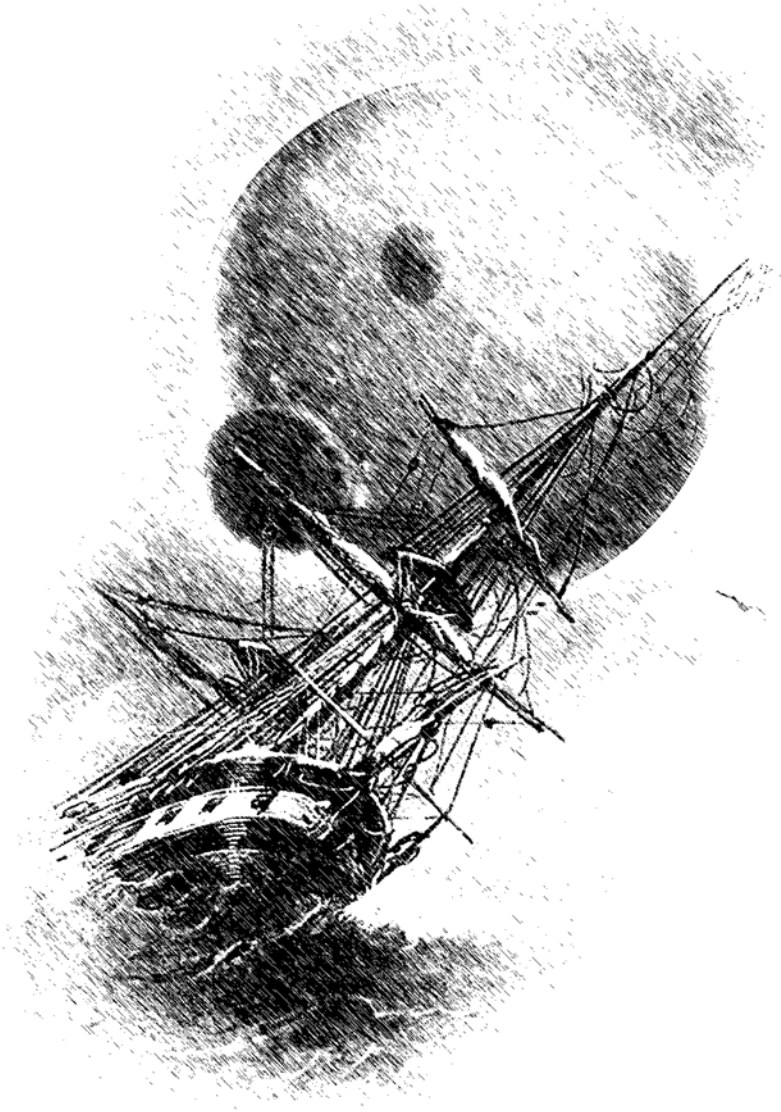

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

An^{1 (002)} 2014

Альманах фантастики
«АСТРА НОВА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

Международный литературный клуб
«ASTRA NOVA»

А91 **Астра Нова:** альманах фантастики. № 1(002). – СПб.: Издательство
Северо-Запад, 2014. – 237 с.

ISBN 978-5-93835-513-2

Что там, за дверью? Всегда интересно открыть врата в неведомое, увидеть и постичь новое, узнать ответ на давно мучимый вопрос, познать меру своих возможностей, наконец. Этим номером мы даем нашим читателям заглянуть в неведомый мир. Познакомиться как с хорошо известными, так и прежде никогда не публиковавшимися авторами.

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

© К. Берендеев, составление, вступительное слово, 2014
© В. Венгловский, Е. Шайкина, С. Бескаравайный, Н. Ду-
хина, П. Мешков, В. Близнецов, Е. Бакулина, Е. Ивченко,
Р. Карапетян, А. Таран, И. Клеандрога, М. Тихомиров,
С. Будяк, А. Самойлова, А. Карнишин, В. Подольский,
С. Неграш, А. Лидин, З. Линник, 2014
© Издательство «Северо-Запад», 2014

ISBN 978-5-93835-513-2

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Что там, за дверью? Всегда интересно открыть врата в неведомое, увидеть и постичь новое, узнать ответ на давно мучимый вопрос, познать меру своих возможностей, наконец. Этим номером мы даем нашим читателям заглянуть в неведомый мир. Познакомиться как с хорошо известными, так и прежде никогда не публиковавшимися авторами, их нам представить особенно приятно. Ведь миссия нашего альманаха найти яркую самобытную личность, способную поражать, удивлять, восхищать, или глубоко задумываться — и представить ее роду и миру. Согласитесь, открывать новое всегда приятно.

Вот и этот номер неожиданен во многом. Во-первых, тематикой: мы решили оттолкнуться не только от рассказа Герберта Уэллса «Дверь в стене», послужившего названием темы второго номера, но и от всего многогранного творчества писателя. А потому номер таит в себе вторую неожиданность: жанровую. Мы начинаем научной фантастикой Владимира Венгловского и Елены Шайкиной, через альтернативную реальность Станислава Бескаравайного и Натальи Духиной продвинемся к военной прозе с мистическим оттенком Павла Мешкова и далее к магическому реализму Владимира Близнецова

и Екатерины Бакулиной. А затем будет мистика Елены Ивченко, сказка Рустама Карапетяна, готика Андрея Тарана, снова мистика Ирины Клеандровой и почти реальная магия Максима Тихомирова. И в завершении опять научная фантастика — искрящиеся юмором миниатюры Будяка, Самойловой, Карнишина и Подольского.

И это было бы все, если б не издательство «Северо-запад», любезно предоставившее нам свои возможности. Так читатели смогут познакомиться с неизвестным рассказом Рони-старшего, биографической заметкой об авторе, а еще почитать раздумья Александра Лидина и Сергея Неграша о переводной литературе и об истории фантастики.

Этимися статьями заканчивается номер. Но мы подготовили для наших читателей еще один сюрприз. Вы, конечно, помните, что пилотный выпуск «Астра Новы» вышел в половинном формате — мы решили это исправить. В самом ближайшем будущем вы сможете оценить его заново — уже как полноформатное издание. Добавятся рассказы, миниатюры, переводы и статьи. И будет еще много интересного.

Ведь мы только приоткрыли дверь. Теперь настало время войти.

*С наилучшими пожеланиями,
Кирилл Берендеев*

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора 5

ТЕКСТУРА

Владимир Венгловский
УНИВЕРСАЛ 9

Елена Шайкина
Лето для пестрой бабочки 19

Станислав Бескаравайный
КАРНАВАЛЬНЫЙ хлопок одной ладонью 22

Наталья Духина
Я не зомби! 36

Павел Мешков
Зал боевой славы 47

Владимир Близнецов
Глиняные ноги 67

Екатерина Бакулина
Вопрос веры 73

Елена Ивченко
Ангел с коротким крылом 82

Рустам Карапетьян
Щелчок 86

Андрей Таран
Раз, два, три, четыре, пять, ты идешь искать 90

Ирина Клеандрова
Маска психеи 97

Максим Тихомиров
Сокровище вод 108

МИКРОМИР

Станислав Будяк
Сакральная математика 127

Анна Самойлова
Конец начала новой эпохи 134

Александр Карнишин
Плюс на минус 136

Владимир Подольский
Двенадцать слесарей глубокой заморозки 140

МЕТАМОРФОЗЫ

Жозеф-Анри Рони-старший
Чудесная страна пещер 143

Сергей Неграш
Рони-старший — незабываемый классик 161

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Александр Лидин, Сергей Неграш
Вершина айсберга 165

Александр Лидин
Лекции по истории фантастики 169

ТЕКСТУРА

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

УНИВЕРСАЛ

— Всё правильно, — сказал я. — Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить, — сказала Алиса, — Положим рыбу в холодильник.

Кир Булычёв «Путешествие Алисы»

Страх не меняется. Он прячется под детской кроватью, и ты, зажмурившись и накрывшись одеялом, прислушиваешься к шороху неведомого. Он преследует в ночном парке, когда ты возвращаешься со свидания, а ночные бабочки отбрасывают быстрые тени вокруг единственного мигающего фонаря в конце аллеи. Твое человеческое «я» победит — и ты не побежишь.

Страх, живущий во мраке, теперь скрывается в сумрачных коридорах «Грифона», просовывает щупальца под дверь и растворяется в темноте каюты. Дышит в унисон с вечной ночью, от которой защищает полуметровая броня обшивки. Неслышно скребётся острыми когтями с той стороны. Его можно почувствовать, если прислониться к холодной стене, выключить свет и слиться с окружающим корабль пространством.

Я не чувствую одиночества — меня же много, целых пятеро.

— Крот! Сашка! Ты здесь?! Зачем связь отключил?!

Свет больно бьет по глазам, и я зажимаюсь.

— У капитана шиза! Бегом! Быстрее! Останови его! Мы все сдохнем!

Руки дрожат. Лицо бледное. Дыхание прерывистое. Пульс под сто пятьдесят. Да, Николая, пойми, что такое настоящий страх. Прислушайся, как меняется всё внутри, как сердце пропускает удары, а низ живота сдавливает лапой с коготками.

— Когда? — спрашиваю я.

Мы пробираемся по коридору. Страх больше нет. Им нужен «я» номер два, Психолог, а он не боится. Для животных инстинктов просто не осталось места. «Мы», которые тоже «я» с номера второго по пятый, искусственные матрицы, не умеем бояться. Знает, что такое страх, только тот, первый, настоящий.

Но он пустышка. Он не умеет ничего. Он спрятался в глубине сознания, уступив место Психологу.

— Только что! В шлюзе закрылся! Сейчас откроет! Он заблокировал центральное управление! Что же делать?!

В предшлюзовом зале одинокий светильник разгоняет темноту. Вжимаюсь в холодные двери. Где-то там, с той стороны, рука

капитана лежит на красной кнопке, а за внешней дверью бьётся в ночи страх.

— Макс! — кричу я в переговорное устройство. — Ты что делаешь?! Что, надоела ответственность?! Хочешь оставить нас одних подышать?

— Не паникуй, Крот, — слышу в ответ спокойный голос. — Ты меня не останавливай, но спасибо, что пришёл. Мне хочется поговорить с тобой, каким знал тебя с детства. Последнее желание, а? — скорее всего, улыбается он.

И тут я понимаю, что моего друга не спасти. Можно даже не пытаться. В твердости ему не отказать.

— Хорошо, Макс.

Прощай, Психолог. Я отключаю матрицу с искусственным сознанием и становлюсь самим собой — Александром Кротко, полным нулём в обычной жизни, но универсалом четвёртой категории в первой космической экспедиции.

— Я здесь.

Старательно изучаю бегущую по двери трещинку, чтобы не замечать навалившейся темноты. Краем сознания ощущаю оставшихся членов экипажа. Они держатся молчаливой толпой во мраке. Ждут. Я не оглянусь, не посмотрю, так как боюсь увидеть среди них тех, кто ушёл.

Три года во тьме. Из двадцати человек осталось меньше половины. Максим сейчас нажмет кнопку и уйдёт вслед за другими, сократив число обречённых до восьми человек. Если он без скафандра, то космос накроет его сухой прохладой, из крови начнут выделяться растворённые газы, через десять

секунд Максим Охрипов потеряет сознание, а через минуту умрёт, продолжив лететь рядом с «Грифоном», напоминая распростёртую лягушку.

Если только он останется человеком.

А потом вслед за ним последуют и мы — кто раньше, кто позже. Ждать уже недолго — энергии осталось слишком мало.

— Мы обречены, Сашка, — говорит Макс.

— Я знаю.

— Нет, ты не понял. Не сейчас обречены. Не мы. Всё человечество. Мы не разобрались в себе. Не выбрали правильной дороги. Куда мы идём, Крот?

— К звёздам, — отвечаю я.

— Нет. Мы идем в никуда. Человек остался тем же, что и тысячи лет назад. Вся придуманная эволюция — ложь. Её нет! Мы начали сами изменять себя, называя это прогрессивным развитием. Имплантаты, киборги, искусственные сознания. Сколько их у тебя, универсал, — четыре?

— Да. Ты же знаешь, что по-другому для такого, как я, путь в космос был бы закрыт.

— Мы больше не живём! Мы функции. Я — капитан. Ты — сразу несколько масок. Мы только играем свои роли. Общество поглощает индивидуальности и никогда не эволюционирует во что-то другое, ведь развитие может быть только у отдельных личностей. Но мы привыкли к гигантскому одноклеточному, состоящему из миллионов людей. Оно сожрало нас с потрохами. А теперь мы сходим с ума в пустоте. Хотим измениться, как

должна меняться сама жизнь, но не можем.

— Да, Макс, мы сходим с ума.

...Трещина имеет пять ответвлений. Она пробегает маленькой молнией, напоминая, что когда-то давным-давно, целых три года назад, я видел грозу и голубое небо.

— Та катастрофа, Саша, может, она не была случайной? Это шанс взглянуть на себя по-другому? Что в твоей душе, кроме страха? Прощай!

Я не был готов, что Макс сделает это так внезапно. Над дверями тревожно вспыхивает красный индикатор. В шлюз за толстой дверью с хрипением врывается космос.

Тогда я прижимаюсь лбом к проклятой двери и закрываю глаза. Земля. Голубое небо. Зелёная трава на лугу. Мы с Максом, гуляющие под руки с девушками, после vypускного в космическом. Как звали девушек? Не помню. Настоящий «я» имеет плохую память. Он живой, а не искусственная маска, которая не забывает ничего.

Психолог, сволочь, оценивает людей, как подопытных кроликов. Вояка изображает самоуверенного рыцаря без страха и упрека. Хирург безучастно прооперирует любого, даже себя (шрам после аппендицита до сих пор иногда ноет). А Инженер по ворм-двигателю — самый незаменимый человек на «Грифоне».

Кто-то теребит за плечо. Оборачиваюсь. Николая шевелит губами, и его слова постепенно доходят до моего сознания.

— Шлюз разблокирован. Можно открывать.

Настоящий «я» ждет, пока разойдётся в стороны мембрана

двери, и пробирается вперед. В воздухе плавают красные брызги. На полу, возле выхода, белая слизь. Я дотягиваюсь и поднимаю прилипший к ней изогнутый коготь. У меня уже есть подобный. Когда-то коготь из моей коллекции был частью Мухи Волковского, и это всё, что осталось от его изменённого створённого тела.

Муху застрелил «я», который номер три.

Вояка, не ведающий сомнений.

* * *

Он быстро полз по коридору. Изогнутые когти на концах длинных щупалец цеплялись за скобы на стенах и подтягивали бесформенное тело, покрытое складками бурой кожи. Николая летел впереди, хватаясь руками и колотя ногами по воздуху. Потом, при осмотре, я обнаружил у счастливого-Николая два сломанных пальца.

Счастливого — потому что успел убежать. Вернее, я подоспел раньше, чем Николая всосала расширяющаяся пасть, полная мелких зубов.

— Муха! — орал Николая. — Муха! Это Муха! Крот!

Мгновенно переключившись на матрицу Вояки, я выхватил излучатель, определяя уязвимые точки монстра. После того, как на борту «Грифона» началось черт знает что, я постоянно ношу с собой боевое оружие — шокер тут не поможет. Электрический импульс воспламенил пиротехнический патрон. Высвободившаяся энергия в виде пучка поляризованных фотонов разрезала щупальце, уже готовое схватить Николая. Второй выстрел — в пасть. Третий и четвёртый — по

глазам, прячущимся в толстых складках.

Коридор наполнился фиолетовыми кляксами.

— Миха! — верещал Николя. — Ми-Ха! Ми!..

Чудовище пятилось. Лазерные вспышки кромсали его тело. Двадцать выстрелов — двадцать пустых патронов. В туннеле воняло палёной плотью.

Какой это по счету мутант? Чужой. Не человек.

Почему?

«Щелк!» — привычным для Вояки движением я сменил обойму в излучателе.

* * *

Сижу в своей норе. Под потолком тускло горит светильник. В руке — два когтя. Изогнутые и опасные, будучи на сильных щупальцах, они легко могут вспороть живот человека.

Что заставляет нас меняться? Космос? Неизвестное излучение? Вирус? Страх?

Мы десятки раз проверяли всё до мелочей. Атмосфера на корабле чиста. Обшивка защищает от звёздного ветра. Гиперпространство? Что мы знаем о короткой бесконечности, куда ныряет наш «Грифон», ведомый vorm-двигателем?

Миха — раз, Толик Скрыга — два, Роберт — три, капитан — четыре.

Эти четверо изменились. Остальные — вполне возможно, но свидетелей их исчезновения не было. Я спокоен только за Ольгена и Диму Роса — они погибли на проклятом Прочионе.

Но эти четверо...

Я, Толик и Роберт тогда висели за бортом, проверяя датчики. Вдруг

Роберт, глядя прямо на меня, схватился за шлем. Красавчик Роберт. Везунчик Роберт. Рубаха-парень и неунывающий жизнелюб, который на Земле не знал отбоя от девчонок. Он снял шлем, и ночь ворвалась в его скафандр. А в ответ выползли щупальца. Несколько долгих мгновений я наблюдал, как изменившийся Роберт разрывает когтями плотную гермоткань орущего Скрыги, после чего переключился на матрицу Вояки, перерубил страховочный трос и оттолкнул чудовище от Толика. Вид медленно уплывающего мутанта навсегда врезался в память всех моих матриц. Переключайся, не переключайся — не поможет. Буду помнить.

Скрыга, что (который?) лечился от декомпрессии, протянул недолго. Через трое корабельных суток новое чудовище выбралось из медотсека, пролезло в шлюз и открыло внешнюю дверь. Как капитан, чье превращение никто не видел. Только найденный коготь сообщает о многом. Но не дает ответа на вопрос: «Почему?»

«Итак, — говорит Психолог, — вернемся к нашим баранам. Какие есть версии?»

«Новых — никаких, — отвечает Хирург. — Я настаиваю на своей первоначальной теории — заражение неизвестным вирусом. Что могло просочиться сквозь системы биозащиты на том же Прочионе, например?»

«И потому мы не имеем права возвращаться на Землю», — ворчит Вояка.

С недавних пор я все чаще и чаще разговариваю сам с собой, мгновенно переключая матрицы.

Готовый блок информации нельзя заложить напрямую в мозг, он затрагивает твоё «я». Ты его не воспримешь, отторгнешь как чужеродный орган. Запись возможна лишь в виде дополнительных искусственных сознаний. Узаконенная шизофрения, с тем отличием, что личности у тебя в голове знают друг о друге.

«Хочу домой, — говорит настоящий «я».

«Все хотят, — ворчит Вояка. — Но если я убедюсь, то есть, убежусь, что мы представляем угрозу для Земли, то...»

«Взорвешь д-двигатель, да? — интересуется Инженер. — Ни-ч-чего у тебя не п-получится. Я т-там главный».

Инженера однажды зацепило потоком виртуальных фотонов, и с тех пор он заикается. На других матрицах это не сказывается — наверное, что-то психическое.

«Уж найду способ», — хмурится Вояка.

«Как будто есть шанс вернуть», — говорю я.

«Что ещё предположим, кроме неизвестного вируса?» — возвращаясь к теме разговора Психолог.

Хирург пожимает плечами и замолкает.

Я подхожу к ячейке с вещами и открываю дверцу. Затем достаю коробочку, в которой лежит высушенный жук со Второй Прочиона, пойманный среди зелёных кустов буйного леса. Форма надкрыльев жука полностью повторяет, вплоть до коричневых жилочек, рисунок вытянутых листьев. Посади такого на ветку — не увидишь. Когда я проходил мимо, то невезучий жук

имел неосторожность шевельнуться.

На концах лапок насекомого — маленькие изогнутые цепкие коготки.

«Что заставляет меняться живые существа на любой населённой планете? — спрашивает Психолог. — Как в процессе жизни могла появиться такая точная копия листа? Выживают наиболее приспособленные особи, которые с каждым поколением всё больше похожи на листья? Но невозможно столь точно скопировать, не понимая, что делаешь. Это словно слепой художник, наугад макающий кисти в разные краски, в результате получит прекрасную картину».

«Мимикрия», — говорит Вояка.

«А что такое мимикрия? — улыбается Психолог. — Некая волшебная фея, которая поколение за поколением меняет существа в нужную ей сторону? Так не бывает. Где-то внутри жизни должен быть заложен механизм приспособления. Он требует, чтобы организм подстраивался под окружающие условия».

«А ч-чем тогда т-твой воображаемый м-механизм отличается от в-волшебной феи? К-крибле-краблбумс — и в-всё изменилось? Он что — сидит и в нас тоже? Г-где? Геном ч-человека полностью изучен».

«Чёрт его знает где, — машет рукой Психолог. — Может, тут, — стучит он пальцем по лбу. — Спрятан в бегающих по нейронам импульсах? Люди про него ничего не знают, но подсознательно пытаются скопировать окружающее, приспособиться к среде обитания.

Еще в начале двадцатого века Петр Успенский высказывал идею такого приспособления. Когда страны покрылись фабричными трубами, человек оделся в чёрные строгие костюмы и нахлобучил высокие цилиндры. Вот тебе и мимикрия».

«Ты хочешь сказать, что жизнь может мгновенно принимать другие формы? Абсурд! — включает в разговор Хирург. — Тогда можно подумать, что при резком изменении условий существования динозавры не вымерли, а превратились в млекопитающих. Моя версия с вирусом более жизнеспособна».

«Может быть, может быть. Кто знает, что происходит с живыми клетками при панспермии, когда они попадают из космоса на планеты? Какие формы они принимают? И кто скажет, что может случиться с человеком, ныне вернувшимся в глубокий космос? Что такое разум вообще — может, случайная побочная линия мимикрии? Экзопланеты кишат жизнью, но разум мы нигде не нашли».

«Ты думаешь, что вот это, — крутит в руке когти Хирург, — наиболее приспособленная форма к жизни там?» — кивает он в сторону стены.

«Может быть, — вновь повторяет Психолог. — Ты видел, как новорожденные черепашки на морском берегу бегут к воде? Гибнут тысячами, но упрямо лезут в море. А вот эти, — трогает он острые когти, — стремятся в космос».

«Считаешь, что эти твари могут перемещаться в космическом пространстве?»

«Бред», — подытоживает Вояка.

Мы надолго замолкаем.

Молчаливо думает Психолог. Хмурясь, размышляет Хирург. Недовольно сопит Вояка. Инженер давно переключился на мысли о правильности использования виртуальных фотонов в качестве экзотической материи для заполнения гипертуннелей. Молчу и я, прислушиваясь к страху за стеной корабля и к страху в глубине себя. Они, искусственные матрицы, его не слышат и не чувствуют. О нём знаю лишь я. Коготки шестого зарождающегося сознания настойчиво скребутся и требуют выпустить на волю.

А ночь снаружи бьётся в унисон с чужими мыслями.

* * *

— Крот! Оглох, что ли?

Крик возвращает к действительности. Чужак внутри сознания опять прячется, так и не вырвавшись на свободу.

— Что, Николя? — отвечаю я.

— Мы тут посоветовались... Оказывается, по инструкции в случае смерти капитана и главного помощника принять командование должен универсал наивысшей категории. У тебя четвёртая, да? — Николя смотрит преданно и с надеждой. — Надо же что-то делать.

Распрямяюсь и выплываю в коридор. Николя пробирается позади. В каюте одиноко летает мёртвый инопланетный жук.

— Понимаешь, — переходит на заговорщицкий шепот Николя. — Они ведь не знают, что делать. Никто ничего не знает. Правда. И капитан — он же тоже дурак.

Прости, я помню, что он был твоим другом. Но он нас к гибели направил. Я теперь только тебе верю. Я не хочу умирать. Крот! Саша! Спаси нас!

— Николя, — говорю я, — мы с тобой очень похожи. Я тоже не хочу умирать.

Катастрофа произошла две недели назад, когда «Грифон» летел по гипертуннелю с Проциона на Ригель. Оставалась одна система и — домой. К голубому небу и девушкам, чьи имена и лица стерлись из памяти.

Официально мы назвали это складкой в туннеле. Корабль смяло об искривленные границы пространства и вышвырнуло в обычный космос на расстоянии одного светового года от Ригеля. «Грифон» выстоял, но произошла утечка энергии. На остатках топлива капитан направил корабль к Ригелю. Пока мы подлетим к звезде на достаточное расстояние, чтобы зарядить накопители для гиперпрыжка, пройдут годы, и энергии не хватит на системы жизнеобеспечения. Спаси нас может только чудо.

Николя хочет видеть волшебника во мне.

«К-кто-то из нас умеет вытаскивать к-кролика из шляпы? — интересуется Инженер. — Саша, у т-тебя нет в запасе матрицы чародея?»

«Ничего у него нет — вместо меня отвечает Хирург. — Наш трус прячется и скулит от страха».

«Но-но! Отставить! — возмущается Вояка. — Что за бунт на корабле?! Мы все в одном теле. Приказываю замолчать!»

«По какому праву приказываешь?» — хмыкает Хирург.

— Крот, что с тобой? — тербит за плечо Николя, мешая разговору. Я раздражённо отмахиваюсь.

«Перестаньте ссориться, — выплывает из глубин мозга Психолог. — Давайте лучше проанализируем ситуацию от обратного. Лететь вперед — медленное самоубийство. Инженер, как думаешь, можно ли вернуться назад на Процион? Сколько держится открытым гипертуннель?»

«Он уже з-захлопнулся за нашими спинами. Мы смогли бы т-только открыть новый, если бы хватило эн-нергии».

«Отчего могла возникнуть аномальная складка в гипертуннеле?»

«Ч-чёрт его знает. На испытаниях т-такого не случилось. Могла повредить большая масса — звезда, например».

«Или планета?»

«Если т-только она величиной с Юпитер. И т-то, вряд ли. Мы пройдем не-незамеченными».

«А если мы столкнёмся с другим искривленным пространством?»

«Т-тогда, да, конечно, вышвырнет на-на...»

— Крот! Сашка, очнись!

«А что могло искривить пространство аналогично нашему vorm-двигателю? — вмешивается в разговор Хирург. — Что это, если не природная аномалия?»

Мы молчим. Шестой в глубине сознания начинает шевелиться. Хочет что-то сообщить?

«Таких совпадений не бывает», — говорит Хирург.

«Но проверить мы должны. Идем!» — командует Психолог.

Не понял, с каких это пор он главенствует? Но я молчу, бросив

все силы на подавление Шестого. Николя обеспокоено смотрит мне вслед.

* * *

— Все показатели датчиков на экран, — говорю я, заняв место в рубке управления. — Интересует момент после катастрофы.

По экрану бегут цифры и графики.

— Николя!

— Да.

— Ты у нас навигатор. Расшифруй, что это за вспышка.

Николя изо всех сил старается быть полезным.

— Гипертуннель захлопнулся. Выброс энергии. Так, системы координат... Расстояние до Ригеля...

— А вот это что?

— Скорее всего, одиночный астероид, — через некоторое время отвечает Николя. — Судя по массе.

— Точно на месте аномалии?

— Ну... Да. Нас вынесло в двух тысячах километров от него. Больше ничего не могу сообщить.

«Ты говоришь, что совпадений не бывает?» — обращается Психолог к Хирургу.

— Когда ты прокладывал маршрут гипертуннеля, ничего необычного не было? — спрашиваю я.

В глубине мозга больно скребут острые коготки. Николя смотрит мне в глаза и почему-то бледнеет.

— Капитан...

— Что «капитан»?

— Он... Макс... Внес небольшие поправки, — опускает взгляд Николя. — Совсем незначительные. Я забыл об этом.

Шестой рвется на волю, царапая сознание. Я вжимаюсь в кресло,

насколько это возможно в невесомости. Лицо заливает пот.

— Капитан, что прикажешь делать? — спрашивает Николя.

* * *

На торможение и разворот понадобилась неделя. Чтобы набрать скорость и долететь до места катастрофы — еще две. Энергии остался один процент. Если мои предположения неверны, то это будет наш последний полет.

Я сплю урывками, не покидая рубку. Вояка не расстанется с излучателем, опасаясь бунта. Моя теория слишком безумна, чтобы рассказать о ней экипажу. Николя решил, что мы нашли способ восстановить гипертуннель в месте разрыва. Кажется, именно в этом он убеждает остальных, но в рубку я, на всякий случай, не пускаю никого, даже Николя.

Вот так и летим.

Вояка сжимает излучатель. Психолог замкнулся, изредка перебрасываясь фразами с Хирургом. Инженер в который раз проверяет записи датчиков. Я сдерживаю Шестого, о котором никто не знает. Шестой прет напролом.

«Есть т-точный сигнал!»

Неужели долетели?

— Николай Буров, зайди в рубку, — говорю я по системе громкой связи.

Через минуту в дверях появляется Николя.

— Смотри, — киваю я на экран, где бегут данные.

Объект сместился на три сотни километров от расчётной траектории, но мы его нашли.

— Так, — говорит Николя, — содержание железа пятьдесят

процентов, марганец — пять процентов, никель... Ого! Что это?!

— Приближаемся. Визуальный контакт! — сообщает почему-то переставший заикаться Инженер.

На экране вспыхивает бесконечная ночь, наполненная далёкими звёздами. Чёрная громадина висит в нескольких километрах от «Грифона».

— Это не астероид! — выдыхает Николя.

Шестой отчаянно пытается вырваться наружу. Меня кружит. Цепляюсь пальцами за стену и вижу перед собой скрюченные когти.

Нет! Назад! Еще не время! Я должен спасти экипаж. Я капитан! И я не сдамся просто так. Шестой вновь забивается в глубины сознания.

— Идем на стыковку, — хриплю я. — Где, чёрт возьми, у него шлюз?

* * *

От чужого корабля разит страхом и вечностью. Огромным мёртвым китом он дрейфует в космосе, осыпанный звёздной пылью и метеоритными осколками. Он давно заброшен и неуправляем. Он не отвечает на контакт — ни радио, ни визуальный, ни-ка-кой! Но где-то там, внутри, есть чужая жизнь и запасы спасительной энергии, которые чувствует бьющийся внутри меня Шестой.

— Капитан! Как же инструкция? Нас же готовили к возможному контакту, — суетится Николя.

Оборачиваюсь и хочу разорвать его скафандр, вспороть живот когтями, но вместо этого опускаю руку на плечо.

— К чёрту инструкцию, Николя. Мы же с тобой хотим жить, правда?

Николя кивает.

— Там — энергия. Мы возьмем ровно столько, чтобы хватило вернуться домой. Ты же мечтаешь увидеть небо?

— Но...

— Оставайтесь на корабле. Я пойду один. Так надо. Это приказ. Если что — ты за главного. Улетайте отсюда к чёртовой матери, как только сможете.

Пробираюсь по стыковочному коридору. Экипаж, все семь человек, остались за дверью по ту сторону шлюза. Впереди, за наполненным ночью проходом бьётся поджидающий страх.

Искусственные матрицы молчат. Они знают, что не дойдут. Потому что каждый метр дается с трудом. Потому что Шестой, чувствуя свободу и близость неведомого, вырывается на волю. Я не могу его удержать. Падают поставленные барьеры.

Первым погибает Инженер. Его разрывают невидимые когти, и вскрик больно проносится по мозгу. Вторым умирает Хирург. Он пытается перед смертью что-то сказать, но не успевает. Потом кричит Психолог, захлебываясь собственным искусственным сознанием.

Но я иду вперед.

Я Александр Кротко, универсал четвертой категории. Это память, руки и ноги, которые надо передвигать, пролетая в невесомости. Я тащу катушку, раскручивая и оставляя за собой длинный толстый хвост энергокабеля. Я помню себя и то, что должен сделать.

Последним затихает Вояка. Он сражался изо всех сил и продержался дольше остальных. Спасибо, Вояка, ты был храброй матрицей.

Внутри сопит ослабленный Шестой, тот, который со щупальцами и острыми когтями. Он — это тоже я? Я стал им, и он стал мною? У Шестого не осталось сил, чтобы созреть мое сознание?

Я человек. Я сохранил свой разум. Подавись, тварь! Выкуси! Ты всего лишь моя новая матрица. Роль, которую я доиграю до конца.

Оставив позади ошметки скаффандра, я ползу вперед, хватаясь за стенки туннеля. Дальше, в темноте, страх обретает форму. Он со щупальцами и красными глазами в складках кожи, словно множество

моих зеркальных отображений. Он — это Максим и Роберт, Толик Скрыга и другие существа с далеких планет. Чувствую, что они здесь. Но бывшие друзья меня не вспомнят. Они больше не люди. Они те, кто глотнули вакуума, и глубокий космос изменил их тела. Но там, впереди, запасы энергии. Я вдыхаю её запах. И я дойду. Пусть только кто-то попробует меня ошанить!

Я поднимаю передние щупальца с изогнутыми когтями и ухмыляюсь страху оскаленным тремя рядами острых зубов ртом.

Владимир Венгловский

Родился 13 декабря 1973 года в городе Житомире (Украина), где и проживает по сей день. Женат. Воспитывает дочку. Работает ведущим инженером-программистом.

Литературную деятельность начал в 2010 г. Пишет на русском и украинском языках в жанре научной фантастики, фэнтези, сказки и криптоистории. Рассказы публиковались в журналах «Полдень. XXI век», «Дніпро», «Уральский следопыт», «Химия и жизнь», «Мантикора», «Меридиан», «УФО», «РБЖ Азимут», сборниках издательств «ЭКСМО», «Шико» и др.

Неоднократный призер многих литературных конкурсов и фестивалей. Постоянный участник украинского литературного проекта «Зоряна Фортеця».

В 2011 году по итогам конкурса рассказов на тему «Легенды гор», проведенного фестивалем фантастики «Карпатская мантикора» рассказ «Квіти богині Макоші» («Цветы богини Макоши») был удостоен главного приза «Большая Железная мантикора».

ЕЛЕНА ШАЙКИНА

ЛЕТО ДЛЯ ПЕСТРОЙ БАБОЧКИ

— Может быть, все же передумаете? — спрашивает он. — Знаете, я, похоже, на редкость старомоден. Я как-то изначально рассчитывал, что это будет мужчина... Военный испытатель, например.

— У вас нет сейчас военного испытателя, — отвечаю я устало. — А по показателям я подхожу. Иначе меня бы не рекомендовали.

— Пожалуйста, подумайте еще раз... Если вам так уж хочется что-нибудь испытать, давайте определим вас к Петренко, у него новые разработки протезов. Никто не заметит, что у вас конечности не свои, я вам клянусь. Он вам такие ножки спроектирует, соглашайтесь! И пластика, конечно. Я смотрел ваши фото, вы красивая женщина. Так вот, вам полностью вернут лицо. Или изменят немного, если наскучило...

Он улыбается — качественно, ослепительно. Ухожен, благородно сед, само обаяние. Мне полагается растаять.

Осторожно улыбаюсь в ответ.

— Ну, вы согласны? — с надеждой переспрашивает он.

Мотаю головой.

Ослепительная улыбка тихо сползает с лица собеседника. Хорош все же, до чего хорош, даже без улыбки. Наверно, я сейчас должна жутко стесняться того, как выгляжу. Правой половины лица, которая вместе с пустой глазницей наскоро покрыта кукольно-розовой синтеткожей. Всею же покрытого огрызка правой

руки. Веселеньких розовых заплат — и по черепу, и по шее, и по плечам, и по месту, где раньше была правая грудь. На что похожа уцелевшая кожа, лучше не говорить. А ног, пожалуй, и стесняться нечего — нет их, по самые бедра.

Только мне уже все равно. Это ненадолго.

— Ирина, что же вы с собой делаете... И со мной... Уверяю вас, это не то, что нужно женщине, даже такой отчаянной.

Устало опускаю уцелевшее веко.

— Андрей Степанович, пожалуйста. Я уже решила. Вы можете отказаться от моей кандидатуры, вето там какое-нибудь наложить... Только знайте, что лишаает меня единственного варианта. А лучше сделайте все, что сможете, дайте мне шанс...

Сон и слабость наваливаются — одолжимо, и я едва слышу его ответ. Кажется, это согласие.

Букет нарциссов, целая охапка... Белые, молочные, золотистые лепестки, нежные оранжевые венчики, алые каемки по гофрированным краям, холодные чистые капли в венчиках и на листьях. Роскошь какая... Наверное, еще и пахнут, тонко так, одурительно... А вот с обонянием у меня теперь неважно.

Сашке неудобно на больничном стуле, он не знает, куда деть руки и о чем говорить со мной.

— Да я в порядке, Саш. Насколько это теперь возможно — в порядке.

И Семерищев согласился вроде бы. Так что уже недолго... Вот увидишь когда-нибудь, какая стану.

— Увижу, как же...

— Думаю, если все пройдет хорошо, все равно по теле покажут. Слушай, а вывези в сад? Здесь разрешают. Кресло вон за той дверкой.

Движемся по еще влажным от росы дорожкам. В саду свежо, и поверх рубашки я укутана в плед — голубой, с облаками и звездами. На меня не жалеют мощных анальгетиков, и боли практически нет, только острое то-скливое неудобство, но к нему я почти привыкла.

А хорошо, что Сашка пришел. Не забывают меня ребята.

— А ребята переживают за тебя, — говорит Сашка.

Я киваю. Как будто мысли подслушал.

— Особенно Рауль, — продолжает он. — Кажется, до сих пор виноватым себя считает.

— Я знаю. Он вчера после обеда приходил. Сашка, ну загоните вы его к психологу, ничем бы он не помог, ничем...

По щеке съезжает крупная слеза. Зачем я опять это вспомнила...

Сашка смотрит беспомощно, озирается вокруг, потом обламывает ветку цветущей черемухи и кладет мне на плед.

— Не плачь, Ир. Все у тебя будет как надо, меня на кучу жизней переживешь.

Всхлипываю, киваю снова.

— А Семерищев всю душу вынул, — жалеюсь сквозь слезы. — Протезы, говорит, новейшие, пластику, говорит, сделаем, вообще заметно не будет, только откажись... А как я откажусь?

— Ирин, — осторожно спрашивает Сашка, — а если вообще заметно не будет, так может, того? Не рисковать лишнего?

В голове быстренько складывается ответ — в четыре этажа, цензурны только пара предлогов и одно местоимение. Набираю воздуха...

Выдыхаю.

— Саш, ну что ты, будто сам не понимаешь. Будь эти протезы четырежды как родные, с Земли меня на них все равно не выпустят. Ну, может, туристкой лет через сорок.

— Может, тебя и так с Земли не выпустят.

— Это если все совсем косо пойдет. А вообще проект как раз под космос делался.

— Ирка, скажи, а не страшно тебе? Если все получится, это же... Тело практически вечное, знай меняй запчасти. Новый мозг тоже... чинится. Если какой-нибудь совсем убойной катастрофы не стрясется, сколько же ты проживешь! Я бы боялся. Боялся бы устать от всего, с ума сойти, еще чего-нибудь такого. А ты, вот честно?

На черемуховую гроздь садится бабочка, разводит и сводит пестрые крылья, замирает над облаками и звездами.

— Сколько они живут? — спрашиваю я тихонько, чтоб не спугнуть. — Хотя бы примерно?

— Эти — не знаю, — отвечает Сашка полупшепотом. — Некоторые живут день. Эти, наверное, тоже недолго... Ишь ты, ранняя...

— А вот прикинь, бабочке предложили прожить целое лето? И спросили, не боится ли она? Она же просто не представляет, как это — целое лето. Как для нас — вечность, понимаешь? Я вот тоже не представляю.

Нет, страшновато, конечно... Но до того интересно!

Сашка передергивает плечами. Кажется, он ощутил ту же дрожь ожидания, что так часто охватывает меня в последние дни. Кажется, ему тоже страшно и интересно.

— Я такая же, как она, — повторяю я.

И добавляю, улыбаясь:

— Такая же пестрая...

Сашка не улыбается. Похоже, ему больно видеть, на что похоже мое тело.

— Саша, я устала, — шепчу я. — Я сейчас усну. Увези меня в палату...

Я пока очень быстро устаю.

Послеобеденное солнце щедро льется в раскрытое окно, ложится теплыми квадратами на кремовое покрытие пола. Сквозняк шевелит отдернутые тонкие занавески. Нарциссы горделиво цветут в пузатой прозрачной вазе на тумбочке, сбоку к ним неуверенно прижалась веточка черемухи. Бабочка улетела. Сашка ушел.

У меня все будет хорошо. Семерищев согласен, и скоро я буду обживать новое тело. Оно не слишком человекообразно, но каков там запас прочности! И конечности все на месте, а оторвутся, так можно другие прикрутить. А сколько у него новых возможностей... Я смогу видеть так, как не видел ни один человек, какими бы приборами ни пользовался. Я смогу ощущать столько и такого, о чем люди и не мечтали. Человек задействует свой мозг на жалобно малую часть, а я буду учиться использовать его все-р-ез.

И, наконец, — я смогу выходить в открытый космос. Без громоздких систем жизнеобеспечения, без неуклюжего скафандра, по-настоящему.

Я — бабочка. Мой кокон — мое тело, оно носило меня, питало и берегло положенный срок, а теперь я улетаю. Я благодарна ему, но расстаюсь без скорби.

Я — пестрая бабочка, и у меня все лето впереди. Я буду жить вечно.

1 июня 2007 г.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

КАРНАВАЛЬНЫЙ ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЫЮ

Настоящему счастью нужны хорошие тормоза. Иначе оно обгонит всех и умчится в будущее.

Висеть за перилами крыльца, уцепившись пальцами за кованый орнамент, а носками упираясь в планку на пороге, было жутко неудобно. Начиная кружиться голова, болели пальцы, а проплывавший внизу ковыль щекотал ноги.

— А вот и вижу, вот и вижу! — закричала Белла. Только Яромир не поддался, сестра уж слишком фальшивила и хотела выманить его из укрытия.

— Вот ты где! — кричала она через секунду уже из другой комнаты.

Но крики не приносят победы — Яромир самым краем уха расслышал из библиотеки: «Палец-тукалец Костя!»... Первый.

Торопливый перестук сандалий и снова: «А вот вижу!».

Тут дом вдруг начал разворачиваться, пальцы не выдержали, и наш герой полетел вниз — в кусты.

Совсем рядом, блестя окнами и вращая флюгерами, поворачивался дом.

— Помогите!! — Яромир кричал больше от обиды, чем от страха.

Дом всегда слышал зов любого из своих жильцов. О том, чтобы оставить мальчишку посреди степи, и речи быть не могло.

Через пять минут тот уже стоял перед отцом в его мастерской. Остальные дети толпились за дверьми.

— Ну и? — отец любил мастеров башмаки самых неожиданных

фасонов, и теперь забивал маленькие черные гвозди в подметки очередного обувного изыска.

Яромир молча вздохнул.

— Сколько раз было сказано — пока едем, никаких выходов.

Отцу было всё равно, но мать боялась, что дети будут пытаться догнать дом или неудачно спрыгнуть и обязательно что-нибудь себе сломают.

— Я случайно, просто дом повернул. Прятки.

— Ты бы еще под домом устроиться попытался. Вообще бы не нашли, — молоток цокнул по шляпке гвоздя.

— Я...

— Ты ни в чем не виноват, уже слышал, — отец добавил в голос язвительности.

Яромир умолк.

— Идешь к деду, сидишь у него до конца дня. Только будь умнее прошлого раза и не изображай поноса, — снова вороненый молоток ударил по шляпке. — Прятки, хм...

Ступеньки под ногами скрипели отвратительно. Дед с бабкой жили в башенке, на третьем этаже. Бабка ещё могла спускаться днём к остальным, но дед сидел как прибитый за своей математикой. И заставлял учить эту математику всех детей!

Особенно мерзко было то, что дед расположился под самой крышей. Верх его кабинета был прозрачным,

и видно было далеко, а детям приходилось тупо смотреть на дисплей. И даже множество занимательных вещей на полках, вроде пистолетов или кинжалов, толком не удавалось разглядеть: дед не любил, когда их трогали. Лишь одна непонятная надпись — «Останься человеком!» — бросалась в глаза.

— Та-а-ак-с, судя по мрачному лицу, прибыл новый жаждущий знаний?

— Вроде того.

— А в прошлый раз что у нас было? Дискриминант и много квадратов, — дед движением пальцев подозвал большой дисплей на ножке, и тот изогнулся перед человеком, как подсолнух. — Садись. Зачем в уравнениях используется дискриминант?

И так — три часа подряд. Ещё пришлось самому решать задачи, а дисплей, как назло, не хотел думать вместо человека. Но ведь должен? А когда опускались руки и голова отказывалась работать, дед снова и снова капал на мозги, язвил.

— Ничего, вот мы логарифмы скоро начнём, а через пару лет ты и до интегралов дорастёшь. А то, понимаешь, светлая голова непонятно чем занята, надо её к делу приставить...

Незадолго до ужина дед прекратил нудное бурчание и поучительные рассуждения — можно было идти вниз.

Семья всегда собиралась в центральном зале, где большой камин зажигали только по главным праздникам и на втором уровне пылились тысячи томов семейной библиотеки.

Есть можно было только после того, как бабушка и тётя Настасья помолятся.

— Уха не очень, — дед ещё не отошел от своего раздражения.

— Игнатий Георгиевич, не я её готовила, — усмехнулась тётя Настасья. — Программу уж четвёртый день не меняли.

— Тогда приелась. Пусть борщ будет.

— На озёра заедем? — решил сменить тему отец.

Наташа распахнула глаза и хотела закричать: «Хочу, хочу!», но Костя пихнул её ногой под столом.

— Уже проплатили порт к Олешковому. На озера они и так заглянут. Лучше через Старобельск пройдем. Им будет полезно посмотреть, — дядя Михаил подвинул к себе грибы. — И не задержимся.

— Значит, мы в гости идём? — не утерпела Белла.

— Идёте, идёте, — успокоила её мама.

Вызвали по телефону Маринку. Она только кивнула в ответ — заходите.

Большая дверь слева от камина. Базальтовые, стеклянистые лутки, гранитный порог, сама дверь из листов меди. Открывать её могли только взрослые.

— Возвращаетесь до темноты, — напомнил отец. — Кто опоздает, будет ещё и тригонометрию изучать.

С той стороны Ядвига Марковна открыла свою дверь, и получился простой проход. Отсюда — туда. Все пятеро вбежали, торопливо поздоровались с хозяйкой — и вот уже Маринка, что ждёт их на берегу.

— А через неделю мы ещё раз придем? Твоя мама разрешит нас пригласить? — спросила практичная Наташа после весело проведённого дня.

— Да, — улыбнулась Маринка. — Только не сюда, тут полмесяца теплого времени кончаются, мы южнее откочем.

Со скрежетом начали открываться двери внутри дома... Пора.

* * *

Утром следующего дня дом остановился над одним из древних мест. Ковыль здесь не рос, только мелкая трава и какой-то бурьян, похожий на крапиву. Домов вокруг не было, лишь остатки фундаментов выступали из-под земли, будто камни из-под воды при приливе — только вот отлив никак не начинался. И ещё было несколько асфальтовых и вымощенных плиткой дорожек, по ним и ходили. Если бы не редкие деревца, можно было взобраться на любую глыбу и рассмотреть все руины целиком.

Яромиру стало скучно и немного тоскливо. Зато дед с бабкой оживились, переходили от одного железобетонного «надгробья» к другому и рассматривали на планшете, каким был раньше этот город.

Родители надели очки с «виртуальностью» и ходили где-то далеко: им было интересно побродить по местам прошлой жизни, послушать разговоры тогдашних людей, посмотреть на них.

Детям тоже выдали планшет, и Яромир увидел улицы, полные народа, машины. А ещё пустые переулки, разбитые фонари.

— Дед этого уже не застал, — Мелитон был задумчив.

— Так чего тогда ему всё интересно?

— Из-за рассказов. Во времена его детства все разговоры были только об этом, — Мелитон обвёл рукой скелет города, по которому бродил ветер.

Наташа потянула Мелитона за рукав:

— Пошли вон туда, там посидеть можно.

И точно — там, куда она показывала пальцем, когда-то был крошечный сквер. Уцелело две скамейки, но почему-то не выросло ни одного дерева.

— Здесь хорошо картошку печь, — невпопад высказался Костя.

Мелитон молчал. Он всегда был главным среди детей, и во всех сложных случаях остальные старались делать как он. Сейчас старший брат просто слушал ветер, редкие звуки голосов и скрип камня под подошвами. Иногда он вызывал на планшете фотографии или даже видео, но звука не включил ни разу. Прапрапрадед жил здесь, на улице Октябрьской. Работал на «токарном станке» — Яромир знал, что это такое. Ему совершенно не нравилось, что предок тратил день за днем на нудную и глупую работу. Ему много раз объясняли, что раньше так жили все, но услышать объяснения взрослых — это одно, а принять и почувствовать — это совсем другое. Мелитон говорил, что многое становится понятным после карнавала...

Притихнув, дети просидели в сквере до обеда.

Едва последний жилец поднялся на крыльцо, дом помчался на север.

Бабушка, мама и тётя Настасья потратили весь остаток дня на приведение детей в порядок. Достали костюмы, платья. Вместо кед в дело пошли начищенные ботинки. Мелитону пришлось даже примерить галстук. Одновременно детям прожужжали все уши о том, что надо быть вежливыми — и обязательно, непременно с кем-нибудь подружиться. Яромир не понимал, как

можно вообще ни с кем не подружиться в большой толпе, но если делать это под дедовским надзором, то наверняка ничего не получится. Старшие на вопросы не отвечали, только ещё старательнее наводили лоск на детские костюмы.

Когда все пятеро вышли в большой зал и попытались чинно усесться за столом, Белла не выдержала и засмеялась — они так напоминали кукол из коллекции прадеда, что, казалось, их прямо сейчас можно рассадить за стеклом в старой комнате. И все расхохотались вслед за ней, но вот сверху вышел дед, и его худое вытянувшееся лицо не предвещало ничего хорошего.

— Кроме Мелитона, главных событий прошлого карнавала никто из вас не помнит. Наслушались только много и ещё больше насмотрелись. Так вот, кто в неприятности влипнет, тот потом с развлечениями надолго завяжет. А главная неприятность какая?

Дети молчали. Младшие не знали, что ответить, а Мелитон не портил игру.

— Соображайте, — дед погладил седые бакенбарды, выдержал театральную паузу и объяснил:

— А вот какая: если о семье плохо подумают. По отдельности — каждого из вас выгнать, никаких денег не пожалеем. Но если через кого-то из вас беда для всех настанет, то всё.

— А как узнать? — спросила своим серьёзно-старательным голосом Наташа.

— Тут я посоветовать не могу, самому головой придётся работать...

Совсем не так, как ожидали дети, начался карнавал.

Не успели девочки повязать банты, а мальчики ещё раз вычистить туфли,

как за окнами появились другие дома. Яромир бывал в гостях и видел очень разные дома, но страшно удивился одному — почти прозрачному, в виде бублика, и ещё какому-то, вроде разросшегося комка теста.

Все дома, как пчёлы на мёд, летели в сторону старой Андреевской церкви. Там уже, будто из пустоты, начал возникать настоящий город. Дома строились в улицы, переулки, проспекты, водили хороводы над будущими площадями, а потом неспешно опускались на землю. Некоторые громоздились друг на друга, и получались карикатуры на небоскребы прошлых веков. Выглядело всё это очень весело. Вместо тротуаров были железобетонные плиты, которые Яромир видел в старом аэропорту.

...Дверь рядом с камином как-то по-особенному ухнула, заскрежетала медь, а потом заскрипел камень.

— На время карнавала порталы отключены, — бархатым голосом проговорил дом.

Тогда родители открыли парадную дверь и парой, под руку, спустились с крыльца. Дядя Михаил и Настасья Ивановна тоже собрались выходить.

— А мы? — удивилась Белла.

— Делайте что хотите, — отмахнулся отец. — У нас свои дела.

Мать отвернулась, и они быстро скрылись за углом.

...Дети высыпали на улицу, а там было на кого посмотреть и чему удивиться. Такое количество людей они видели только в играх про старые времена. Но в каждой игре персонажи были хоть немного похожи друг на друга, а здесь все отличались! Одежда разнообразных фасонов, непонятные причёски...

Им приходилось перекрикивать шум заполненной людьми улицы.

— Что я вам ещё говорил? Ну-ка, вспомнили! Или будем весь день стоять? — Мелитон дёрнул за рукав Беллу, чтобы та убралась с дороги здоровяка, обвесившего себя целыми пластами зелёного искусственного жира.

— Игрушки? — протянул Костя.

— Атракционы! — вспомнила правильное слово Наташа.

— Тогда — за мной и не отставать!

И тут Яромир понял, что следующего карнавала он будет ждать из всех сил. Чтобы быстрее пришёл. Потому что никакая виртуальная игра, даже в очках или на подвесах не сравнится со всеми развлечениями города, который возник из пустоты.

Они стреляли из пушек в дом-подушку, и ветер держал их над площадью. Они невредимыми прошли сквозь пламя и разгадали секрет подводного лабиринта. Пытались удержаться на большом скачущем пауке, боксировали с кенгуру, разрушали змей, ловили живых солнечных зайчиков.

А ещё было много лакомств на каждой площади — их подавали приветливые роботы с мордами животных, а иногда и «живые» кусты.

Взрослые вокруг тоже развлекались как могли — катались, взлетали, стреляли. Их, правда, было немного, зато все дети города ходили по улицам.

Потом никто не мог точно вспомнить, как началось знакомство с йоликами. Может, Белла пошутила насчёт их шапок с бордовыми кисточками, может, Мелитон уступил в тире винтовку самому ловкому из них. Но не прошло и получаса с момента встречи, как они уже были едва

ли не лучшими друзьями и знали друг о друге почти всё.

Йоликов было четыре больших семьи, и жили они в самом настоящем замке. Абсолютно средневековым — даже ворота были с откидным мостом, а чтобы зайти внутрь, Зоил трижды протрубил в маленькую раковину, которую носил на поясе.

Встретила их древняя, сгорбленная старушка, вязавшая на спицах. Равнодушно кивнула, и только. Три брата жили в башне, на одном из средних этажей. Они разожгли камин, поставили вертел, Рафаил сбегал за мясом с ледника. Гостей посадили на табуреты и ещё подвинули от стены сундук.

— А математику вы учите? — первым делом спросила Белла.

— Да я до тысячи считать умею, — не без гордости сказал Зоил.

Наташа могла засмеяться, но Мелитон предусмотрительно пихнул её локтем в бок.

— Зато мы в лесах охотимся, — Гастроил показал всем птичий череп. — Я сам фазанов уже во как хорошо стреляю. А как побольшаю, отец меня на тура возьмёт.

— Вот ведь хвостун, — хмыкнул Зоил. — Ты б ещё медведя приплёл.

— За медведя я не вру. А тура да, обещали мне.

— Слушай, — Яромир только что занозил палец, — какой робот вам табуреты делает? Нельзя его перепрограммировать?

— Сидушки? Мы сами делаем, — удивился Рафаил, — тут вообще всё мы сами сделали.

— А вот это — что?

— Это? Светец. В него лучину вставляем, зажигаем. И вообще, давайте есть.

Было много ягод, какие-то корешки, морковка и яблоки. Мясо

жарилось на огне, и гости смотрели на него голодными глазами, хотя уже наелись сладкого в городе.

— А спите вы где?

— Вишь, веревки от гамаков? Отлично спать, и крысы не страшны.

— Тут есть крысы? — Наташа удивилась совершенно искренне — она знала, что крыс надо бояться, но ещё ни одной не видела.

— Иногда заводятся, — Рафаил понял, что сболтнул лишнего.

Стали говорить о лесах — кто где живёт. У йоликов были обширные угодья и жили они самой настоящей охотой. Когда Яромир рассказал, что их дом кочует на многие дни пути, как захочется хозяевам, — удивились, зачем. Так же можно потерять свои угодья и не вернуться к ним.

Рафаил полез за своим арбалетом, и они с Яромиром пересели на другой сундук: принялись выяснять, как ловчее стрелять дичь и как работает механизм арбалета. Йолик ровным счётом ничего не понимал в механике — стрелял всегда только на глаз, да и прицелов на арбалете не было. Рассуждения Яромира он воспринял как хвастовство и немного как магию — в ответ немедленно рассказал, что нельзя стрелять благородных оленей, потому что их двоюродный дед Рох превратился именно в оленя.

Потом поспело мясо. Зоил разрубил его на куски большим тесаком и оделил каждого порцией на оловянной тарелке. Вилки не оказалось, поэтому все пользовались ножами.

— И вы к нам приходите, — Мелитон произнес традиционную фразу ответного приглашения, как только был съеден последний кусок.

— Непременно будем, — вежливо склонил голову Зоил.

Когда дети выбрались на улицу, желание заговаривать с чужими у них куда-то пропало. Нет, Йолики прикольные ребята. С ними хорошо бы сыграть в футбол. Но жить так, как они, при лучине, с крысами и мечтой завалить быка всю свою жизнь... Тут было что-то не то. Даже Костя почувствовал.

Всё же смутные детские опасения не пережили встречи с первым же атракционом... если не считать задумавшегося Яромира, да ещё Мелитон был подчёркнуто равнодушен. А потом были «гигантские шаги», «проходы через зеркало», «мухлёж» и множество иных развлечений. В голове у Яромира кипело от впечатлений.

С началом темноты стали зажигаться тысячи фонарей, выросших из стен и крыш домов. Они были такими же странными, как и сами дома: белые светящиеся верёвки, жёлтые шары в лакированных коробочках, синие пульсирующие комки, даже мраморные статуи, которые вроде бы не походили на лампы, но разгоняли тьму вокруг себя. Одна такая статуя, мраморная голова с резкими чертами лица, напомнила всем деда — дети засмеялись. Но, усмехнувшись, Мелитон спохватился и увёл всех спать.

Дед, который, оказывается, никуда не выходил, встретил компанию довольным кивком и отпустил по спальням. Всем казалось, что они не уснут до полуночи. Будут вспоминать день. Однако завтра их ожидало не меньшее количество развлечений, и хитрые детские организмы сами поняли, что надо как следует выспаться.

Второй день не то, чтобы разочаровал, но того сказочного удивления почему-то не принёс. Особенно

Мелитону — все детские аттракционы вдруг начали казаться ему скучными и пресными. Он прибил к волейбольной команде, которая состояла пока только из восьми человек, зато у них была сетка, и с его приходом стало возможно играть четыре на четыре. Младшие дети поглазели на игру, поглазели — и разошлись в разные стороны играть и знакомиться.

На третий день Мелитон вспомнил, что надо и к себе кого-то пригласить, выбрал для приглашения обвешанных финтифлюшками брата и сестру, почти своих сверстников. Туржайтов. Чтобы не разговаривать с ними в одиночку, Мелитон увёл с катка Яромира. Тот был жутко недоволен, но обязанности свои ещё не забыл.

— Мы уже были в похожем доме, — сказал старший, Самарий. — Давно, через телепорт. Тогда прапрадедушка с кем-то договорился, и мы там целый день просидели. Хозяйева почему-то ушли.

— Ух ты, он у вас ещё живой? — удивился Яромир.

— Почему живой? — пожал плечами Самарий. — Помер ещё до моего рождения.

— У нас все предки до пятого колена в компьютерах живут. Своими делами занимаются, — Ольга чуточку хвасталась. — Как кто из наших померёт, его в анабиоз кладут, ну это, в холодильник. А чуть позже оживляют. У нас, туржайтов, есть ещё свой, отдельный, не карнавал даже, а фестиваль. Слетаемся к острову Мёртвых. Там таинство и происходит — душу из тела в компьютер перегоняют.

— А все эти предки — как вы с ними общаетесь? Сидеть в ящиках

целую вечность довольно скучно, — осведомился Мелитон.

— Так они всегда с нами. Через это, — Самарий дотронулся до обруча у себя на голове. — Смотрят, слушают и подсказывают.

— Ээ... Того не ешь, туда не ходи? Чтоб со мной всю жизнь дед был? Нет, я лучше обойдусь, — скривился Яромир.

— А они не ссорятся, я имею в виду предки? Если компьютерных личностей больше, чем таких, обыкновенных, то впечатлений на всех не хватает? — Мелитону было интересно.

— Бывает, и ссорятся. Только не при нас, — засмеялись брат с сестрой. — Чем предки в астрале занимаются, нам знать не положено. Хоть стенка на стенку идут. Но с живыми они всегда порядок держат.

— То есть в наушнике единственный голос, толпы нет?

— Ха-ха, нет, конечно, этого никогда не было, — мотнул головой Самарий.

— Занятно, занятно...

Яромир заскучал. Он вдруг вспомнил, что дед с бабушкой так и не вышли из дома. Кивнул брату, гостям, выскочил из-за стола, но на лестнице, перед дверью в дедовский кабинет, услышал печальную, монотонную мелодию. Раз дед вытащил из шкафа виолончель, у него отвратительное настроение и он совершенно никого не желает видеть.

Дверь в верхнюю мастерскую была заперта, оттуда доносился стрёкот швейной машинки. Тогда Яромир подумал, что они все аттракционы видели по сто раз, им скучно, и вообще, их лучше не трогать.

Побежал на каток. Но катался он скорее машинально, раздумывая о вечной жизни в компьютерах. И ещё — о йоликах. В их дикой жизни было что-то граничное, предельное. Вот ещё чуть-чуть — и край, обрыв. Почему так получилось, Яромир не мог понять. После ужина он долго разговаривал с домом, выпрашивал подробности. А когда остальные дети ушли спать, остался в кресле у камина дожидаться прихода родителей.

Они вернулись за полночь, разбудив его грохотом упавшей вазы. Мама поднялась к себе, а отец, увидев Яромира и сообразив, что у того возникли какие-то уж очень важные вопросы, прошёл, пошатываясь, на кухню. Спустя четверть часа вернулся совершенно трезвым, с бокалом зеленовато-коричневой булькающей жидкости. Устроился в кресле напротив.

— Удивился чему-то так сильно, что решил поговорить со мной, не дожидаясь утра? — он отхлебнул из бокала и поморщился.

— У нас в гостях были туржайты, — начал Яромир.

— И банда виртуальных предков оберегала их от несчастий, — кивнул отец.

— Ихние прадеды и прабабки...

— Их прадеды и прабабки, — поправил его отец. — А если совсем точно, то туржайты верят в наличие виртуальных предков. Они много во что верят, только почти всё — полный бред и гарантированная ахинея.

— Но ведь они помнят все события, это не подделаешь, — удивился Яромир.

— И мы не знаем, правда это или ложь. Может быть, идёт сканирование только памяти, без воли и характера. А потом единственная программа изображает толпу родственников.

Яромир наморщил лоб, не понимая.

— Там, в компьютерах, не личности, а только их память. Технологически и юридически это куда проще. А люди как умирали, так и умирают, разве что с блаженной улыбкой на устах, думают, что им вечная жизнь гарантирована. Видимость есть, а человека-то, человека уже нет.

— Это точно?

— Понятия не имею. А вот насчёт йоликов наверняка скажу — превращение в зверей у них половинчатое. Немного характера и пару образов из памяти, чтобы своих узнавать, компьютеры закладывают бедным оленям... И всё.

— Но почему не рассказать им...

— Хватит, — отец залпом осушил бокал. — Кхе, какая гадость... После завтра мы гостей принимаем, взрослых. Будешь сидеть за столом молча — кое-что услышишь. Или они могут с собой кого-нибудь привести, тогда поговоришь... Ладно, сейчас — спать. Пошёл, пошёл, все вопросы завтра.

И отец, мотая головой, поднялся с кресла.

Дом напомнил Яромиру о приходе гостей за полчаса — надо было успеть повторить фокус с парадным костюмом, причесаться и вообще — превратиться в куклу.

Гости были странной семьей. Хотя на карнавале Яромир успел привыкнуть к странностям. Говорили быстро, смотрели порой сквозь собеседника, и ещё — могли поменять за секунду несколько выражений лица, будто примеряли маски. Много улыбались, вполне искренне и тепло, но совершенно непонятно, чему.

Их сын, на год или два младше Яромира, вёл себя точно так же.

Расселись по разные стороны стола, но дети только слушали, а разговор взрослых укатился в намёках и цитатах так далеко, что Яромир понимал с пятого на десятое. Это его очень злило.

— ...что слышно в системе, Николай? — спросила мама.

— Европу, что возле Юпитера, терраформировали, но для гоминидов подходят только два клочка-резервации. Остальное заточили под электронику. Не фонтан. Если будут предлагать перевозку — не советую. Марс — ещё куда ни шло, но Европа...

— Думаете, зачистят?

— При первых колебаниях котировок, — кивнул гость. — Биржа неустойчива.

— У машин не было доказанных противостояний? — отцу тоже было интересно.

— Локальные конфликты по Морю Ясности, свечение можно было наблюдать в стандартный телескоп. Нет, не взрывы и ничего похожего. Загравочное перепрограммирование?

— Там были бы светлячки, они бы отжигали по двадцать пять ватт.

— Что Земля?

— Хомо-заповедники под контролем. Ни одна из сторон не размещает близко от поверхности сколько-нибудь ценные производства, — выдал скороговорку Николай.

— Или размещает, — улыбнулась его жена.

— Тот комплекс в Липках — это липа классическая.

— А в каждой классической липе сидит настоящий... — она не договорила, но гости синхронно кивнули хозяевам, дескать, если что-то там и есть, то мы этого не подтверждаем.

— Маргарита, появлялись крупные личности с человеческими чертами характера? — настала очередь матери спрашивать.

— Ни один из жестяных мозгов первого ранга на человека не похож. Совершенно. Тут мы можем быть спокойны, ревность исключена, только бизнес.

Николай на секунду прикрыл глаза. Бросил:

— Если вас не интересуют окна из колодца наверх, то чего же вы ищете?

— Они не будут расширять допустимый энергетический и технологический коридор возможностей, — холодно обронила Маргарита.

Чёрные глаза на её треугольном лице вдруг показались Яромиру парой чёрных тараканов, которых он когда-то держал в банке.

— Мы не так наивны, Марго, — улыбнулся отец. — Нас интересует демография и разнообразие человеческой комедии. Не собираются ли там, — он ткнул вилкой в сторону потолка, — прикрывать лавочку.

— Антропоморфизм сохранится в прежних девиационных рамках. Корреляция с эталонными образцами продолжится регрессивным способом.

Яромир закашлялся. Отец сделал вид, что не слышит, мать изогнула бровь.

— Это означает, что людям не будут позволять окончательно оскопиниваться или преображаться в машины, а карнавал останется главным событием семилетия, — пояснил сидящий напротив мальчишка.

Заметно было, что он не испытывает к хозяину тёплых чувств, но ясно, что и с кулаками на Яромира не набросится.

— Отбор семейств — вот в чём основной вопрос. Будут ли они снимать фигуры с доски? В ближайшее время? — как ни в чём ни бывало продолжил отец.

«Будут ли они убивать», — Яромир сам не понял, как додумал эту фразу.

— В эти отчёты я не заглядывал, да и заглянуть туда человеку весьма проблематично... А вот вы не пользуетесь церебральным каналом данных, не общаетесь с машиной в прямом режиме, — он постучал себя по виску. — Учёба по старинке, с дисплея. И меня всегда удивляло, что вы не следите за внешним миром.

— Тогда бы мы стали такими же как вы, а вернее, наполовину машинами, — улыбнулась мама.

— Но это наш единственный шанс хоть что-то понимать, знать, быть свободными, — ответила ей Маргарита.

— Не по плечу нам такая задача, надорвёмся мы от неё, — вздохнул отец. — И если опустить средние строчки в длинном решении уравнения, то я отвечу просто: среди вас многовато воплотившихся, тех, кто окончательно стал машинами.

— Но и вы наш резерв, — Николай скопировал вздох отца. — Кто-то ведь жаждет знания, и регулярно оставляет расслабляющий досуг, чтобы окунуться в пену форвардных котировок на открытия в физике и, может быть, даже собрать немного настоящих денег.

— Такое редко бывает, — ответила ему мать. — У наших семьи крепкие.

— Но этот хилый поток позволяет нам закрыть недостаток в кадрах. Без вас мы бы зависели от лимита на клонирование, — парировала Маргарита.

Они говорили ещё долго. Уже пришли братья и сёстры Яромира,

их спровадили наверх, а разговор всё длился. Наконец, гости собрались уходить. Родители задержались с ними на крыльце — договорить...

Яромир почувствовал, как его трясут за плечо.

— Дед, ты спустился? А мама? — он протёр глаза.

— Родителям сложнее, чем тебе. Детей и стариков карнавал почти никогда не забирает, так что говори пока со мной, — дед щёлкнул внука по носу.

— Что с твоими бакенбардами?

Тот посмотрелся в полированный бок сахарницы.

— Зеленею? Завтра последний день, ты тоже вот-вот начнешь меняться.

— Зачем? — внук сам побыстрее посмотрелся в кофейник.

Он хотел, чтобы у него отросли клыки и можно было прикинуться вампиром. Но вопрос из головы не исчез.

Дед сел на освободившийся стул, достал трубку, набил её и со вкусом прикурил от маленького свинцового дракончика, которого обыкновенно носил в жилетном кармане.

— Нам надо как-то оставаться людьми. Ещё когда всё начиналось, мы никак не могли решить, что отличает человека от машины или от животного. И что делать с двухголовыми младенцами? А таких начинали программировать и рожать едва ли не десятками.

Яромиру было грустно. Он понимал, что дед объясняет ему то самое главное, чего он не понял или не услышал в разговоре, но уж лучше объесться повидлом и просидеть весь день на унитазах...

— Вот так появился карнавал. Машины уже стали главнее нас, и те, кто стали машинами, не очень любили тех, что остались людьми. Нам оставили Землю (?), но запретили иметь города, самим летать в космос и много чего ещё. Телепорты вернули, да и то — лишь по большим праздникам. А в день карнавала мы не можем быть самими собой.

— Зачем?

— Чтобы быть искренними в хлопке одной ладонью, понять других людей, — он подмигнул внуку янтарно-жёлтым глазом с вертикальным зрачком. Веко тоже изменилось, стало тяжёлым и посерело. — Каждый понимает мир по-своему, а договариваться надо. Вот все барьеры и падают, абсолютно все.

— Но тогда для чего мне учиться, ведь всё только игра?

Дед выдохнул колечко дыма.

— Мелитон — отличный парень, за ним любой родич, как за каменной стеной. Но ему туго даётся учёба. А если мы перестанем разбираться в том, как работает дом, то рано или поздно станем очередными йоликами. Так что он всю жизнь будет играть и держать семью в кулаке, а ты — строить для него декорации и заниматься домом. Так оно лучше выйдет...

Ещё одно колечко ушло...

— Иди спать, утро вечера мудренее.

Яромир взглянул на свои удлиннившиеся когти и решил, что лучше ему заснуть...

Утро началось с визга Беллы. Запредельного, пронизывающего, истеричного — он сотрясал весь дом. А когда в спальню девочек

прибежала мать, похожая на зеркальную куклу, визг только усилился. Девочку предупреждали о трансформации много раз, и она не боялась, но проснуться большой прямоходящей болонкой со злыми рубиновыми глазами в её планы совершенно не входило.

Каждый мог рассматривать себя перед зеркалом. Мелитон стал похож на медного голема, тяжёлого, основательного, с широкими ступнями и ногами на шарнирах. Костя стал жуком-бронзовкой. Яромир — деревянной куклой, вроде как липовой, с длинным носом и блестящими никелевыми когтями. Наташа пошутила, что он теперь может не мечтать о татуировке, как полгода назад, а вырезать её себе. Сама она обернулась мраморной статуей, и всё бы хорошо, да к её рукам пристало яблоко, тоже мраморное, от которого она никак не могла избавиться.

Отец почти не изменился, только иногда выдыхал из ноздрей синее пламя. Дед обернулся человеком-волком с одним выпавшим клыком. А бабушка — невероятной куклой из множества клочков материи и катушек с нитками. Дядя Михаил и тётя Настасья стали словно половинки человека: у каждого было по две ноги и по две руки, но вторые руки и ноги оказались прозрачными, и можно было, прижавшись срезами туловища, стать одним целым.

За вздохами, ахами и привыканием к новому облику прошло всё утро, и когда раздался первый удар часов на башне — в день маскарада от полудня до захода солнца их слышал весь город — сообразили,

что ничего не ели с утра, и было бы неплохо подкрепиться.

Дел указал на дверь и первым спустился с крыльца.

На улицах — буйство перьев, шестерёнок, щупалец, локонов, игл, лап, языков, колёс, клыков, хвостов, гребней, манипуляторов и всего, что только может обрести при карнавальном превращении человек. Буйство умопомрачительных оттенков и расцветок, разнообразие запахов и непрестанные крики-разговоры-шёпот... Вся эта масса недавних соседей, приятелей, совершенно незнакомых людей и ближайших родственников ела, пила, что-то вдыхала, нюхала, кривлялась и приплясывала.

Не успела семья дойти до ближайшей харчевни, как Мелитон умудрился потеряться — наверное, он не хотел быть сейчас вместе с ними. Пообедали жареными осьминогами, орехами в масле и сливовым напитком.

Со следующего часа включилась музыка, и дом перестал отзываться. Наташа было заплакала, но отец сказал, что всё в порядке и к вечеру это закончится. Музыка становилась всё громче, существа вокруг будто торопились пить: в воздухе всё ошутимее пахло спиртом и носились какие-то странные запахи, от которых кружилась голова.

Толпа на улице танцевала, кто-то пел, иные пытались забраться на стены домов. Строения отрывались от земли и перемещались — очень медленно, чтобы никого не задеть, никому не переломать костей.

— Меня зовут Гладиус! — крикнул им в лицо бирюзовый попугай и растворился в хороводе.

— А меня — Тамара! — заорала багровая ящерица с глазами на длинных стебельках.

Все вокруг начали выкрикивать свои имена, закричал и Яромир...

Музыка гремела. Не было никакой усталости.словно в чаду, не заметив, как, вся семья стала частью одного из хороводов. В центре круга стоял барабанщик с головой селезня, выдыхал большие мыльные пузыри, взрывавшиеся над головами танцующих. Перепончатые ладони заменяли ему палочки.

На стенах домов стали проступать неясные фигуры, а высоко в небе замелькали лазерные лучи.

Незаметно прошёл ещё час... и второй. Сознание перестало подчиняться — лишь хотелось всё больше веселиться, плясать. Яромир заметил человека-улитку, странную брюхоногую тварь, на спине которой была сумка, вроде кенгуровой, откуда высывалась ещё одна улитка — и как-то понял, что это мать с дочерью. Ноги сами плясали, руки прихлопывали — и иногда бросали в рот лакомства с проплывающих мимо лотков. А потом он вдруг оторвался от руки отца и умчался по улицам в хороводе созданий одного с ним роста.

В это время на соседних улицах так же неистово кричали и плясали его недавние знакомцы. Йоликам казалось, что лучше этого тёмного, дикого танца нет ничего на свете. А недавний их гость, мальчишка с нейрошунтом в голове (имя его Яромир так никогда и не узнал) старался проглотить побольше сомы, потому что вымуштрованное сознание подсказывало ему, где начинается иллюзия, каким образом обманывают жителей города-однодневки. И разгадать

секрет ему нельзя даже в собственной голове, потому что вслед за знанием придет отвращение к людям, которые этим знанием не обладают...

Яромир не помнил, сколько прошло времени. Сколько он услышал имён и сколько раз выкрикнул своё собственное. Но вот заиграла самая быстрая, самая громкая и яростная мелодия, и танец стал похож на чечётку, только вместо щёлкающих каблучков хлопали ладоши. В такт, чтобы точнее попасть в щупальце, руку, или плавник соседа.

Первый удар курантов — и облик вернулся к старому, привычному, настоящему. Упали маски.

Второй удар — и память воскресла, будто её и не вытесняли животные страсти.

А музыка длилась, ладони хлопали, и было ещё целых пять ударов, чтобы подумать о собственной судьбе.

Яромир вдруг испугался, и левой рукой схватился, изо всех сил вцепился в соседскую ладонь, но правой промахивался, только хлопал ладонью в пустоту. Но вот, с очередным ударом курантов, девушка справа сама схватила его за руку. Все вокруг лихорадочно пытались остановиться, прийти в себя и одновременно «заякориться», закрепиться на месте.

Последний удар.

Дома остановились, воздух стал чист и прозрачен. Вокруг всё больше улыбок и вздохов облегчения. Всё-таки был там одиночка — стоял у крыльца из тёмных перекрученных полос железа, держал руки в карманах и оглядывался на толпу.

Слишком презрительно?

Чересчур праведно?

Просто лениво?

Почти сразу вокруг возникла пустота: его сторонились как чумного.

— Дети, возвращайтесь домой, дети, возвращайтесь домой, быстрее возвращайтесь, — голос дома звучал в ушах со всё большей настойчивостью.

Яромир знал, что с закатом карнавала дети уходят с улиц, и это общее правило. Вокруг спешили разойтись маленькие силуэты. Навалилась страшная усталость, и ноги еле шли. Добрался лишь потому, что дом подсказывал, куда свернуть. На крыльце его ждал Мелитон, остальные уже вернулись и улеглись спать прямо в креслах и на стульях перед камином. Яромир решил, что ковёр тоже мягкий и об очередной загадке карнавала он подумает на нём, но сразу провалился в сон.

...Спустя два дня дом пролетал мимо старой угольной шахты. Дед вывел молодняк наружу — от города следовало отвыкать постепенно. Они вместе облазили все уцелевшие механизмы. Однако потом им пришлось рассчитывать, сколько угля эта шахта производила, сколько электричества потребляла и сколько людей там трудились. Хорошо, что считали все вместе, по задачку — удалось справиться за полчаса. А после дед позвал отца. Вдвоём они притащили из дома настоящий страховочный трос, лебёдку, лямки, упоры, собрали катушку и стали осторожно, по одному, опускать детей в ствол шахты на минутную экскурсию — дом признал её безопасной, в ближайшие годы там ничего не могло обрушиться.

Когда спускали Костю, Яромир с отцом вертели ручки.

— Что с этим одиночкой? Его убьют компьютеры? Он теперь чужой?

— Чужой — это почти наверняка. Насчёт убийства сказать не могу. Но что-то неприятное с ним случится. Можешь мне поверить, — отец следил за скоростью спуска и не забывал прислушиваться к обрывкам весёлых криков из шахты, чтобы не пропустить момент, когда троюродному племяннику станет страшно. — Считай, что это единственная примета, в которую я верю.

— А что нам делать?

— То же, что и всегда. Учиться. Знать математику и технику настолько, чтобы приказывать дому, а не просто слушаться его советов. Иногда оглядываться на мир, узнавать,

что делают сейчас компьютеры. И оставаться людьми. Не дикими и не заученными. Это занятие на всю жизнь...

Да, Да!! Уже тянем!!!

Подошла очередь Яромира, он с любопытством вертел головой, представляя, как надоедливо и тяжело было спускаться сюда каждый день. Но глупых шуточек с тросом и заевшим механизмом он не боялся — верил семье. Ещё — ухал, как филин, чтобы услышать эхо. Кинул камень в темноту. Рассмотрел записи на стенах, но не успел прочитать. Было интересно.

Из глубин шёл еле слышный гул. Машины работали.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

Родился и живу в Днепрпетровске. В 2000-м, работая на трубном заводе, видимо под воздействием окружающих индустриальных пейзажей и древних промышленных установок, начал писать фантастику.

Почти одновременно — в 2001-м — ушел с завода в аспирантуру. Философия. Сейчас преподаю в Металлургической академии.

Опубликовал сколько-то десятков рассказов, еще больше критических статей (именно за критику получил единственную свою премию — «Бронзовый Кадуцей»). Публиковался в журналах: «Полдень XXI век», «Реальность фантастики», «Меридиан», «Очевидное и невероятное», «Уральский следопыт», «Млечный путь», «Дніпро», «Порог». Был в нескольких сборниках: «Иду на мы», «Я и Я», «Трудный путь».

Вышел роман «Жажда всевластия», написал еще несколько, однако же с крупной формой все идет не так бойко.

НАТААЛЬЯ ДУХИНА

Я НЕ ЗОМБИ!

Темно. Абсолютная чернота. А глаза-то у тебя открыты, милая? Похлопала веками — открыты. Так темно или ослепла?

Тело! У меня должно быть тело, помню точно. Сжала кулаки — сжимаются. И ноги шевелятся. Подозрительно странным образом — но шевелятся.

Я разозлилась.

Меня что, в гроб определили? Собралась с силами и изо всех сил ломанулась встать.

Получилось вроде. Значит, не в гробу. Уф, аж сердце зашлось — а ну как, и вправду, похоронили живого?

Прошлась по периметру ареала обитания. Это ж бокс! Наш родной бокс для подопытных. И я в нём. Почему?

Милая, памятью ослабла, что ли? Ты ж сама предложила Петровичу, чтоб он мозг твой считал и записал на носитель. Прикольным казалось — создать свою копию.

Стоп. Копию... а если я копия и есть? В обезьяньем, допустим, теле?

Да ну, не может быть. Хотя... показало или нет? Будто пальцы прошли по волосатому покрову вместо гладкой кожи... Чёрт-те чего мерещится. Отложим версию как маловероятную. И кончаем морочиться, работаем.

В боксе имеется такая маленькая штучка-дрючка — для случайно запертых сотрудников. Сотруднички у нас раззявы те ещё, обезопасились втайне от начальства. Ага, нащупала.

Нажала строго определённым образом.

И свалилась испуганно от хлынувшего из люка света. Дурёха, глазки-то прикрывать надо! Но разглядеть себя успела: никакая я не обезьяна. Обычная женщина.

Наверное, что-то пошло не так во время процедуры: считывание производят в удобном кресле, в нём же пациент и очухивается. А не в боксе. Я спокойна, спокойна. Сотни раз продельвали, ни разу никаких эксцессов. Но то ж с другими... а с тобой, Натаалья, всегда эксцессы, сколько себя помню. Не распыляй мозг на вторичное, сосредоточься.

Если меня заперли — значит, нефиг объявлять всем, что я отперлась. Потихоньку действуй...

Закрыла бокс с внешней стороны на известный код. В окошке наблюдения, настроенном на инфракрасный режим, подправила картинку: стёрла свой выход, скопировала мувик на полчаса, где я безжизненно валяюсь, и поставила его крутиться — заклила. Ха, Лёха, это тебе привет от меня, потом вместе поржём.

Стащила халат из закутка уборщицы, накинула и, пригнувшись, обходными путями пробралась к своей каморке.

Да, у меня собственный кабинет. Маленький, но сам факт приятно греет самолюбие. Шеф по счастливому стечению обстоятельств оказался не только моим работодателем, но и научным руководителем — после окончания аспирантуры оставил у

себя, помог защититься и вообще — помог... Петрович у нас хороший. А институт — престижный. И сама я непростая штучка (хвалить себя, повышая самооценку, рекомендовал наш штатный психолог).

Запустила комп — просто по привычке, руки сами сработали.

И обалдела.

Кто смел касаться моего сокровища?! Почему фон другой, что за новая папка в рабочем разделе?!

Запаролили папочку, вот ведь гады...

Ввела поочередно свои секретные пароли, и на третьем — самом интимном, если можно так выразиться, — директория открылась. Сердце ёкнуло. Кроме меня, этот пароль не знал никто. Считали мой мозг и воспользовались? Но зачем?

Изучай содержимое, милая, думать после будешь.

По прочтении снова облачилась в халат, повязала косынку и, для пущей конспирации прихватив из угла вееник, неспешно побрела в душ. Женщин у нас мало, мужики в основном работают, дамская часть санитарной зоны обычно пустует. И в этот раз — никого. Заперлась, скинула с себя одёжку. Встала перед большим зеркалом, всмотрелась придирчиво.

Сомнений нет — тело моё. Белое, тощее... Зачем так грубо, Натаалья? Не тощее, а стройное. Грудки что надо, пусть маленькие, зато упругие, дольше не обвиснут, как у некоторых. Родинка на пузе, шрамик надо лбом под волосами. Волосёнки жидковаты, зато светлые, стригу коротко. Всё моё и на месте! Ф-фу, отлегло.

Но что-то не так.

Что?

Ёлы-палы, я ж не чувствую.

Когда трогаю рукой вещи — кажется, что чувствую. Но если шарить не глядя... Мама! Спокойно. Примми как данность, милая, и не хлопайся в обморок. Анализируй, ты же учёный. Какой, к чертям, учёный... так, на подпевках... Ныть кончай, а! Работай!

Имеем следующий расклад. Если верить компьютеру, с момента считывания мозга — последнего события, которое я реально помню — прошло полгода. Полгода! Господи, а кто и что с Танькой? Я её на две недели в круглосуточную группу определила, неужто там и живёт до сих пор? Она ж с ума сойдёт, ребёнку пять годиков всего, ребёнок без мамы не может!

Погоди гнать волну, думай ещё. Час на фоне полугода — не время.

Итак, согласно отчёту, помещённому в папку, считывание мозга прошло нормально. Полгода после я вела обычный образ жизни. Работала над темой. Тема моя касается телепортации. Не в общем и целом, а конкретно маленького кусочка, выделенного с барского стола больших учёных. Мы работаем, они едят. Спокойно! Про взаимоотношения больших и малых не будем, заводиться и злиться ни к чему.

Три недели назад что-то произошло: безо всяких на то предположений — по крайней мере, они не отражены в предыдущем материале — вдруг бросила вести отчёт! Со мной такого просто так, с бухты-барахты, произойти в принципе не могло.

На седьмой день после перерыва следовала безумная запись: «Я успела! Прости и прощай!» Произведена две недели назад, если верить датам на компе. Чисто в моём стиле. Да, моём.

Красиво и изысканно излит вопль души, о чём конкретно — непонятно, но веет болью. Такой болью, что на всякий случай я запись ту стёрла. Ибо личное.

И всё, больше в отчёте ничего нет. Пусто.

Итак, имеем в наличии факт: моё нечувствующее тело, оклемавшееся в боксе для телепортированных, и сознание, помнящее события лишь до момента считывания мозга, случившегося полгода назад. Что это значит? Согласилась на телепортацию, пошла-таки на эксперимент? Или меня пошлИ? Вынудили?

Опыты по телепортации животных проходили успешно. Сначала крысы, потом собаки. Благодаря не слабой работе рядовых сотрудников (намекая на себя в том числе) инстинкт вышел на первые позиции в научной гонке. Мы сумели переместить живой объект на метр, потом в соседний отсек с бетонными перегородками. Отличные результаты, премии сыпались одна за другой. Но... Существовало маленькое «но»: перемещённые особи становились какими-то... странными. Будто с ума сошли. Именно. Падали и лежали, лапами дрыгали. Спусти какое-то время поднимались — и начинался концерт: кто бегал как заведённый по кругу, а некоторые бросались на человека. Потому-то меня, наверное, после телепортации и заперли в боксе, вдруг в буйство впаду, покрушу имущество, сильная же, не рохля какая. А я, по всему, не пришла в себя, валялась недвижно — и тогда мне в мозг закачали память. Иначе почему ничего не помню после момента считывания мозга — полгода будто не жила?

Телепортированных у нас забирали биологи. Меня передёрнуло — не хватало оказаться в их безжалостных лапах! Вовремя сбежала!

Что не совсем дела благополучны — поняли мы с Лёхой ещё по первым экспериментам, когда подопытных забирали не сразу. Потом начальство очухалось, навело секретность на всё и вся. Ты работал — а результатов не видел, плоды труда изымались. Что там конкретно происходило с «плодами» — оставалось лишь гадать. Биологи молчали, будто воды в рот набрали, даже на неформальных встречах в курилке. Лёшка жаловался: его друг — и тот словечка не вымолвил.

Теперь понятно, почему работы засекретили: у испытуемых ломалась нервная система. Неприятно. На весь свет раструбили — подошли, мол, вплотную к освоению нового метода перемещения человека — и вдруг такая подлянка. Кому нужен транспорт, хоть самый распрекрасный, если он калечит пассажира!

Погоди, Наталья. Мозг передаёт мышцам приказ на движение именно по нервным волокнам. Если нервная система, по твоему утверждению, терпит крах, то каким образом ты сама двигаешься? Вон, захотела махнуть ножкой — и махнула... Ого, цельный шпагат вышел, а ведь я отнюдь не гибкая... И где тут крах? Наоборот, ещё лучше двигаться стала! Что-то я запуталась... так работают нервы или нет? А-а, дошло — работают, но в одну сторону! Процесс становится односторонним, исчезает обратная связь. Не чувствую ничего, потому что назад оно не отдаётся. Если вообразить боль от удара — ой, тогда и больно. А не воображать? Не

воображать сложно, ежели знаешь, что должно быть больно. Вообразишь обратную связь — срабатывает, не выразишь... Запуталась. Отложим, не до умствований.

Вывод? Наиболее вероятный вывод прост. Меня успешно (или неуспешно) телепортировали, а потом закачали в мозг сохранённую полгода назад копию. Да, именно так. Но я не могла так просто согласиться на эксперимент: посмотрелась на подопытных. А главное, у меня Танька. Господи, что с ней? Что с Танькой? Неужели...

Я метнулась к двери, споткнулась и растянулась на полу раздевалки.

Поднесла к носу пораненную руку и чуть сознание не потеряла от испуга. До обмирания. Крови не было! Мясо разодрано, а кровь не течёт.

Охренеть. Я что — зомби? Не только нервная, но и все остальные системы гикнули!

Ха! Отложу эту мысль на потом, а то свихнусь.

К Таньке! Танечке моей ненаглядной, крошке розовощёкой, пупсику сладкому...

Бежала в садик изо всех сил. И получала прямо-таки животное наслаждение от процесса: выходило очень быстро. И совсем не уставала! И не задыхалась! Вообще могла не дышать... но нельзя. Потому что нельзя! Начнёшь думать, что мёртвая, мёртвой и станешь. А я живая. Живая! У меня сердце из груди выскакивало от страха: вдруг что ужасно непоправимое с дочерью случилось, и я в отчаянии пошла на убийственный эксперимент... Возможный сценарий? Вполне. Именно так я бы и поступила — жить без ребёнка смысла нет. Одна она

у меня. Мужик предал, к другой ушёл. Родители тоже предали — взяли и погибли в авиакатастрофе. И мне больно вспоминать. А зомбям не больно, им всё равно, их ничто не колышет. Я не зомби!

Что такое телепортация, в сущности? Это когда из точки А образуем атом в точку Б. Образуется точно такой же атом. Такой же — да не такой. Новый. Хотя и абсолютно идентичный. Пропало в одном месте, родилось в другом. Набор перешёл в набор. А душа? У меня же перешла! Ой ли, Наталья? Тебе ж в мозг закачали старую копию! Получается, что телепортация — эффективный метод превращения человека в зомби?! Да ещё с возможностью закачать любые мозги?! Ба-а, да это ж Клондайк, кое-кто с руками-ногами оторвёт изобретение!

Прилипла к ограде, где гуляли детки из круглосуточной группы. Полина, Данила, Егор — все на месте. А Таньки нет.

Проползла ужом сквозь крапивные заросли.

— Егорка! — окликнула белобрысого пацанёнка, сосредоточенно сопевшего в сторонке над самолётиком. Игрушки он развивчивал на составляющие — хобби такое нестандартное, недаром отец его — теоретик, академик, выдающаяся личность, перед которым я робела до онемения, — умный слишком.

— Тётя Наташа! Во дела! — удивился мальчик. — Таня тебя так ждала! Так плакала! Чего ж ты не пришла!

— Тс-с! Нельзя, чтоб меня видели, я из больницы тайно ушла. Где, говоришь, Таня?

— Ты с психушки сбежала? Папа сказал, ты сумасшедшая и тебе место в психушке.

— Ну да, оттуда! — согласилась покорно, лишь бы скорее перейти к главному. Кстати, тоже версия. — Про Таню скажи, не мучь больную тётю.

— Её папа забрал, давно уже! — соизволил расколоться малыш. — А ты иди обратно. Из больницы убегать нельзя!

— Какой такой папа? — удивилась.

— Егор, с кем ты там? А ну, отойди от ограды, быстро! — хлестанул по ушам окрик воспитательницы. Задним ходом я вильнула назад в заросли.

Гадёныш украл моего ребёнка! Но зачем? Зачем ему Танька? Может, его новая богатая пассия бесплодна? И они решили удочерить? Подкупили шефа, уговорили его создать из Натальи Петровой идола — первого на Земле телепортёра. Типа космонавта Юрия Гагарина. А заодно избавились от настоящей матери. Потом ещё и наживутся на моём имени и славе, какие-никакие, а родственники...

Я гнала себя в направлении коттеджного посёлка, где, по слухам, обитал мой бывший, и взвинчивала мозг всяческими догадками. Но в целом отпустило — ребёнок жив. И это главное. А с остальным разберёмся. За свою кровиночку порву любого, не задумываясь. Силищи во мне теперь немерено, с охраной справлюсь. Пуль не боюсь, ножей тем более. Ха! Придумали — отнять дитя у матери. Держитесь, гады!

Бывший смотрел на меня во все глаза, будто на мертвеца ожившего. Хотел — и не мог произнести ни

слова. Лишь рот открывал, как выкинутая на берег рыбина. Большая, загорелая и накачанная. Холёный, паразит.

— Где спрятал Таньку, спрашиваю в последний раз! — я бешено выпучила глаза, раскрыла пасть, обнажив клыки. А что, хороший ход подсказал Егорка — косить под сумасшедшую. Тесак прижала остриём к его голому животу. Капля крови скатилась вниз. А у меня ничего никуда никогда уже не скатится...

— И-у! — икнул козёл.

— Ах, так! — рассвирепела я уже по-настоящему.

— погоди! — услышала вдруг сзади. Плавнo повернула голову, сохраняя на месте орудие давления.

Передо мной стояла его новая жена. Красивая, не мне чета. Даже в таком расхлябанном спросонья виде не потеряла стать. Лицо белое. Губы трясутся. Волосы растрёпаны. Но главное — главное! — пузатая! Боже ж ты мой, беременная!

Стройная версия сыпалась в прах. Я обессиленно опустила руки. А ведь ни к чему им моя Танька, свою скоро родят.

— Где — мой — ребёнок? — отчеканила.

Заранее зная ответ.

— У нас её нет, Наташа! — прожурчала Жанна-д-Арк и загородила расплывшимся животом мужа, отгеснив его тушу себе за спину. — Правда, нет! Давай, проведу тебя по дому, любую дверь открою.

Откроет она... любую... Губы у меня задрожали, в носу защипало. Из глаз покатились слезинки.

Вот это да! Слезы! Разве зомби плачут, скажите мне — плачут?

— Где она? — повторила я с безнадёжностью попугая.

— Не знаем мы, не знаем! — ожил вдруг бывший. Осмелел, вишь, когда я ослабла.

— Ну и хрен с вами.

Резюмировала и растворилась в ночи. Столько усилий — и всё зря.

Погоди, как Егорка сказал, дословно? «Её папа забрал!» Почему я решила, что «папа» — мой бывший? Да он ни разу в саду не был, мальчишка его знать не знает! Получается — что? Вот именно, дурашка. И я галопом ринулась напрямую через горы обратно, к институту. К дому, где проживали академики.

На полпути тормознула. Рассветло, день входил в свои права, обнажая тёмные углы и потайные тропы, того и гляди засекут. А мне надо отдохнуть. Да, отдохнуть — я человек, а не зомби, и должна вздремнуть. Даже если собственно телу всё равно — мозг не может работать сутками. Мозг у меня точно живой!

Присмотрела пустой дачный домик на окраине, вошла. Двери гостеприимно не заперты, на столе стопарик с водкой и записка: «Уважаемые воры, угощайтесь! А ценного у нас ничего нет!»

Я хихикнула. Ну да, нет... Аптечку нашла быстро. Полила рану перекистью и заклеила пластырем. Потому что положено так. На консистенцию внутри старалась не смотреть.

А ведь зря я к академику намылилась. Если б Таня была у него дома, Егорка так бы и сказал. Не врут дети, не умеют. Нет у них Тани.

Что делать-то? Решу после, на свежую голову.

Проспала я до полудня. Идти пора, хозяева скоро нагрянут.

Подошла к зеркалу, взгляделась. Черты лица обострились, цвет потускнел, приобрёл отвратительный землисто-серый оттенок. Прислушалась. Сердце стучит? Не стучало. А если заставить? Представила себе гладкие мешочки и как они начинают — медленно! — работать. Вроде что-то зашуршало в груди. Могу завести моторчик, могу. Только что он гнать по венам будет, идиотка, у тебя же кровь свернулась. В носу засвербило, захотелось плакать. Не будет крови — не будет и внешнего вида. Совсем скоро. Где Танька?

И тут меня осенило: надо к Лёхе! Лёха всё знает, он мой друг и соратник, работаем рядом рука об руку.

Простите, хозяева, прихватчу вашу аптечку и ещё кое-что. Потом верну сторицей. Если оно будет, это «потом».

Понимала ли я, что могу попасть в ловушку? Понимала. Если где и организовывать засаду, не считая собственного жилища, то именно у Лёхи. Потому подготовилась. Шла аккуратно, как тень. На третий этаж проникла, взобравшись по трубе с противоположной стороны коридора. Коридорная система общежития оказалась весьма на руку. Ничего подозрительного не заметила, как ни вглядывалась.

Дверь в его комнату была открыта. Она всегда открыта, парень считал, что воровать у него нечего. В абсолютной тишине привидением я скользнула внутрь. И увидела Лёху. Он сидел на стуле в центре комнаты, одетый в белую рубаху с длинными рукавами, точь-в-точь как в психушках. Руки

крест-накрест крепко привязаны к телу, рот залеплен пластырем.

Я остолбенела. Он поднял голову, будто почуяв меня, а ведь ни звука, ни шороха не произвела, воняю уже, что ли? И отчаянно мотнул в сторону окна.

Поняла, не дура. Стрелой метнулась к окну. Возникшие ниоткуда фигуры в чёрном не успели меня коснуться, опередила я их. В прыжке разбила телом стекло и рухнула вниз.

Наверное, я сломала ногу — бежать быстро не получилось. Но больно не было.

В поднявшемся вдруг гвалте и всполохах света ужом юркнула в кусты и залегла в яму, заранее предусмотрительно вырытую, всё-таки я умная женщина. Накрылась плёнкой и дёрнула рычаг, обрушив на себя землю. А чего, дышать мне теперь не обязательно. Пусть ищут. От собак тоже обезопасилась: перед тем, как идти на дело, рассыпала вокруг на десятки метров толчёный перец из пакетиков.

Выползла из укрытия-могилы лишь через сутки. Вгляделась — нет дыры в окне. Заделали. И подмели. Тишь да благодать. На карачках тихонько уползла подальше.

Всё-таки надо идти к академику, отцу Егорки. Он увёл Таньку. Это ниточка, других нет. Знать я его не знала — так, шапочное знакомство, сталкивались в садике по утрам, господин любил лично сопроводить сына до группы. Преследователи и помыслить не должны, что очередной моей целью станет какой-то посторонний академик.

Я теперь ночной кошмар. Меня ищут полиция и всяческие службы,

облечённые правом убивать, чуть не военное положение объявили по округу. Еле пробралась к элитному дому — просочилась там, где живые не пройдут. Ещё сутки наблюдала, закопавшись в землю: ошибиться с квартирой — недопустимая роскошь в моём положении. Звонкий голосок Егорки чётко указал местоположение.

— Ну, здравствуй, Наталья! — сказал академик, когда я возникла перед ним в его собственном кабинете. Будто и не испугался вовсе, железные нервы у мужика. Я ведь теперь... э-э, как бы помягче... страшненько выгляжу. — Ждал тебя.

Ага, ждал, как же, верю на голубом глазу.

— А чего ж тогда охраны нет?

— Специально убрал, чтоб не мешала. Боялся тебя спугнуть! — чуть не шёпотом произнёс, да этак проныкновенно. — Поговорить надо!

— Ну, говорите. Слушаю! — прощедрила лениво, поигрывая тесаком.

И рассказал он мне историю, связную и логичную. Будто несколько недель назад случилось несчастье: наши с Лёшкой головы попали под облучение. Каким образом? Отключилось электричество во всём корпусе, мы дёрнулись взглянуть на объект — а оно возьми и включись. Головушки наши переместить — не переместились, ибо в задании вектора сдвига стоял нуль. Но, видимо, как-то обновились. Повредились умом, одним словом, сразу и оба. И нас увезли в больницу. Откуда я сбежала через пару дней. Пять дней меня ловили всем составом и поймали, куда ж я денусь. Поскольку я была совсем плоха, ничего не соображала, решили на эксперимент:

телепортировать на нуль ещё раз, но уже всю целиком, а не только голову. И в обновлённый экземпляр вложили прежний мозг, неповреждённый, считав информацию с сохранённой полгода назад копии. У Алексея копии не было, потому шанс выпал только для меня. Надеялись таким образом возродить к жизни.

— Возродить? Вы это называете возродить? — язвительно прохрипела я, срывая пластырь и обнажая рану, полученную во время столкновения с оконным стеклом.

— Да, возродить! — невозмутимо подтвердил он, мазнув острым взглядом по обнажённому мясу. — Мозг же у тебя в порядке!

— Допустим, мозг в порядке. А тело?

— С телом проще. Наладить работу систем — реально. Двигательная ведь работает!

Ага, работает, ещё как работает. И зрение будь здоров. Ещё слёзы... но об этом ему знать не обязательно. Я прилепила пластырь обратно.

— С кровью просто — пустим временно заменитель. Потом наладим дыхание, — продолжал он ласково и убедительно. — Ты станешь полноценным нормальным человеком, гарантирую! Пойдём со мной, Наташа, хватит уже бегать. А то поздно будет.

— Где Таня? — спросила в упор о главном. Пока лапшой мозг не завешал.

Он дёрнулся. Дёрнулся! И в сердце у меня бухнуло. Что с моим ребёнком!?

— В надёжном месте.

— Где именно?

— Пойдём — покажу.

Издевается. Определённо, издевается.

— Скажите, где она? — устало просила я, сменив жёсткий тон на мягкий.

— К тебе её приведут, когда сдашь-ся.

Ясно. Это называется «шантаж ребёнка».

Ну, погоди, ты первый начал.

— Егорка! — прокричала, подойдя к двери и приоткрыв её. — Иди сюда, папа зовёт!

Академик изменился в лице, самодовольство как ветром сдуло.

— Ты не посмеешь! — просипел.

Голос пропал, ага.

— Ещё как посмею! — ухмыльнулась. — Говори, собака, где Таня?

Ну, он и сказал, что не знает, где моя дочь. И никто не знает. Он действительно забрал её из садика и определил в «Тёплый дом» — приют для попавших в сложную жизненную ситуацию детей. А через пару дней она оттуда исчезла.

Я печёночкой почувствовала — не врёт. Потому что за дверью стоял и стучал Егор, единственный поздний долгожданный и желанный ребёнок в семье. Папаша аж вспотел и посинел от страха.

Я не монстр. Покинула их по-английски.

Раскинув руки, лежала в лесу и думала. А что, если всё так и есть, как академик рассказал? На правду похоже... И про сумасшедшую с психушкой верно, Егорка тоже упоминал.

Но тут вспомнила отчаянный взгляд Лёхи. Не был он сумасшедшим, хоть режь меня. Больные собаки глаза замученного человека ясно

кричали: «Беги!» Нет, что-то здесь не то... Проверить надо. Но как?

Что нового я узнала в результате визита? Два дня меня держали в психушке — раз. И пять дней за мной бежали — два.

И тут я аж подскочила. Два плюс пять равно семи! А ведь именно на седьмой день и выпадала та запись из компьютера: «Я успела! Прости и прощай!» Ведь это я себе писала! Я! Себе! Зная, что вот-вот схватят и уничтожат!

Что я могла «успеть»? Да Таньку спрятать! В старой ли, в обновлённой, но главная мысль в обеих моих головках всё равно одна-единственная — про дочь.

Ура-а-а!!! Это я спрятала Таньку!

Пустилась в пляс. Господи, пусть будет именно так!

Отсюда, кстати, автоматом следует, что врёт академик про несчастный случай. Не сходили мы с ума. Лёха в плену. А меня ищут совсем не для того, чтобы помочь. Что-то мы с напарником отчебучили выдающееся, и нам мстят... Или собирались отчебучить, и нас изолировали... И даже подозреваю, в какой-то области — в Клондайке! Решились-таки, небось, донести до общества кое-какую информацию, вопреки генеральной линии...

Пора навестить шефа. Дурында, там наверняка ловушка! Второй раз уйти не дадут, отловят. Оставь шефа в покое!

Мозгуй лучше, куда Таньку дела! Ни одного безопасного места вот так, с кондачка, придумать не могу, ничего не подходит! Ну не знаю! Не знаю! Куда могла «успеть» спрятать?

И я вновь углубилась в думы, вертя в мозгу так и этак слова последней

записи. «Прощай» — ясно, прощалась. Покая не давало «прости». За что прощения просила? Она (я бывшая) сделала всё возможное и невозможное, не сомневаюсь даже. Это мне у неё прощения просить надо. А сантименты разводить — не в нашем стиле.

Не заметила, как уснула. Да, спать мне необходимо, хотя бы изредка. Поэтому что я человек, а не зомби.

«Прости» я раскусила во сне. Родителей увидела: они укоризненно качали головами. Вот именно. Укоризненно. Просить прощения я могла только из-за них. Потревожила, небось, их прах. Это ж просто как дважды два — надо идти на могилу и искать знак.

Сразу и потащилась, благо недалеко и до рассвета долго. К тому же наверняка меня там ждали — придётся соображать, как обойти засаду, и лучше это делать ночью. По счастью, кладбище — не квартира в городе, где со мной легко справиться. Кладбище — моя теперь вотчина, на которой я смогу играть на равных.

Быстро бегать уже не получалось — колено-таки гикнулось при падении с третьего этажа. Наложила стальные брусочки вокруг, чтобы дальше не разрушалось, обвязала крепко. Нога теперь не сгибалась. Этакая хромая зо... Нет-нет, не зомби! Баба Яга. Ха!

Машилку засекла сразу. Непрístupно-закрытую. Сидят, поди, перед экранами, в ушах наушники, ждут, когда приборы сработают. Правильно делают: не у могилы же в траве лежать — холодно и сыро. А приборчики я найду, с приборчиками не один пуд соли съела, работа у меня такая.

Видеть в темноте стала как днём, даже лучше, хоть какой-то плюс от нового состояния. Ползла и всматривалась.

Группа детекторов плотно перекрывала зону.

И это всё? Я чуть не рассмеялась.

Бросила на плиту змею — прости, отец. Змей и прочих гадов я теперь не боюсь, да. Тварь извивалась, того и гляди уползёт. Странно — ноль эффекта. Почему тишина?

И тут как включились прожектора, подвешенные высоко на деревьях, как завывала сирена... Вдобавок сверху упала металлическая колючая сетка, накрыв большую площадь. Меня краем задело, едва успела выдернуть ногу, сдирая кожу, и отступить.

Народу набежало, ох... Змею чуть не под микроскопом рассматривали. Маюги стояли — аж воздух загустел, топор вешать можно.

...Когда всё успокоилось, я беспрепятственно проникла к родителям. Сетку заново устанавливать не стали, отложили на утро, а мне того и надо. С лучиками, снующими туда-сюда, худо-бедно справилась.

Знак и вправду был. Меленько, ручкой, на отцовом постаменте в самом низу сзади выведено «ZNP1298785». Наш с Петровичем опознавательный шифр, использовали в ключевых моментах общения, когда я кандидатскую ваяла. Никто, кроме нас двоих, не знал.

Вот это да! Получается, шеф на моей стороне! Настроение не просто повысилось — до небес подскочило. Не всё так плохо, значит. Он помог и вывез Таню в безопасное место!

В эйфории лежала и дёргала сердцем и лёгкими, а желудок сам булькал в кадрили. А руками-ногами — ни-ни:

датчики! Хорошо, сообразила стереть послание, а то ведь могла на радостях и забыть. Первую букву оставила — знак Петровичу, что прочла и осознала. Пусть ждёт и готовится.

Ну вот, дело сделано.

Цифры расшифровала, подставив в особую формулу. Получила координаты. Спёрла географический атлас, без него никак. И дрожащим пальцем вперилась в точку, где пребывает роза души моей — ненаглядная Танька.

Погрустнела: далеко больно. Сотни и сотни километров суши и воды. Подозреваю, что и Петрович там. Или не там? Не удивлюсь, если он Лёшкину маму вывез, он такой — способный, но ленивый, с детьми сам сидеть не будет.

Добираться придётся своими силами, людской транспорт недоступен. Хотя... а если закрыться одеждой? Подумать надо. Борода, усы, развевающиеся белые волосы, просторная хламида и посох в руке — чем не вариант? И побреду я аки странник. И поплыву по морям аки рыба. Заманчивая перспектива, да.

Хватит рассуждать, действовать надо.

А как же Лёха?

И Лёху вытащим. Найду Петровича — и обмозгуем, как.

Я иду. Плыву. Двигаюсь к цели, одним словом. Сама с собой разговариваю. Люблю потрындеть о себе, любимой.

— Наблюдатель и охранник из меня — изумительные.

— Угум-с, да, что есть — то есть. Особенно пугать у тебя выходит изумительно. Но дочери своей ты никогда не покажешься.

— Не покажусь, да. И плевать. Главное, чтобы у неё всё было хорошо.

— Угум-с, согласна.

— Тане за меня не будет стыдно. Я уникум, первый на земле телепортёр. И плевать, что человечеству останусь неизвестна, а первым назовут другого, более удачливого. Зато могу не дышать, не есть. Переплыть океан. Жить в океане. Или в земле.

— Угум-с, можешь... пока не истлеет тело.

— Обычный труп давно бы истлел. А у меня процесс медленный.

— Угум-с, зато верный.

— Это как сказать... Мозг без подпитки кислородом умирает. А мой — живёт. Почему? Да потому,

что у меня особый мозг — телепортированный. Компьютеру, например, нужен кислород? Нет. Вот и моему не нужен. И буду я жить до-олго.

— Угум-с, логично. Кстати, откуда ты берёшь энергию?

— Хороший вопрос. Давай вместе ответ искать.

Вот так и болтаю, дорога длинная.

И я дойду. Доплыву. Обязательно. И буду рядом с моим солнышком, охранять негласно. Всегда.

И пусть кто когда хоть пальцем... Поднимусь из-под земли и удавлю. Поняли?!

ПЕТРОВА НАТАЛЬЯ
(ДУХИНА НАТАЛЬЯ ГЕРМАНОВНА)

Закончила физический факультет ЛГУ и работает ведущим инженером теоретического отдела на оборонном предприятии, имеет в активе семь патентов и более двух десятков статей. На литературном поприще новичок: публикации в журнале «Химия и жизнь», сборнике «Аэлита-9».

ПАВЕЛ МЕШКОВ ЗАЛ БОЕВОЙ СЛАВЫ

...Ну что ж, друзья, коль наш черёд...

...Пусть наше сердце не замрёт,

Не задрожит рука...

Очень правильная песня

В жизни всегда есть место подвигу.

Интересная мысль

Двадцать восьмое мая — День Пограничника. И это — Праздник. И данный Праздник чуть ли не сплошь состоит из заглавных букв. Приучил меня к этому Олег, и, поверьте на слово, у него было множество причин. Достаточно того, что сам Олег провёл срочную службу где-то в горах, малость правее Каспийского моря, на самой границе с Ираном. С тех славных лет минуло определённое время, и он давно уже не называет всех, живущих южнее Каспия, «персами», но до сих пор, каждый День Пограничника, утверждает:

— Граница на замке!

Сдаётся мне, что Олег в некотором смысле чуток отстал от современности, но я с ним не спорю. А чего спорить-то? Праздник у человека! И каждое двадцать восьмое мая Олег в чисто профилактических целях находит меня. Ну, чтобы память у меня не заржавела, и я о Главном Событии года вдруг не забыл. Вот тут-то, отловив меня или на фазенде, или на дому, он и кричит раненько утречком:

— Граница на замке!

И добавляет, что, мол, случайно мимо проходил, заглянул...

Последнее время, правда, причин верить Олегу в плане заповор на границе лично у меня поубавилось.

Граница предельно приблизилась к славному городу Астрахани, стала доступна для изучения и начала доставлять неудобства местному населению, а Михаил, мой брат, под весь этот базар ухитрился даже жить за границей. Точнее — внутри неё, так как деревня Ямана попала в приграничную полосу. Эдакий внутренний «забугор». Сейчас по просьбе трудящихся идёт очередная перекройка приграничной полосы, и Миша снова с нами, но по поводу «замка на границе» он теперь утверждает, что совсем рядышком с этим самым пресловутым «замком» имеет место быть вполне проходимая здоровенная брешь. Похоже, как-то дыру эту Миша продемонстрировал Олегу в натуре. А иначе, с какого перепугу в последнее время Олег своё любимое «Граница на замке!» произносит исключительно неуверенно и тихо? Я бы даже сказал — шёпотом...

* * *

— Граница на замке! — прошелест Олег в приоткрытую входную дверь.

— И присно, и во веки веков, — в тон ему отозвался я и распахнул дверь. — Поздравляю с Праздником! С ним и заходи!

— Ага! С Праздником! — Олег прокашлялся, приоткрыв сумку, предъявил пол-литра водки «Праздничная» и радостно добавил: — А у тебя лифт не работает!

— Да лично мне он, собственно, на фиг не нужен, но спасибо, что не поленился, поднялся, предупредил.

— А мы вот тут мимо проходили... Знакомся! Мой напарник по работе.

«Мы», в смысле — напарник, вошёл вслед за Олегом и немного смущённо представился:

— Вова! У нас буквально одна минутка.

Владимир представлял собой нечто среднее между мной и Олегом по росту и фактуре и, в общем, образовал у меня положительное впечатление. Поздоровавшись, я позволил себе усомниться в правдивости гостей:

— Х-ха! И ещё раз... Тут у вас не на минутку, а минимум на все десять! Да и у меня десять минут припрятано...

— Не-не! — отрицательно замотал головой Олег. — Нашей хватит! У нас сегодня встреча с однополчанами на набережной Волги, — он вздохнул и добавил: — Через пару-тройку часов.

Я провёл гостей на кухню, и буквально через минуту был сооружён более-менее праздничный стол. Олег приставил нож к горлышку бутылки и принялся что-то ковырять, приговаривая:

— Ах ты, зараза! Сейчас... Сейчас мы тебя, как нарушителя границы...

Победно набулькав в бокалы прозрачную жидкость, Олег провозгласил первый тост:

— За всех погранцов! Особо тех, кто гуляет сейчас вдоль КСП!

— За Карацупу с Джульбарсом? — уточнил я.

Олег заглянул в бокал, выпил и, медленно выдохнув, согласно кивнул:

— И за них тоже!

Пока мы закусывали, Олег вновь налил всем буквально на один палец и предложил:

— За родство родов войск!

Но тут запротестовал Владимир:

— Не, мужики! Мне с такой скоростью никак нельзя! Я прицела не увижу.

— Не гони лошадь, Олег! — подержал я. — А то за три минуты управимся.

Олег поставил бокал и с разочарованием произнёс:

— М-мда! Войска отказались выступить единым фронтом супротив общего врага.

Я закурил и попытался примирить Олега с действительностью:

— Успеют твои войска породниться. Да и маловато нас здесь для всех родов...

— А не скажи! — несогласно потрянул головой Олег. — Оно, конечно, Михаила с пушкой нам не хватает, но мы будем иметь его в виду... В хорошем смысле этого слова! А в остальном: граница на замке, медицина присутствует в твоём лице, а в дырку Мишиной пушки мы всю авиацию противника в гробу видели. Вовка, кстати, бронетехнику загнобит! Ну и кто теперича супротив нас?

— А я думал — пограничник... — я посмотрел на нашего визави.

Владимир развёл руками:

— Не привелось. Но я — всегда готов!

— Да врёт он всё! — вмешался Олег. — Самый настоящий пограничник! Только границу СССР он в Африке устанавливал.

— В Африке? — обалдело переспросил я.

— И в Африке тоже, — усмехаясь, подтвердил Владимир. — Пограничник...

— А-а-а?.. — протянул я непонимающе, и Владимир понял невысказанный вопрос.

— Молодой был, горячий... Контракт подписал в Конго. А вообще-то я гранатомётчик. Истребитель танков, как говаривал наш сержант-инструктор.

— Африка! — завистливо повторил я, и слегка намокшее в водке воображение ярко нарисовало пальмы, песок и море. — Конго! Луанда... Мне тоже когда-то предлагали, но минула моя чаша сия. И, как я теперь понимаю, к счастью.

— Правильно понимаешь! — Владимир втянул воздух, выдохнул и потёр длинный шрам на левом предплечье. — Жара, малярия, дураки с оружием и без... Вашего брата, врачей, там как собак нерезаных было, и почти все болели какой-нибудь заразой. Про вояк — вообще речи нет! Начальство-то, оно, понятное дело, сидело в Луанде, а нас там куда только не совали...

Он надолго замолчал, и Олег, за полная паузу, провозгласил тост:

— За Конго!

Владимир этот тост поддержал:

— Чтоб ему...!

Мы закусили, и Олег насел на своего напарника:

— Вовка! Давай колись! Чем это тебе Конго и тамошние братья по разуму не угодили? Они, промежду прочим, едва не стали нашей очередной республикой.

— Да знаю я! — Владимир махнул рукой. — Я ж говорю — дебилы!

А скрывать мне особенно-то и нечего. Подписку я, собственно, давал другому государству, да и срок давности... Только учтите — я зануда. Говорить буду по делу, но очень долго.

— Твоё право! Да и времени у нас полно.

А я посмотрел на них и сказал:

— А я вообще дома.

Владимир встал, налил стакан воды из-под крана, выпил и начал рассказ...

ЛОКАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

— ...В Луанде я не задержался. Рылом, видать, не вышел — читай — не глянулся местному начальству. А может быть, я не прав, придираюсь? Там ведь большая политика делалась! Племян и вождей, как пузырьков в газировке, и у каждого есть задница, полная самолюбия, и каждую надо вылизать в целях борьбы с капитализмом...

Послали нас, короче, куда подальше, укреплять дружбу народов: меня и ещё одного парнишку — пулемётчика. Капитан с заплывшими глазами, который нам вводную давал, всё ухмылялся да подмигивал... Скотина! В общем, послали нас прикрывать какой-то мост и обучать танцовщиков одного племени обращению с современным оружием. Но! Согласно предписанию, не сразу учить, а только когда приказ выйдет. Сечёте? В стране, где на тот момент любой ствол на базаре, как пучок зелени, купить можно...

Когда мы с напарником из кабинета этого самого капитана вышли и познакомились, я вполголоса и говорю:

— А рожа-то капитанская совсем недавно наткнулась на что-то жёсткое.

— Да это я его, — в ответ говорит мне Серёга. — Слегка. А вот тебя за какие грехи со мной?

Я только плечами пожал.

А заслали нас... Есть такая дыра в Конго — Менонге называется. Наши, кто там побывал, эту самую Менонге называли исключительно «задница». Так вот нас послали как раз насквозь прямо и чуток налево. В самую глубинку.

Местность там есть одна... Красивая, обхохочешься! Не-е — места там, действительно, что надо. Если бы не все прелести Африки, курорт был бы! Но представьте себе в джунглях грунтовую дорогу и мост через узкое, довольно глубокое ущелье. Мост хитро-бетонный, капитальный, как ДОТ, и ажурный, как дорогой сыр. Наши сапёры в соавторстве с местными постарались. А грунтовка на той стороне метров через триста заканчивается. В общем — совсем непонятно!

Местные аборигены нам юрту из пальмовых листьев забавали, гамаки повесили, пологи — жить можно. Только-только мы расположились, как нас к вождю позвали, работодателя, значит. А надо сказать, что оружие мы с собой привезли, в ящиках. Уж как мы там, в Луанде, на складе, интендантскую рожу обхаживали! Чтобы дерьмо какое не впарил. И вот нарисовался вопрос: как с нашим арсеналом поступить? Сопрут чего — так не отбрешемся же! Трибунал, как минимум.

А мальчишка-посыльный нервничает, знаками показывает, что торопиться нужно. Серёга

попытался объяснить ему проблему по-английски, по-французски и матом. Что-то этот крендель, видать, уловил и принялся руками тыкать в косяк дверного прохода. Ну и ржали мы с Серёгой, когда до нас дошёл смысл упражнений аборигена! На косяке петля верёвочная оказалась, а поперёк тростниковой двери — палка, и скреплялось всё это дело хорошим амбарным замком.

Вообще-то, местные неплохими ребятами оказались. Просто у них не принято воровать друг у друга! Так уж мозги у них уродски устроены: пристрелить кого в джунглях или по кумполу смазать — это всегда пожалуйста! И ещё — они не были людоедами, а я, честно говоря, очень этого дела опасался.

Дипломатический приём у вождя оказался довольно коротким, но ёмким. Наш непосредственный начальник приятно выделялся из толпы соплеменников джинсами и рубашкой на соответствующих частях тела, и это был очень важный момент: штатный колдун, например, щеголял в набедренной повязке из рубашки с длинными рукавами, а хмырь слева от вождя гордо выставлял вперёд руку в красной лыжной перчатке.

Шеф произнёс пламенную речь о дружбе народов и обретении свободы через вооружённое восстание. Вещал он на крутой смеси английского, русского и, видимо, родного, но всем было всё понятно. Мы с Серёгой периодически кивали, а негры орали и потрясали автоматами. Я, кстати, заметил в толпе парочку наших, советских, гранатомётов РПГ-7, которые в те времена

считались страшно секретными и стрельбе из которых я и прибыл обучать чёрных братьев.

Как выяснилось, вождь ради нас приехал из своей далёкой резиденции, и завтра в нашу честь будет дан военный парад. Получив от нас красиво опечатанный конверт, вождь вскрыл его и долго «читал», держа бумагу перед глазами строго боком. Документ этот он мог бы держать и вверх ногами, так как ничего интересного, кроме заверений в вечной дружбе, там не было. Содержимое конверта мы изучили ещё в Менонге после замечания Серёги, что Гамлет был умнейшим мужиком.

Собственно, на этом аудиенция закончилась, и мы, сославшись на необходимость подготовиться к параду, слиняли, предварительно спросив у колдуна, есть ли крокодилы в местной реке.

— Не-ету! Сёдня опасность никакой! — на вполне понятном русском ответил колдун.

Мы исключительно обрадовались, услышав родную речь в более-менее внятном варианте, и после короткого перекрёстного допроса выяснили, что и вождь, и колдун учились в Москве. Колдун, правда, изъяснялся на русском куда лучше, нежели вождь — этот лишь втыкал куда попало слова «дружба... Масква... ривалюция... Ленин... чирвонец... главный объекта»... Десятка полтора различных слов, и всё больше без толка. Зато он оказался большим стратегом...

Владимир перевёл дух, отпил воды из стакана и спросил:

— Я вас ещё не утомил подробностями?

Я просто отрицательно помахал рукой, а Олег сказал:

— Вещай дальше. Ты нам совершенно не мешаешь.

— Короче! Подарили мы нашим новым землякам по юбилейному рублю, от них получили связку бананов и разошлись, довольные друг другом. Мы по тропинке к реке рванули купаться, но на полпути от дачной резиденции вождя к своему бунгалу задержались. Приметили в джунглях одинокий ржавый ангар. Мы не поленились, влезли. Ну, а что? Охраны нет, дверь палкой подпёрта... Лучше бы, конечно, нервы пожалели и мимо пробежали! Битком набит оказался ангар оружием всяким. Одних гранатомётов, РПГшек, я семь штук насчитал, а уж выстрелов к ним!.. Мы там даже снаряды для безоткатного орудия нашли.

— Ну, ни фиги себе! — подвёл итог наших изысканий Серёга. — Откуда это здесь?! Даже мины противотанковые есть... Правда, американского производства, пластик. Я, пожалуй, один пулемёт возьму себе, почищу...

— А зачем? — я пнул ногой кучу цинков с патронами. — Хуже не заржавеет. Да и куда не денется! Пошли купаться.

Купались мы вверх по течению от моста, и просматривался он плохо — из-за деревьев на склонах ущелья. Речка хилая, скорее даже ручей, но в этом месте как бы запруда образовалась. Сколько мы там пробыли, ни одного купающегося в реке негра не видели. Не привлекало их это дело. А мы там, почитай, целые дни проводили. Но это позже...

А в тот раз Серёга вдруг железку какую-то нашарил среди камней.

Хвостовое оперение от разорвавшейся мины.

— Серьёзная фигня! — оценил я. — 82-миллиметровый миномёт, однако.

Серёга кивнул согласно и ткнул пальцем в сторону моста. Тут уж и я углядел оспины минных воронок: ближе к мосту — погуще, в нашу сторону — реже. Мы быстренько оделись и полезли вверх по склону разгадывать загадку.

Перед самым въездом на мост нас остановила охрана — пара местных интеллектуалов в пальмовых юбках, босых на ноги и с автоматами Калашникова. Они верещали непонятные слова и махали руками. Мы вежливо отпихнули их в сторону и с удивлением обнаружили подобие шлагбаума поперёк дороги плюс два полосатых бревна торчком на обеих обочинах. С нашей стороны на столбах было жирно написано: «СССР», а с другой, как потом оказалось, короткое неприличное слово.

— Граница, похоже, — задумчиво резюмировал Серёга, и его слова вызвали оживление охраны:

— Ганица! Ганица!

— Сколько здесь русских! — позарился Серёга и обратился к охране с речью:

— Разведка! Мы идём на разведку! За границу! Ферштейн?

Что восприняли мозги часовых в их курчавых головах, я не ведаю, но головы радостно закивали, а их владельцы быстренько сховались в кустах и принялись наблюдать за нашей разведвылазкой.

За мостом довольно круто вверх уходил склон, сильно заросший всякими местными деревьями и лопухами. На мой взгляд, гребень вздымался

метров на двести и отстоял от нас не более чем на километр. По прямой, конечно. Ну, а непосредственно перед нами лежал плод горячечного бреда сумасшедшего — мост.

Много позже мы разузнали, что проект моста был начертан самим вождем, утверждён колдуном и поверг в трепет и уныние нашего военного инженера, а потом и вовсе отправил его в госпиталь. Саму идею вождь почерпнул в Москве во время созерцания забора вокруг общежития и воплотил её здесь, на границе территории своего племени...

— Я ж говорил — настоящий пограничник! — врезался в паузу Олег и предложил: — А давайте за границу СССР! По чуть-чуть? Ну, как хотите...

— Идея моста была предельно проста: вождь повелел своим подданным и взводу наших сапёров-мостостроителей уложить по склонам огромные бетонные трубы, скрепить их, и в результате над ущельем возникла ажурная, слегка перекошенная конструкция, соединившая берега в добрых тридцати метрах от уровня реки.

В этом периоде строительства вождь очередной раз по-русски послал куда подальше инженера-мостовика вместе с железобетонными конструкциями и сопроматом и приказал залить полотно моста метровым слоем бетона, что солдаты и сделали в кратчайшие сроки. Инженер вопил, мол, всё это безобразие рухнет и кого-нибудь убьёт... Однако инженер уехал, а мост держал уже три сезона дождей и не собирался распадаться.

Не надо меня спрашивать, как и откуда приволокли всю эту требуху, но то, что получилось, лично мне понравилось. Я уже говорил, что мост имел слегка перекошенный фас? Так вот и профиль у него был малость того... Ширина полотна колебалась от четырёх до пяти метров. Это приблизительно. А вот поверхность проезжей части была ровная, как натянутое полотно. Так что колебания ширины я склонен приписывать не мухлезу строителей, а гению вождя.

Середина моста обозначалась белой полосой, прерываемой большими красными стрелами, указующими вглубь территории противника. Вид портили только две вещи: края моста были обколоты местами до самой арматуры и всё тело почти стометрового шедевра покрыто неглубокими воронками от взрывов. Мы прошли по мосту метров тридцать, и большинство воронок было аккуратно засыпано щебёнкой. Дальше Серёга идти наотрез отказался, и в чём-то он был прав. Дело в том, что я забыл упомянуть ещё одну особенность моста. У него не наблюдалось даже намёка на перила.

Вернувшись на «свою территорию», мы привязались с расспросами к часовым, но те только тыкали пальцами в небо, громко свистели и закрывали головы руками. Собственно, и без них было ясно, что мины прилетали откуда-то сверху.

По дороге в наше бунгало Серёга недовольно пробурчал:

— Какая-то фигня творится в здешнем датском королевстве...

— Да брось ты! — я зевнул. — Утро вечера мудренее. Сейчас выспимся, завтра парад будет, а там начальство

свалит, и будем мы спать, есть и купаться.

В принципе, так оно всё и получилось. Но, опять-таки, несколько позже...

— Про «парад» можно пропустить, хотя там тоже было... — попытался сократить повествование рассказчик, но мы, переглянувшись, выразили дружный протест:

— Ну, уж нет! Взялся за гуж, так говори...

— Лады! — легко согласился Владимир. — Был в этом «параде» эдакий интересный финт...

— Всю ночь негры били в барабаны, танцевали у костра и орали что-то загадочное, но исключительно громкое. Джунгли, конечно, приглушали звуки этой оргии, но добавляли к ней свои устрашающие нотки. Короче, я почти не спал, всё ждал, когда за нами придут. Нельзя же всю ночь прыгать, петь песни и ни разу не сесть за стол! Сергей не спал заодно со мной. Он сообщил, что его бабка говорила, будто бы «невесте всегда плохо спится на новом месте» или что-то очень похожее, и ещё убеждал меня, мол, сегодня нас не побеспокоят и вообще вряд ли сразу сожрут. Мы ведь военные спецы всё-таки... Однако в своём пологе он потихоньку собрал ПК и даже затвор передёрнул.

Поднялись мы с рассветом, так что до прихода провожатого успели и к параду подготовиться, и позавтракать сухим пайком, и перекурить. Явился за нами тот же самый паренёк, но с копьём и в перьях. На этот раз долго махать руками ему не пришлось, так как мы стремительно вживались в

местные условия. Да и распорядок дня был достаточно ясен, тем более что паренёк довольно внятно заявил:

— Парад!

Плац, то есть место проведения парада, располагался менее чем в полукилометре от нашей хижины и, видимо, использовался и в других целях, если судить по пятнам от костров и натыканным там и сям каменным идолам и черепам животных. Одна сторона выложенной каменными плитами площадки обрывалась в сторону ущелья, другая — пропадала в джунглях, и там, среди лиан и листьев, угадывались руины древнего города.

— Нашему воеводе исторически повезло, — оценил площадку Сергей. — Десяток мужиков с мачете и венниками, и мы имеем то, что видим.

Не согласиться с этими словами было довольно трудно, и я только указал в сторону выступающего из стены джунглей каменного бастиона:

— А вон, кажется, и трибуна, а рядышком официальные лица. Похоже, нам туда.

Я не ошибся. Вместе с вождем мы поднялись на высоту двух этажей и расположились у останков каменных перил: вождь — в центре, мы — по сторонам. Серёга испросил у вождя разрешения положить наше оружие, и тот важно кивнул, хотя мне показалось, что он не совсем понял вопрос.

Пока мы возились на площадке бастиона, колдун внизу разжёл небольшой костерок и по сигналу вождя принялся танцевать, бросать в огонь горсти пороха и вообще всячески заклинать богов. Наконец, то ли утомившись, то ли достигнув желаемого, он плюнул в костёр,

опрокинул в него бочку воды и, поднявшись к нам, что-то прокричал вождю в ухо, а для нас пояснил почти по-русски:

— Вся хоросё будет!

Вождь простёр длань над площадью, и мимо нашей трибуны пошли колонны местного войска. Колдун, как мог, переводил нам приветственные выкрики главнокомандующего, а ответный восхищённый рёв перевода не требовал. Это было что-то вроде многоголосого:

— У-уря-а-а!

Некоторую нестройность рядов воины с лихвой компенсировали песнями, приплясом и воинственными выкриками. Одежда демонстрантов была исключительно пёстрой, но вполне приемлемой для психической атаки на любого врага. А вот вооружение... С одной стороны, вояки младшего возраста имели исключительно луки и копья, а с другой — тяговооружённость туземного войска вызвала у меня шок. Автоматы Калашникова — не в счёт, а вот в какой армии мира каждый третий в колонне несёт гранатомёт, а на каждом пятерых приходится пулемёт? Особенно здорово выглядели пулемёты «Максим» на колёсном ходу, но и ПК было хоть отбавляй.

В какой-то момент мы с Серёгой схватились за своё оружие, уловив в джунглях за спиной металлический лязг и топот, но недоразумение мгновенно разъяснилось. Наш генералиссимус вновь удивил нас, как бык корову: подобно Суворову под Измаилом, для пущего устрашения неведомо кого он гонял войска по кругу.

Когда стало ясно, что парад продлится, как минимум пока не устанет

рука у начальника, мы аккуратно оттерли колдуна вглубь бастиона и приступили к допросу. Колдун попытался выглядеть мудрым и загадочным, но быстро сломался и показал, что наличие моста вызывает зависть у вождя соседнего племени, которая выражается в миномётные обстрелы сооружения по пятницам.

Мы и сами уже заметили, что на плацу отсутствуют следы падения мин, так колдун ещё и заявил, что древний Город Мёртвых является священным для обоих племён, они хоронят здесь вождей, и вообще, он «табу». Покойников своих соседи к месту захоронения таскают по мосту, а в остальное время с удовольствием лупят по нему из миномётов.

Такие взаимоотношения показались нам несколько странными, но Серёга напомнил:

— Здесь нам не Европа!

Прав был Серёга на все сто! Даже их «табу», в принципе, оказалось ерундой с нашей точки зрения. В один из свободных от службы дней мы облазили развалины и ничего интересного не обнаружили. Если, конечно, вас не привлекают каменные глыбы, подземелья и сушёные покойники в перьях.

Вождь поманил нас к себе, чтобы мы не пропустили окончание парада. Воины, несмотря на то, что колобродили всю ночь, были свежи и веселы, хотя и немного потные от периодической беготни. Замыкая круговорот войск, мимо трибуны проехали два «козлика» с иностранными пулемётами крупного калибра и один — с безоткатным орудием. Удивляться местной специфике мы уже устали, и Серёга только заметил:

— Югославское, кажись.

Тут же, на плацу перед трибуной, состоялись показательные боевые стрельбы. Пустые бочки из-под горючего установили на краю обрыва, по диагонали метрах в ста пятидесяти от трибуны, и по ним, видать, самый опытный пулемётчик дал несколько длинных очередей. Аборигены кричали, стучали автоматами и копьями по каменным плитам и вообще всячески выражали восхищение. Да и было от чего! Патроны в ленте — сплошь с трассирующими пулями, и это море огня в сочетании с красивыми рикошетами... А если ещё учесть, что одна из пуль задела бочку, и та упала на бок...

Серёга к удовольствию вождя и колдуна хлопал в ладоши и хохотал до слёз, а я старался сохранять спокойствие. Как чувствовал! Следующим номером программы стала стрельба из гранатомета. Лицо заряжающего было суровым и сосредоточенным, гранатомётчик счастливо улыбался и вообще не смотрел в сторону мишени. В общем, на время, пока продолжалось это действо, я полностью выпал из реальности, а когда они закончили выступление, Серёга принялся меня тормошить:

— Ну? Как тебе? Вождь просит показать наше искусство...

— Я не могу... — потрясённо пролепетал я. — Что показывать, если эти хлопцы за одну минуту пальнули двенадцать раз, при скорострельности РПП-7: «четыре-шесть выстрелов в минуту»... — процитировал я выдержку из технических характеристик гранатомёта.

— А ты попробуй для разнообразия поразить их и попасть во что-нибудь.

Дрожащими руками я вложил выстрел в гранатомёт, прицелился и выстрелил...

— Промазал? — спросил Олег.

— Да что ты! — Владимир сделал круглые глаза. — Как можно! Папаша... Мой первый инструктор знаешь, какие номера откалывал? Часа в четыре утра в казарму проберётся, отдельно ствол и выстрел на спящего курсанта бросит, и у тебя пять секунд до полной изготовки к стрельбе. А танки опознавать по силуэтам от «Мк-1» до «Меркава»?! Знаете, что он сообщал курсантам в самом начале? «Фамилия моя Синицын. Через месяц вы будете меня называть не иначе, как «сволочь». Ещё через шесть месяцев, перед выпуском, — старым козлом. А после первого боевого контакта, если останетесь в живых, будете именовать меня «отец родной».

Вова ухватился за бокал, поднял его и сказал:

— Давайте не чокайся. За Папашу. Пяток раз он мне жизнь сохранил...

— Бочка, ясно дело, взорвалась, её бросило вверх, и тут же затрещал пулемёт. Одной очередью от пояса Серёга смёл все оставшиеся мишени в ущелье. Местные проорали что-то одобрительное, но, конечно же, не так громко, как своим. Но оно-то и понятно...

Последним номером программы была стрельба из безоткатного оружия. Здесь наводчик не подкачал и под восхищённые крики всадил заряд прямо в противоположный склон ущелья. Я как раз хотел выяснить законность стрельбы по чужой территории, когда вождь быстро покинул трибуну, уселся в одну из машин и

так рванул с места в сторону моста и дороги, что едва не потерял пулемёт и стрелка.

— Проверь пост до отъезда, — развёл наше недоумение колдун.

Ещё он сообщил, что мы очень понравились вождю, и он будет рад иметь с нами беседы о тактике и стратегии, но очень важные дела требуют его присутствия в столице.

— В Луанде? — по наивности спросил я.

— Есть много хороший столица, — таинственно сообщил колдун и, не удержавшись, просветил тупых белых в плане того, что у каждого порядочного вождя должна быть своя столица, армия, враги и военные советники. А иначе и вождь не вождь.

Вопрос о банкете по поводу окончания манёвров вообще отпал после объяснений колдуна. Оказалось, что мудрый стратег поменял местами эти события, и всё, что можно, воины сожрали ещё ночью.

— Неплохо! — оценил Серёга манёвр вождя. — Получается, что пьянка никак не связана с оценкой за манёвры. А что мы будем есть?

Тут же выяснилось, что мы уже поставлены на довольствие и можем пользоваться содержимым двух складов и арсенала (ангар у нашего бунгало), как посчитаем нужным, а готовить еду уполномочен уже знакомый нам отрок с копьём. Мы нарекли его «Амур», отказались от его услуг, колдун одобрил новое имя, и все остались довольны. Только Амур, видать, ничего не понял и всё время таскался за нами как тень.

Вождь вырвался из джунглей на «козле», подобно урагану. Он заложил крутой вираж, бедная машина пошла юзом и едва не врезалась в бастион.

Всё это время вождь непрерывно давил на клаксон и счастливо улыбался. Никто не пострадал только благодаря расторопности аборигенов. Видимо, они хорошо знали привычки своего предводителя.

Воины построились в походную колонну, и колдун заторопился:

— Нама нада торопиться поход! В столица — рация. Связь с Луанда. Что нада — звоните!

Колдун быстро спустился вниз, загрузился в машину вождя, и войско, распевая песню, двинулось в поход.

— Хорошо бегут! — похвалил я. — А ведь всю ночь орали и нам спать не давали. Двужильные какие-то!

— Дык они ж домой бегут. К детишкам и жёнам, — вздохнул Серёга и высказал очень здравую мысль: — А не пора ли и нам кормить верблюда? И поспать, кстати, не мешает. Компенсировать, так сказать.

После некоторой встряски Амур показал нам склады. Вещевой склад порадовал нас тёплыми шинелями, шерстяными одеялами и прорвой змей. Из всего наваленного там добра мы потом брали только носки и лёгкие комбинезоны, а Амур ловил змей и пытался нас ими накормить. Однако мы предпочитали столоваться отдельно. Особенно после предложения отведать жареную обезьяну...

— Приходилось видеть освежёванную обезьяну?

— Не-е! — я отрицательно мотнул головой. — Но, я так думаю, что это сплошная патологическая анатомия.

— Бр-р-р! — оценил услышанное Олег и предложил выпить по этому поводу.

Закусив, я спросил:

— Чем же вы там пробавлялись?

— Ну, это не было проблемой, — отмахнулся Владимир. — Во втором складе и тушёнка была, и компоты всякие. Только успевай срок годности проверять. Пришлось, правда, вычистить этот хлев, но нам пограничники помогли...

Он посмотрел на Олега и пояснил:

— Аборигены и Амур наш с моста весь некондиц покидали. Сами-то они со склада ничего не ели — брезговали. А ещё мы в охотку кабанов местных стреляли. Нормально жили!

— А как там у вас с сексом было? — заинтересовался Олег.

— Да там, по большому счёту, вся жизнь сплошной секс! Только успевай уворачивайся! А с бабами... — Владимир усмехнулся. — Это дело мы надыбали километрах в десяти по дороге в сторону цивилизации. Там, как нарочно, миссия, что ли, оказалась. Детишек местных и учили, и лечили, а учительницы и с Европы, и с Америки. Весь букет, короче. Туда, правда, пешочком часа два топать, но зато там... — Владимир закатил глаза. — И помогают, и постригут, и причешут, и обратно на машине подвезут. Мы с Серёгой там частенько основы английского и французского изучали, ну и сами, понятно, преподавали, что могли.

— Тебя послушать — на курорте ты был! — недоверчиво сказал Олег.

— В общих чертах, — вздохнул Владимир. — Если вычесть некоторые мелочи...

— На следующий день была пятница. Накануне мы как следует отметили начало нелёгкой службы в джунглях. В меню входила родная тушёнка — от пуза, галеты, компот — по потребностям, и, как полагается... Мы

на складе откопали четыре спасательные надувные лодки. Две оставили про запас, а две немедленно вскрыли. Амуру страшно понравилось, как они надувались и разворачивались, ну, а нас интересовал, понятно, НЗ.

В общем и целом, праздник удался. Пришли гости из отряда охраны моста, и они вместе с Амуром весело лопали печёных змей и совсем не претендовали на наш спирт. После второй нам стало по барабану, что там едят наши сослуживцы, а после четвёртой мы пускали сигнальные ракеты из НЗ и немного стреляли из пулемёта Серёги. Было весело.

Утром меня разбудили крики Амура, и я от души послал его сквозь сон куда подальше. Но этот сын джунглей не унимался, бегал вокруг нашего бунгало и очень громко орал. Пришлось мне вылезти из гамака и выйти наружу. С собой я прихватил канистру с водой, намереваясь освежиться.

Снаружи свет нещадно резал глаза, но я всё же сумел разглядеть Амура, который тыкал пальцем в небо, закрывал голову руками, указывал в сторону джунглей и раздражающе верещал что-то.

Попытка вежливо объяснить Амуру, чтобы он не мешал нам служить, то есть спать, успеха не имела. Более того, он принялся подпрыгивать и очень реалистично изображать бег на месте. Я совсем уж собрался бросить в него что-нибудь тяжёлое и даже размахнулся канистрой, когда в небе возник тонкий нарастающий свист.

Первые две или три мины лопнули где-то в стороне моста, их осколки с шорохом прошили джунгли, а в небе уже свистела очередная посылка. Из бунгало, предельно вытаращив глаза

на помятом лице, выскочил Серёга с пулемётом наперевес.

— Какая диспозиция? — прохрипел он, и я ответил коротко:

— Драпаем!

И мы рванули по тропинке вслед за Амуром, стараясь не отставать. Накануне мы, видимо, поленились раздеться и теперь не только сэкономили время на облачение, но и частично были защищены от колючек и сучков. Почему-то Амур был не подвержен этим опасностям, хотя скакал он далеко впереди нас и чуть ли не без штанов.

В другое время и в другом состоянии, мы бы, конечно, не стали бежать до самой площади, где проводился парад. Однако бег по джунглям с бодуна совсем не располагает к размышлениям и разговорам. Так что только когда мы прибыли на место, отдышались, отплевались и выпили половину канистры, которую я рачительно не бросил по дороге, Серёга очень эмоционально заявил:

— Поубиваю гадов! Вот сейчас отдохну...

Но когда мы как следует отдохнули после марш-броска, то, понятное дело, настроение наше улучшилось, и мы дружно отложили место до лучших времён. Тем более что обстановка вокруг носила сугубо мирный характер. Аборигены жарили кого-то на костре и громко распевали местный хит, а мы лениво считали приглушенные джунглями разрывы.

Артналёт прекратился, и нас пригласили к костру завтракать. От трапезы мы, естественно, отказались и, без лишней спешки, отправились по «Дороге Вождя» к мосту. Так мы нарекли дорогу, по которой вождь

мотался на своём «ГАЗоне» инспектировать охрану.

— Тремя миномётами работают. Сериями по три штуки, — сообщил Серёга свои умозаключения, и я согласился:

— Ага! Корректировщик у них должен быть. На гребне.

— Можно его пристрелить.

— Не метод, — возразил я. — Пришлют другого.

Несколько мин попали и в полотно дороги, и в мост, но больших повреждений не было. Мне в голову пришла мысль, и я спросил Серёгу:

— Знаешь, почему охрана не топчется сюда? Здесь их ждёт работа.

Серёга кивнул.

— Да бес с ними! Пускай воюют, коли им так нравится.

— А мы? — я зевнул. — Будем бегать по утрам каждую пятницу?

— Придумаем чего-нибудь, — уверенно заявил мой напарник. — Бунгало можно перенести. Хотя бы на площадь...

Но, когда мы добрались до своего жилья, наше решение не вмешиваться в эту войну резко изменилось. Нет! Бунгало стояло на месте. Дело было гораздо хуже. При потрошении НЗ из надувных лодок нашими трофеями стали два круглых зеркала. Одно мы присобачили к стенке бунгало, чтобы бриться, а второе подарили Амуру. Так вот, наше зеркало разбил осколок мины, и участь миномётной батареи врагов была решена.

Мы не стали вычислять местонахождение корректировщика и тратить на него время и боеприпасы. Мы решили ликвидировать проблему в целом и, так сказать, удалить весь орган. Для этого мы

весь день отдыхали и, между делом, посетили арсенал, где затарились по полной программе. Тратить подотчётные боеприпасы, согласитесь, было бы глупо (проблем не оберёшься), а идти к врагам без подарков — невежливо. Вода, еда — это мы, ясен пень, тоже не забыли.

В поход отправились утром следующего дня. Провожала нас вся застава и Амур. Именно Амур буквально за пять минут жестами, пыхтением и гортанными криками объяснил, где удобнее всего подниматься на гребень.

Ещё какое-то время ушло на обеспечение безопасности при возвращении. Очень не хотелось поймать шальную пулю от бдительных охранников моста.

Распинались мы перед аборигенами хороших десять минут, и уверенности в том, что они нас поняли, лично у меня не возникло. Серёга устал первым — он сделал большие глаза и заявил:

— Не стрелять! Иначе положу всех без разбора!

Экспедиция наша, кстати, едва не сорвалась по физиологическим причинам. Едва прошли четверть моста, как Серёга остановился и сообщил, что его начинает заносить. Я, собственно, тоже очень плохо переносил отсутствие перил, но нырять в пропасть вслед за Серёгой не хотел. Уложив нам на плечи свой гранатомёт выстрелом вперёд, я сказал:

— Цепляйся крепче. Если будешь рулить не туда, приторможу, а то неудобно будет свалиться с этого великолепного моста на глазах у провожающих. И глаза прищурь, пока только белую полосу не будешь видеть.

— Так намного лучше! — согласился Серёга в процессе перехода. — Только вот я на этом мосту ощущаю себя мишенью...

— Не стоит думать о грустном. Тем более что мы уже пребываем на территории противника.

Как уж там Амур соблюдал суверенитет соседей, я не знаю, но особенностей ландшафта вражеских склонов он знал на все пять. И нашли мы промоину довольно легко, и поднялись по ней чуть ли не на сам гребень. Не скажу, что просто было — пришлось и мачете помахать, и под гнилые стволы подлезать, но это не сравнить с движением по самим джунглям. По целине, так сказать.

Гнездо корректировщика мы нашли без всякого труда. Устроился он на славу: окопчик прямо над мостом, подстилка из листьев, телефонный разъём прикрыт целлофаном, и тропинка вниз. Вот по этой тропинке мы тихонько и спустились. Огляделись, походили по месту расположения вражеской батареи, и Серёга говорит:

— Интересно девки пляшут! Как-то всё это очень уж восхитительно!

И, в общем-то, было чем восхищаться. Батарея располагалась на небольшой площадке, к которой из джунглей подходила грунтовая дорога с отчётливыми следами колёс и гусениц. Места установки орудий определялись очень легко — по крышкам снарядных ящиков, укрывающих опорные плиты миномётов, и брустверу, огораживающему огневые точки. Система канавок обеспечивала сток дождевой воды, и всё это дело было обложено камнями. Стволы миномётов и боеприпасы, похоже,

враги возили с собой, а вот тяжёлые предметы — ленились.

Я очень заинтересовался следами на дороге и даже пробежался до ближайшего поворота.

— Чего там такого интересного? — спросил Серёга, когда я вернулся.

— Странно всё это, — я отпил воды из канистры и продолжил мысль: — Если судить по следам, все эти колёса-гусеницы походят только на две немецкие бронемшины. Серии или двести пятьдесят, или двести пятьдесят один.

— Чего ж тут странного? — Серёга засмеялся. — Машины немецкие, безоткатка югославская, мины американские. Все помогают, как могут, борющимся за независимость народам. Особенно мы, если судить по содержимому складов. А этим... — Сергей кивнул в сторону батареи. — Этим помогает кто-то другой.

С такими выводами я спорить не собирался, тем более что занимали меня совсем другие проблемы.

— Такие бронемшины, колёсно-гусеничные, немцы выпускали в Великую Отечественную войну, — пояснил я Серёге своё недоумение. — Правда, кажется, чехи их копии сейчас делают.

— Ну, так и хрен с ними со всеми! — подвел итог нашим изысканиям Сергей и, принявшись вскрывать банку с тушёнкой, облизнулся. — Пора подкрепиться.

Мы провели на вражеской батарее почти весь день, а когда ушли, постарались не оставить видимых следов нашего пребывания. Даже гнездо наводчика не стали минировать, чтобы не спугнуть врагов раньше времени.

На свой берег вернулись на закате

и без всяких приключений. Охрана встретила нас громкими одобрительными криками, и, по-моему, всем было глубоко плевать на то, чем мы там занимались за кордоном.

После нашего похода служба пошла как по маслу. Мы много ели, много спали, купались в реке до посинения, а в остальное время учили аборигенов волейболу. Площадку пришлось оборудовать прямо на дороге рядом с мостом, потому что часовые во время игры бросали оружие, пост и лезли играть со всеми остальными. Сетка у нас была сильно самодельная и, в общем-то, условная, а вот мячи — самые настоящие. Серёга на складе нашёл целую коробку мячей и тут же придумал нам развлечение.

За служебными делами пятница подошла как-то быстро и незаметно. На сопредельную сторону мы ушли ещё до рассвета, и там Серёга поклялся впредь переходить этот чёртов мост исключительно ночью: удобно и совсем не страшно. По мосту и промоине, ведущей на гребень, шли без песен, но нахально с фонарём. Я впервые познакомился с катализаторным фонарём, и мне очень понравилось, но ближе к концу подъёма его пришлось выключить. Кто их, врагов, знает, когда они там приезжают к себе на батарею?

На рассвете мы были рядом с вражеским НП, но, конечно же, прибыли слишком рано. Серёга даже поспал часика полтора, пока я его не разбудил и не указал на машину, ползущую по дороге:

— Видишь? Задняя часть кузова далеко вынесена за гусеницы, и верх открытый. Двести пятьдесят первая серия.

— Чешская? — спросил Серёга, и я ответил:

— Мне приятнее думать, что она немецкая. Тем более что и пулемёт на ней соответствующий.

— Я заметил. Это МГ-42, — подтвердил Серёга. — Калибр у него дурной — семь девяносто два. А знаешь, как его немцы в войну называли? «Пила Гитлера». Тысяча триста выстрелов в минуту. Я бы его «сенокосилкой» окрестил.

Теперь нам оставалось только ждать.

Враги вытаскивали из бронетранспортёра стволы, крепили их к опорным плитам и сошникам, таскали боеприпасы — и всё делали быстро, с огоньком. Чувствовалось, что они занимаются этим делом не в первый раз, любят свою работу, и каждый знает своё место. Тяжести таскали семеро, а один неторопливо прохаживался около броневика и отдавал короткие приказы. Я определил его как командира и автора батареи. Кстати, машиной управлял, видимо, он же.

Суэта внизу постепенно сошла на нет, командир принялся проверять, что нагородили его подчинённые, и прилаживать к миномётам прицельные приспособления, а к нам наверх отправился корректировщик с коробкой телефона. Мы немного замаскировались рядом с его гнездом, дали ему подключить телефонный аппарат, доложиться, и только тогда скрутили.

Попытка установить национальную принадлежность командира врагов, мне кажется, вполне удалась. В ответ на вопросы Серёги: «Англичанин? Фашист? Американец?» лесной вояка отрицательно тряс головой и

согласно кивнул, только когда прозвучало:

— Француз?

Хотя, конечно, результаты допроса были довольно спорные, Серёга уверенно подвёл итог:

— Француз, значит. Наёмник.

— Как, собственно, и мы с тобой.

Оставив связанного пленника в его окопчике, мы переместились так, чтобы лучше видеть происходящее на батарее. А там уже всё было готово к залпу: первые номера присели у прицелов, вторые — с минами в руках встали у стволов, командир в наушниках устроился в тени машины. По команде вторые номера опустили мины в жерла орудий, отскочили, присели и закрыли уши ладонями.

Сомневаюсь, чтобы им это сильно помогло, потому что два из трёх миномётов дружно взлетели на воздух, подброшенные взрывами противотанковых мин.

— Как это?! — возмутился я. — Мы ж их все минировали!

— Может, напортачили чего? — предположил Серёга. — Ну, да ничего страшного! Стрелять сегодня они уже не будут, а мины я поставил на самоликвидацию через десять дней.

Внизу, на батарее жертвы нашей диверсии расползались, кто мог, в стороны. А вот их командир, по нашим предположениям француз, повёл себя не совсем правильно. Когда он бросился внутрь бронемашины, я, полагая, что он рванёт наутёк, даже не хотел стрелять, но француз припал к пулемёту и прошёл джунгли очередью чутков ниже нас. Чем и напугал нас до самого не хочу.

Мы выстрелили одновременно. Серёга потом говорил, что зацепил пулемётчика по полной программе, и я ему верю. Ну а действие моего выстрела было очень наглядным: там и бензин был, и боеприпасы...

Тихо у нас стало. Служи — не хочу! Но счастье полным не бывает. Каким-то образом вождь прознал о нашей вылазке и примчался со своим войском. Был праздник, банкет и всё такое. В пятницу вождь всё утро гордо разгуливал по мосту и вёл с нами через посредство колдуна разговоры о стратегии.

И, опять-таки, всё могло быть хорошо, но этот стратег-архитектор решил нас наградить как героев. Ну, и сообщил в Луанду, что мы уничтожили бронетанковое соединение врагов, теперь путь его войскам открыт, и он готов нести социализм и мосты недоразвитым народам джунглей.

Примчалось начальство с инспекцией, мы всё, как есть, доложили. Почти... Капитан наш, пёс паршивый, бросился боекомплект проверять, а у нас полный ажур! Ну, мы ему намекнули, что неплохо бы и арсенал местный пересчитать, он и сник. А полковник отвёл нас в сторонку и принялся трясти на предмет, о чём мы молчим. Мялись мы, мялись, пока он спокойно так не спросил: «Что, много крови прольётся, если всё всплывёт?» На что Серёга буркнул: «Река...», и полковник сразу предложил перейти к параду. Короче, вождь нас не отдал, хотя и были желающие нас в Луанду забрать. Он и колдун всё хотели, чтобы нас орденами наградили. Золотыми. Но нам только «спасибочки» сказали. За службу. А вот

в Луанду не увезли, оставили на позиции. Дружба с местным населением, она дорогого стоит.

Владимир отпил воды из стакана, приподнял свой бокал на уровень глаз и сказал:

— Вот так я первый раз стрелял по немецкой бронетехнике. Давайте не чокайся. За тех, кто не вернулся с той, большой войны.

Мы выпили за это без возражений. Олег внимательно осмотрел пустую бутылку «Праздничной», глянул на часы, но не успел ничего сказать. Я его опередил:

— А второй?

Всего-то два слова сказал, а все поняли.

— Э-э-э! — Олег поставил бутылку на стол, — Мы так на встречу опоздаем!

— А что — встреча? — я махнул рукой. — Будете водку жрать и в фонтане купаться. Под охраной милиции. Ментов и фонтана у меня здесь нет, а вот... — Я влажно чавкнул дверцей морозильника и передал Олегу бутылку. — Холодненькая!

— Холодная, — согласился Олег и принялся сражаться с пробкой, а я вопросительно посмотрел на Владимира.

— Может быть, вы знаете?.. — начал Владимир. — Был у нас в Астрахани, в Новодевичьем монастыре Зал боевой славы...

ЗАЛ БОЕВОЙ СЛАВЫ

— Ну, ты скажешь тоже! — возмутился Олег. — Там же облвоенкомат! Из Новодевичьего все в армию уходят. А нас в этот музей ещё в школе водили...

Да уж! Здесь Олег был прав на все сто! Водили нас в детстве туда. И не один раз. Там я впервые прикоснулся к боевому оружию. В смысле, это я тогда считал, что оно боевое, но чувство помню до сих пор — ощущение огромной силы в руках. И не менее мощное желание мочить врагов и складывать штабелями. Что и говорить! Умели в те времена учить патриотизму и Родину любить! Теперь-то всё проще: в одной руке мобильник, в другой — банка пива...

Сотрудники Зала боевой славы особенно гордились панорамой при входе. Не помню, как она называлась, но на ней наши шли в атаку, а враги бежали. Это казалось тогда абсолютно естественным, и у нас, пацанов, не вызывало каких-то особых чувств. Ну, торчит из картины рука с макетом пулемёта «Максим», ну, кусты красиво прикрывают плотно картины и создают объём...

А вот в другом зале! Там и «Максим» был настоящий, и трёхлинейка с оптическим прицелом, и ГППШа. Но к этим предметам у меня отношение было спокойное. Как к охотничьему ружью отца. Ружьё я в любое время мог потрогать и даже приложить к плечу, прицеливаться. А ГППШа и винтовки мы в кино тысячу раз видели. В общем, за сердце не цепляло. Не то, что, скажем, пулемёт ДШКа. В дырку его ствола в то далёкое время мой палец, как шарик Иа-Иа, свободно входил и выходил. Правда, всё, что возможно, было прикручено проволокой, так что жми на курок, не жми... Но когда я украдкой ложился на станок пулемёта и брался за рукоятки...

Единственным стволом, не прикрученным насмерть к основанию, был ручной гранатомёт РПГ-2. Правда,

без гранаты — обыкновенная труба с рукояткой, и, к тому же, откуда нам знать, что принят этот гранатомёт на вооружение был уже после Великой Отечественной войны? А мы с трудом взводили тугой курок, обхватывали тонкими пальчиками рукоять, смотрели на мир сквозь планку прицела и без промаха жгли «Тигры» и «Пантеры».

...Чаще всего в зале с оружием сидел слепой дед в пиджаке, увешанном орденами и медалями той войны. Тогда для нас, пацанов, он был дедом. Это сейчас я понимаю, что человек в чёрных очках был в самом расцвете сил...

— После Конго списали меня из армии, — Владимир усмехнулся. — Да я и не особенно упирался. По сути, я не военный человек: не могу тупо выполнять идиотские приказы дураков. По тем временам было у меня два месяца на отдых от трудов праведных, ну, я и загулял. И вот как-то меня тоска клонула, и понесло «по ленинским местам». Пришёл в Новодевичий монастырь, где военкомат... И — ты прав, Олег, большинство из нас уходило в армию оттуда. Но, видеть, был не сезон: вход не охранялся, и в самом монастыре было пусто, жарко и скучно.

Ну, и вломился я в Зал боевой славы. Просто так.

В помещении было гораздо прохладнее, нежели на улице. Оно и понятно: толщина стен больше метра, а кое-где, говорят, и ходы тайные в стенах проложены. Мне тогда, правда, вся эта экзотика была по барабану.

В музее этом старикан сидел, слепой кажется, а больше ни души. Я

с ним поздоровался, он мне в ответ кивнул, и все дела. Походил я меж экспонатов, посмотрел... Знаете, для мальчишек всё это железо, может и интересно, а вот ежели повоевать малость, то от вида мин и пулемётов воротит и подташнивает малость. Всё оружие почищено и смазано, как полагается, но я-то вижу только грязь и кровь...

Вот тут-то он мне на глаза и попался. Аж сердце ёкнуло! ЭР-ПэГэшка, «двойка». Я такой антиквариат последний раз в учебке руками щупал. Взял я его с подставки, не удержался. Лёгкий, гораздо легче «семёрки», чуток обшарпанный, боёк, понятное дело, спилен... Но родной до слёз!

— Знакомое оружие? — неожиданно прозвучал в тишине зала хрипловатый голос старика-смотрителя, и я вспомнил, что слепые видят ушами.

Я щёлкнул предохранителем гранатомёта, уложил его на место и только тогда ответил:

— Да. Собственно, этому меня и учили.

— Гранатомётчик?

В голосе старика я услышал интерес. Он даже повернул в мою сторону изуродованное старыми шрамами лицо.

— Ага! — я счастливо улыбнулся. — Бывший истребитель танков.

Старик вздрогнул и очень серьёзно сказал:

— Бывших солдат не бывает. Война не отпускает. А сам ты где...

Я понял его вопрос:

— Да в разных местах. Дембельнулся из Конго.

— И там война... — тяжело вздохнул дед.

— Да какая там война! Игры разума.

— Война! — уверенно и чуть сердито повторил дед, и я не стал возражать ему. — Я и сам из ПТРа танки жёг — знаю.

Посмотрев на его правую руку, я спросил:

— А чего ж солнце на запястье? Татуировка-то флотская.

— Это глупость молодости, — усмехнулся дед. — Мечтал служить на флоте, вот и наколот в семнадцать лет... Но судьба по-другому сложилась.

После короткой паузы он спросил: — А сколько ты, сынок, можешь выстрелов сделать за десять секунд?

— Парочку... — удивился я вопросу. — Прицельно. Но я знал одного деателя, так он за одну минуту...

Старик оборвал меня взмахом руки, и мне стало ясно, что просто скоростная стрельба его не интересует. Он встал и, чётко повернувшись, как это делают слепые, прошёл к двери в торце зала. Ключ попал точно в замочную скважину, щёлкнул замок.

— Я тут тренажёр собрал, — как-то неуверенно произнёс старик. — Сам его проверить не могу... Может, ты поможешь?

Обижать деда отказом мне не хотелось, и я прошёл за ним через дверь и маленькую комнатку в его «тренажёр». Дед щёлкнул выключателем, вспыхнули лампы, и мы оказались внутри подобия панно «Наши идут в атаку». Жалкого подобия. Сомневаюсь, чтобы сам дедок сварганил всё то, что я увидел — кто-то ему, конечно, помогал, но и эта помощь мало что значила. Глядя на стены комнаты,

лишь при крайне развитой фантазии можно было представить себе окоп, а «небо», грубо намалёванное голубой краской, не тянуло даже на «троечку».

Помнится, я ещё порадовался тому, что дед не видит выражения моего лица, но позже понял — плевать он хотел на мои впечатления. Он вставил ключ в замочную скважину не приметной дверцы, отворил её и вытащил... РПГ-7! Старик передал мне гранатомёт и снова сунул в проём дверцы, а я осмотрел оружие. Почти новый, с чуть потёртым стволом РПГ будил воспоминания и будоражил душу.

— Отец! А прицела-то у РПГэшки нет. ПГОшка положена...

— Там близенько... — невнятно пробормотал старик, сунул мне в руки два выстрела и отступил к двери. — Ты ж истребитель танков...

Мельком глянув на выстрелы к гранатомёту, я моментально понял, что они никакие не учебные, а самые что ни на есть боевые, и уже открыл рот, чтобы сказать дедку, что такими вещами не шутят, но он опередил меня.

— С Богом, сынок. Огонь!..

И на меня обрушился свет и грохот, а в ноздри вонзился запах горячей резины, толовая вонь и что-то ещё знакомое и тошнотворное. Рядом вжался в стенку окопа молоденький парнишка. Грязные закопчённые ладони прижаты к окровавленному лицу. На одной руке ярко сияло даже сквозь кровь синее восходящее солнце. Справа, в обвалившемся окопе из земли торчали и дёргались в конвульсиях ноги, а слева длинными очередями бил пулемёт и нёсся надрывный крик:

— Та-анки-и!!! Танки сзади!!!

Всё это я охватил за пару секунд, а в то же время быстро вставил выстрел в гранатомёт. Щёлкнул предохранитель, я выпрямился и глянул на поле боя поверх искорёженного взрывом противотанкового ружья. Вниз от окопов уходило изрытое воронками поле, и по нему, не торопясь, уверенные в своей неуязвимости, ползли разукрашенные крестами танки. Я выбрал головной. Тот, что шёл прямо на пулемётное гнездо слева.

Пф-ф-ф! Граната вылетела из ствола, и я тут же присел, перезарядил гранатомёт, развернулся в другую сторону. Кумулятивный заряд знакомо хлопнул сзади, а я уже выцеливал другую мишень: подставив мне борт, фашистская «Пантера» утюжила вторую линию окопов.

Хлопок! Я стоял посреди комнатно-имитатора в Зале боевой славы с гранатомётом на плече, и из ствола к потолку тянулась тонкая струйка дыма. Старик так и остался посреди комнаты, вцепившись в лацканы

пиджака. Только татуировка на его руке была теперь бледная, расплывшаяся...

Молча сунув старику гранатомёт, я вышел на улицу и в небольшой луже тщательно отмыл ботинки от жёлтой окопной глины...

— Никто и никогда не убедит меня в том, что я не видел того, что я видел... — чётко разделяя слова и не отрывая глаз от стола, произнёс Владимир.

— А никто и не собирается, — заверил Олег и посмотрел на меня. — Типичный случай... На фазенде, в Ямане, мы и не такое видели...

Я отрицательно покачал головой, и Олег замолчал. К чему, скажите на милость, грузить человека, если он и без того загружен?

Когда они уходили от меня, уже в подъезде я спросил Владимира:

— Там, в окопе... Ты попал?

Владимир спустился на пару ступенек, повернулся и ответил вопросом на вопрос:

— А ты бы промахнулся?

ПАВЕЛ МЕШКОВ

Родился и вырос в Астрахани. Образование высшее медицинское. Первые публикации — в рубрике «Хоббит» газеты «Проспект» и н/ф журнале «Гном». Лауреат конкурса «Внеземелье». Рассказ «Просто Чуча» вошёл в сборник «Настоящая фантастика — 2012» (издательство ЭКСМО).

Владимир Близначев

ГЛИНЯНЫЕ НОГИ

Граппа исчезает из стакана с непривычной для меня скоростью. Дрянная, тёплая, но я почти не замечаю вкуса. Руки дрожат так, что приходится поставить стакан на стол.

Pater noster, qui es in caelis.

Отче наш, сущий на небесах.

Рядом лежит лист бумаги, испещрённый мелким шрифтом: Николо не доверил словам пройти через цифру. Когда я прочитываю письмо, то понимаю, насколько он был прав.

Дядя Лоренцо, многое надо бы тебе сказать, но времени почти нет. Последний месяц я работаю на кардинала Лазуретти. Ты знаешь, у меня нюх на неприятности, а все дела, связанные с правительством, просто воняют ими. Но я был на мели, пришлось рисковать. Как оказалось, зря. И теперь моей сицилийской крови не даёт покоя мысль, что я могу так бездарно и безвольно погибнуть. Она заставляет обратиться к тебе, прости нерадивого крестника. Итак, месяц назад я внедрился в «Табула-Ово», Господь знает, зачем Лазуретти понадобилось отслеживать информацию по новой технологии и платить за это такие деньги. Но чутьё старого павиана не подвело: сегодня из перуджийского филиала пытались украсть бета-версию программы. Причём самым наглым образом. Звучит фантастично, но никаких новомодных атак на сеть — просто группа недоумков-афров с пушками ворвалась внутрь, положив уйму народа. Можно было бы предположить, что нигтеры решили грабануть

богатеньких цифровиков, если бы не одно но — они знали, за чем шли. За TR-носителем с последней программой. Они искали «Бар-Кохба». Не спрашивай — не знаю, что имелось в виду. Правда, афры были весьма разочарованы: я успел первым. Ты бы этого не одобрил, но выбора не было. Диск TR, кстати, лежит в конверте. Понятия не имею, что на нём записано, но за этим охотятся и ваш кардинал, и тот, кто направил афров.

Дядя Лоренцо, из этой заварушки мне вряд ли выбраться, но я постарался как можно сильнее осложнить жизнь охотникам. А тебя я прошу отомстить. Да, священников о таком обычно не просят, но ты должен отцу. Прости, что втянул тебя, но иначе на том свете у меня будет вечная депрессия.

Помолись за меня. С наилучшими пожеланиями,

Николо Росси.

Николо Росси мёртв. Тело, изорванное «каруселью», найдено у аэролинии. Чип заблокирован.

Я последний, кто остался из семьи. Вендетта — мой второй крест.

Стакан уже пуст. Пить не хочется, но я всё равно опрокидываю в рот последние капли, прямо из горлышка.

Adveniat regnum Tuum.

Да приидет царствие Твоё.

Комкаю листок в ладони, бумага хрустит. «TR-носитель» остается на столе, его я не коснулся ни разу. Сейчас, когда ценность человеческой жизни равна отрицательному числу,

смерть стала обыденнее, чем секс. Киллеры встали на одну ступень с проститутками. Николо сумел приспособиться к такому существованию и даже остаться в чём-то порядочным — я нет. Когда Росси-старшего нашли под мостом у Тиберины, у меня осталось три выхода: бесконечно мстить непонятно кому, застрелиться или исчезнуть из запутанной современности. Для первого не хватило сил, для второго — смелости.

Обхватываю голову руками. За двадцать лет у меня не прибавилось ни сил, ни смелости. Тряхнуть старой, вспомнить молодость... я боюсь вспоминать. И не хочу.

Пустую бутылку «умный» стол услужливо прячет в своих недрах. Вряд появляется новая, запотевшая. Вовремя.

Я последний, и уже никуда не деться. Со смертью отца Николо долг не исчез, наоборот стал ещё непомернее, ещё весомее.

Et in hora mortis nostrae.

И в час смерти нашей.

На стене — хорошая репродукция одной из Мадонн Санти. И пусть это не икона, но как же от неё веет божественностью! Когда я подхожу и «опускаю» пальцы на плечи Марии, рамка отъезжает в сторону, открывая нишу. Всю её занимает пыльная жестяная коробка.

Я поджимаю губы, бережно, двумя руками, поднимаю крышку. Мы не виделись двадцать лет. Я провожу пальцами по холодному металлу, по дереву рукоятки. Старик «магнум» всё так же грозен и элегантен.

Голова затуманена алкоголем, но лучше рассуждать сейчас, а не когда страхи вылезут наружу. Итак, банда афров нападает на отделение «Табула-Ово» без предварительных атак на

сеть, что по нынешним временам кренинизм в последней стадии. Но им почти всё удаётся. Сдругой стороны — кардинал Лазуретти. Ему-то что понадобилось в осином улье цифровиков?

Взгляд падает на маленький диск TR. Понятно, что разгадка в его памяти. Но мой устаревший «ноут» TR не прочитает. Остаётся только совершить глупость: отправиться в Сан-Саба, чёрный район, пристанище афров в вечном городе — чёрные стружья оспы на белой коже. Где ещё искать следы банды нигтеров, если не там?

Протягиваю руку к граппе. Сан-Саба подождёт до завтра, а сейчас мне просто необходим реквием по очередному этапу жизни. Предпо-следнему, кажется.

Requiem aeternam dona eis, Domine.
Вечный покой даруй им, Господи.

Рим изменился. Сейчас из окна поезда аэролинии видно, как уткнулись в небо шпили высоток, утыканные тарелками антенн. Транспортные сети пронзили город под землёй, на земле и по воздуху. Прекрасные величественные храмы эпохи Возрождения кажутся косыми кладбищенскими часовнями. Приторно-гадостные звуки из динамиков на зданиях бьют по ушам круглосуточной рекламой, другая реклама светится на миллионах экранов «плазм». И это ночь.

Но я схожу на станции без огней, без назойливой лёгкой музыки и без людей. Заряженный револьвер заметно выпирает из внутреннего кармана пиджака: сутану, ставшую моей второй кожей, пришлось сменить. Белому соваться в район афров — самоубийство. Но ночью у меня больше шансов дольше оставаться живым.

Грохочущий лифт спускает меня на землю, в катакомбы, населённые монстрами.

В Сан-Саба стоит абсолютная тьма. Несколько тлеющих фонарей вдоль улицы не менялись с двадцатого века. Узкие улочки легко могут вызвать клаустрофобию. Из подворотен доносятся музыка, похожая на удары мусорных баков друг о друга. Невдалеке во мраке громко ругаются неясные тени. Посреди улицы дерутся дети. Клубок из маленьких тел катается по потрескавшемуся асфальту, изрыгая яростные вопли и мат.

Население Сан-Саба до сих пор оценивается приблизительно. Отбросы сопротивляются глобализации, хотя сами являются её плодами.

Иду медленно, понятия не имею куда. Лишь бы не заблудиться в этом анклавном постапокалипсисе. Чёрные тела возникают из тьмы неожиданно, молча скользят мимо, исчезают, как призраки тёмных богов.

Задеваю носком ботинка что-то мягкое, чуть не падаю. Еле удерживаюсь, чтобы не выхватить револьвер. Посреди тротуара лежит тело — рядом с содержимым своего желудка. По силе перегара ясно — суррогаты алкоголя давно заменили ему кровь. Тело мычит нечто нечленораздельное. Я брезгливо морщусь и хочу идти дальше, но что-то меня останавливает. Достая старенький коммуникатор Sci-dar и мелкую купюру, пальцы быстро выводят на дисплее «Бар-Кохба». Сильно пинаю афра под ребра, тот разом принимает сидячее положение, обводит округу недоуменным взглядом.

Я сую ему под нос Sci-dar и деньги. Грязная лапа тянется к купюре. Размечтался! Отдергиваю руку.

— Сюда смотри! — приказываю я.

Лицо афра вытягивается, он бессмысленно хлопает ртом, с губ тянется отвратительная коричневая слюна. Наконец он выдаёт:

— Коррадо Джованни, — и, извернувшись, выхватывает деньги.

Я бью афра в морду, он падает и отрубается. А может, просто засыпает.

Теперь я хотя бы знаю, куда идти. Уже заворачивая за угол, замечаю, как от стены отделяются две фигуры и направляются к телу. Кажется, это был последний заработок в его жизни.

Коррадо Джованни. Исковерканное афрами название некогда прекрасного проспекта. Сейчас он застроен ночлежками, уродливыми бараками из колотых булыжников, и среди этого неолита, окружённого светлым будущим, находится ответ.

Я прислоняюсь к обшарпанной стене. Земля мелко дрожит под ногами — внизу несётся поезд метро.

Летняя ночь идёт на убыль, сегодня я вряд ли что-то найду. Вид Коррадо Джованни повергает меня в ностальгическое уныние. Хочется достать «магнум» и расстреливать всех подряд — мстить за изуродованный город.

И тут из темноты улицы раздаётся голос, хриплый и механический, похожий на рычание дизельного двигателя. Я вздрагиваю.

— Белый, что ты знаешь о Бар-Кохба?

Доносится слабое дребезжание — так заводятся «карусели». На освещённый участок мостовой выступают четыре рослых афра. От их вида меня тошнит. У каждого не прикрытые плотью уродливые механические протезы, заменяющие части тела.

В железных клешнях — «карусели». Полу-киборги, полу-ниггеры.

Беру себя в руки.

— Если скажете, что это такое, то я смогу ответить.

Кажется, голос прозвучал с излишним вызовом.

Афры перекинулись несколькими фразами. Отвлеклись. Этого хватило, чтобы «магнум» был извлечён из кармана. Четыре человека, шесть патронов — приемлемый расклад. Нет сомнений, что они те, кого я ищу. Один здоровяк замечает оружие, начинает поднимать «карусель», но поздно.

Выстрел оглушает, руку отдёргивает сильной отдачей. Афр с противным скрежетом протезов падает. Остальные бросаются врассыпную, но, похоже, механические части не отличаются подвижностью — ещё одного уroda пуля кидает на землю. Отвык я стрелять, но не разучился.

За спиной крошится кирпич — «карусели» работают бесшумно. Я спокоен, как после бутылки первосортной граппы — бесшумная стрельба глушит чувство опасности. Это лживое чувство, но сейчас оно единственный помощник, который держит меня, не даёт кинуться прочь. Следующий выстрел не находит цели. Я скрываюсь за углом какого-то барака.

— Еретик, ты обречён, — снова заговорил «дизельный двигатель». — Пророчество не остановить. Отдай Бар-Кохба.

Стреляю на голос. Надсадное дребезжание «каруселей» вновь заставляет скрыться за стеной. В груди ноет, старое сердце не выдерживает такой нагрузки. А ведь всё только началось.

Откуда они узнали про меня? В памяти мелькнули две фигуры, двигающиеся к пьяному. Даже не знаю,

благодарить ли судьбу за такой подарок.

Я собираюсь сделать ещё выстрел, но передо мной вырастает афр. Бесшумно, как сигаретный дым, возникает из-за угла. Время замедляется, растягивая звуки и движения. Меня бьёт о стену, сильный удар сворачивает челюсть. Больше громила не успевает сделать ничего — револьвер я не выпустил, пуля вышибает ниггеру остатки мозгов. Подбородок безбожно болит, ноги дрожат. Я буквально вываливаюсь из-за укрытия. Четвёртый афр не успевает полоснуть меня лучом «карусели», я быстрее.

* * *

Афр еле ворочает языком. Перебитые ножные протезы превратились в мешанину металла, проводов и микросхем. Я оттащил тело в каменный закуток между массивным старым зданием и корявой постройкой чёрных.

— Бар-Кохба покарает тебя. Грядёт Anno domini, — говорит афр, скрученный силовыми жгутами. Хриплый голос, дизельный двигатель.

Пусть надеется на Бар-Кохба. Афр силится ещё что-то сказать, кашляет.

Как же вытянуть из этого фанатика имя заказчика?

— Учитель... найдёт тебя, спасёт Бар-Кохба.

Я цепляюсь за нить:

— Учитель? Кто он?

Афр заливается смехом вперемешку с кашлем.

— Он пророк, он спасёт мир, разрушив старый изнутри.

Было бы наивно предполагать, что афр ответит прямо. Придётся поломать голову. Остался последний вопрос. Возможно, даже важнее личности «учителя»:

— Кто такой Бар-Кохба?

Глаза громилы наполняются фанатичным огнём.

— Бог... из... машины.

И тут всё встаёт на свои места.

Чёрное тело разрывается под лучами «карусели», мои джинсы заливают кровь.

Бар-Кохба лежит у меня на столе, рядом с письмом Николо, запертый в памяти TR-носителя. Истинный сын нового времени. Ум, созданный десятками умов человеческих созданий. Искусственный интеллект.

Афры с металлическими протезами ждут своего Мессию. Не нужно долго гадать, кто за ними стоит.

* * *

Я видел этого человека только раз. Кардинал-викарий Лазуретти, девяностолетний старик, похожий на павиана, переживший на своём посту трёх Пап. Второе лицо в Ватикане.

Набережная Санти полна людьми, как карьер — песком. Они сыплются мимо — миллионы муравьёв, однодневки, вспышки в вечности.

Граппа булькает в желудке в такт нетвердым шагам.

Толпа качается, люди прижимаются к заплесневелым стенам исторических зданий; не торопясь проезжает робот-поливальщик, струя пенной воды прибывает пыль к дорожному покрытию.

Мои губы шепчут молитву, пальцы то и дело поглаживают «магнум» под сутаной.

Бар-Кохба, сын звезды, искусственный интеллект. Его создание превращает в пыль тысячелетние церковные устои. Да, Ватикан приспособливается ко всему, начиная с Коперника и заканчивая генной инженерией. Но создание искусственного разума

окончательно сокрушит Церковь, уже сейчас ставшую атавизмом вроде аппендикса. Бар-Кохба, явленный миру, заставит этот аппендикс воспалиться. Потому что человечество встанет на одну ступень с Создателем. Именно поэтому Лазуретти так следил за работой «Табула-Ово». И я его понимаю. Мир тотального прогресса страшен. Человечество уже готово надорваться и издохнуть. Надо затормозить. Сектанты-афры стали пешками в блистательной партии кардинала. К сожалению, он не учёл только ценности жизни Николо. Для меня — к сожалению.

Столб детектора на входе в Ватикан промолчал, и швейцарские гвардейцы проводили меня безучастными взглядами. Я знал, что детектор не сработает — металл уже никто не ищет. Плющадь святого Петра обрамляют спроектированные Бернини полукруглые колоннады тосканского ордера. Тут людей намного меньше, чем за пределами ворот. Иду, еле двигая ногами, перевожу дыхание у египетского обелиска, этого перста языческой веры в центре христианства. Пульс неровный, быстрый, как трепет крыльев колибри.

Апостольский дворец возвышается надо мной, ошетилившиеся сотнями антенн. Сейчас у Папы время аудиенций. И я даже знаю, кого он принимает. И где.

Я миную правительственные залы и несколько внутренних часовен. Залы для аудиенций располагаются на третьем этаже дворца. По дороге встречаются одетые как клоуны гвардейцы, по лестнице навстречу мне проплывает лысый кардинал. Климентинский зал остаётся позади, впереди маячат двери папской библиотеки. Помимо прочего, это зал для частных встреч.

Дверь распаивается с тяжёлым скрипом.

Целестин VII сидит за столом, положив руки на столешницу. Я не успеваю разглядеть его лицо, взгляд приковывает фигура в красном по другую сторону. Я безошибочно угадываю Лазуретти.

Церковные владыки замерли. Вот и момент истины, час X, точка G моей долбаной жизни.

Я закрываю дверь.

— Вы кто? — голос Лазуретти скрипуч, холоден и надменен.

В следующую секунду дуло револьвера смотрит на него. Тянет сказать: «сейчас отсюда вылетит птичка». Пощади меня Бог. Я спускаю курок.

Красное забрызгивается красным. Кардинал вылетает из кресла, грохается об пол работы Бернини. Целестин VII медленно поворачивает голову, смотрит на нелепую фигуру кардинала, как никогда похожую на павиана. Выражение лица Папы апатично. Потом он поднимает глаза на меня.

Вот и конец вендетте, все долги розданы и все получены. Осталась только маленькая деталь.

Широкими шагами подхожу к старику в белом. Становлюсь на колени.

— Ваше Святейшество, как истинный католик, я не мог оставить грехи этого человека без наказания. Но и, как истинный католик, я не могу идти против матери-церкви. Это ваше.

Запертый в TR Бар-Кохба и «магнум» падают к ногам понтифика.

Он, дрожа (от старости, а не от страха), поднимается, занесенная снегом скала, тролль-альбинос.

— Прошу, отпустите грехи. Наложите епитимью.

Целестин VII молчит, Бар-Кохба хрустит под его каблуком, разлетается по залу неопасными осколками.

— Бог простит, сын мой, — говорит Папа бесцветным старческим голосом.

Это последние слова, которые я слышу в жизни. Потом понтифик подбирает револьвер...

Владимир Блинецов

Владимир Блинецов родился в закрытом наукограде Саров в Нижегородской области. Сейчас живет и работает в Москве. С красным дипломом закончил Московский государственный университет культуры и искусств по специальности «Организация работы с молодежью, молодежная политика».

Рассказы пишет редко, в основном для сетевых конкурсов фантастики. Некоторые произведения озвучены в различных аудиопроектах, таких как «Радиус вселенной», «Темные аллеи» и «ПослеSловие».

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

ВОПРОС ВЕРЫ

— Слушаю вас.

Лицо, возникшее на экране, не очень-то подходило святому старцу — уставшее, озабоченное, в ореоле торчащих коротких волос.

— Э-эээ, — протянул Ларс.

Уважительной причины он ещё не придумал, приходилось действовать по обстоятельствам. Почему-то в голове крутилась одна глупая, но такая привлекательная мысль — со святой земли не выдают. Впрочем, до Земли тут больше четырехсот километров...

Старец нетерпеливо нахмурился. Надо что-то сказать.

— Я бы хотел помолиться у вас в храме! — выдал Ларс.

— У нас не храм, — сухо возразили ему, — и у нас не молятся.

Ларс растерялся.

— А что же тогда у вас делают?

Человек на экране тяжело вздохнул. Ларсу даже показалось, что сейчас его пошлют ко всем чертям и связь оборвётся. Но не угадал.

— Молодой человек, скажите прямо, что вы хотите? Попасть на маяк?

— Да, — Ларс судорожно кивнул.

— Второй шлюз. И будьте осторожны, створки иногда заедает.

Вблизи он был ещё меньше похож на святого. Да и на старца тоже. Не молод, да, — лет так пятидесяти, высокий, худощавый, но очень крепкий мужчина, волосы едва-едва начали седесть. Строгий, пронзительный взгляд.

Он был в рабочем комбинезоне, заляпанном свежими пятнами.

— Молодой человек, я попрошу вас оставить оружие на корабле.

Ни тени эмоций.

— Простите...

А вот Ларс смутился — он и забыл, что за поясом торчит пистолет. Никогда раньше не приходилось иметь дело с оружием...

Пришлось возвращаться.

Смотритель маяка ждал его. В какой-то момент Ларсу показалось, что это не человек — киборг: человек не может оставаться таким равнодушным. Может быть, Ларса приняли за другого? За кого? Да ещё пистолет... вряд ли.

— Идёмте, я покажу комнату, где вы можете отдохнуть. А меня прошу извинить, сейчас много работы. Если захотите перекусить, на кухне есть всё необходимое. Вечером буду ждать вас в комнате отдыха, заходите.

Ларс кивал, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее.

Комната оказалась маленькой и весьма аскетичной, но это, как раз, волновало его в последнюю очередь. Главное, чтобы местный святой старец не сообщил полиции... В любом случае, других вариантов у Ларса в запасе не было.

Оставшись один, он с наслаждением вытянулся на кровати. Можно хоть немного расслабиться.

И подумать, как быть дальше.

Ситуация вышла сложная, но какая-то несурная. Ларс до сих пор не мог понять, как его угораздило стать бандитом-злоумышленником,

едва ли не международным террористом. Вот совсем не собирался. Более того, через неделю у него был запланирован отпуск и шикарная поездка с Маринкой на побережье Адриатики. Но не сложилось. Ни отпуска, ни Маринки, ни Адриатики. Но, даже лишившись всего этого, он подумывал как максимум напиться, ну, может, ещё, при случае, набить морду красавчику Криштиану... Да и чёрт бы с ним. Но не сложилось опять.

Вместо этого в шесть утра припёрся Стефан и заявил, что Ларс должен, да просто обязан, отправиться с ним на забастовку работников космопорта. «Ты что, не знаешь?! — орал он и рвал на себе волосы. — Ты не знаешь, что у нас забастовка?! Да как ты можешь! Это твой гражданский долг!» И ещё: «Его лишают отпуска, а ему плевать!». Ларс пытался было объяснить, что только ночью он прилетел с Хоши, сдал груз и мечтал расслабиться... всего один выходной...

А потом как-то всё закрутилось...

Ларс закрыл глаза. Хотелось спать.

— Мы, кстати, друг другу не представлялись. Меня зовут Алонсо, — смотритель потянулся к столику, достал початую бутылку коньяка. — Вам налить?

Ларс неуверенно кивнул, огляделся в поисках свободного кресла.

— Простите... — Алонсо отвинтил крышечку и наполнил два больших разномастных бокала. — Если вы разгребёте вон ту кучу хлама, то кресло под ней.

Отыскав кресло и пододвинув его к столу, Ларс, наконец, уселся. Не удержался — тут же залпом осушил бокал.

— Спасибо. Этого мне очень не хватало, — отдышавшись, признался он.

Алонсо чуть ухмыльнулся, налил ещё раз.

— А как мне вас называть, молодой человек?

— Стефан, — не моргнув глазом, ответил Ларс.

— Хорошо...

Смотритель кивнул, словно принимая условия игры. Он заметно преобразился к вечеру: волосы больше не топорщились, лежали аккуратно, щеки гладко выбриты, грязный рабочий комбинезон сменила безупречно выглаженная рубашка оливкового цвета и такие же безупречные коричневые брюки. И вся эта новообретённая красота мало сочеталась с полнейшим бедламом, который царил в комнате отдыха. Впрочем, бедлам хозяина ничуть не смущал, да и на Ларса действовал удивительно успокаивающе.

— И как дела на Земле? — осведомился Алонсо, грея в ладонях коньячный бокал.

— На Земле? Неплохо...

— А в других мирах?

Ларс пожал плечами.

— На Хоши начался фестиваль цветов и сезонные распродажи...

— Вы были на Хоши?

— Да, только вернулся.

Ларс всё ждал вопроса — зачем он здесь, и никак не мог придумать ничего достойного. Он слишком мало знал о пиррианских орбитальных маяках... Что он здесь делает?

Но смотритель не спешил с этим вопросом.

— Вы уже успели поужинать?

Беседа напоминала светскую: ничего не значащие вопросы и такие же ответы. О главном совсем ничего. Ларс долго ждал, потом плюнул и расслабился... Ну, может быть, этому

Алонсо, и правда, не интересно? Может быть, ему запрещает спрашивать его пиррианская вера? Вот и славно! Вопрос о вере затрагивать пока тоже не хотелось. Хотелось сидеть, пить коньяк и трепаться ни о чем.

Но вдруг, неожиданно, его подкосил вопрос:

— А вас, Стефан, кто-нибудь ждёт там? Семья? Девушка?

Очень хотелось соврать, но не повернулся язык.

— Нет, никто.

И вроде бы никаких ужасов о маяках и последователях Святого Пирра он не слышал, но как-то не по себе стало. А вдруг он отсюда не выберется? Чёрт дернул его полезть на маяк... Если бы не закончилось топливо...

Он ведь только на орбите понял, какой дурак: не проверил, влез впопыхах в первую попавшуюся посудину, дал по газам — и вперёд, к звёздам. Но дорога оказалась куда короче. Топлива едва-едва хватало на полноценную посадку. Он мог сделать полвитка и красиво, с фанфарами, сесть на ту же взлётку. Копы обалдели бы от такого финта. Может быть, даже проявили снисхождение.

Но снисхождение копов Ларса тогда не сильно вдохновляло.

Если не садиться, то, в лучшем случае, можно было дотянуть до половины лунной орбиты и потом тихо сдохнуть там, когда начнут отключаться системы жизнеобеспечения. В худшем же... Впрочем, даже «лучшего случая» Ларсу хватало с лихвой.

Куда податься ещё?

На исследовательскую станцию его бы не пустили. В орбитальные гостиницы — тоже, там нужна бронь. Да и в полицию сообщили бы.

Оставалась некоторая вероятность, что про него вообще могут забыть, плюнуть и отложить до лучших времен. Полиция космопорта бастует вместе с прочими сотрудниками, и если бы не глупая перестрелка, которую он устроил, на него, действительно, скорее всего махнули бы рукой. А так, вполне себе, устроят образцово-показательный суд и засадят лет на десять. Брррр...

...Алонсо подлил ему в бокал ещё коньяка...

Проснулся Ларс в том же кресле. Смотрителя уже не было.

Шея болела от неудобной позы, и гудела голова. Интересно, долго он так проспал?

На кухне работал телевизор — новостной канал. Рассказывали что-то о новом витке кризиса и очередном конце света.

Но Алонсо не было и тут, только яичница шкворчала на плите. Ларс посчитал яйца, восхитился и пересчитал снова: целых семь! Appetit у старца что надо!

— Хотите яичницу? — предложили из-за спины. — Здесь на двоих.

В животе заурчало.

— Да, спасибо...

За ночь Алонсо слегка осунулся — словно не спал, а мешки ворочал. Впрочем, кто его знает, может, и не спал он. После ночной пьянки, тем более в его возрасте, хорошо выглядеть не будешь.

Часы показывали почти полдень.

— Кофе?

Ларс кивнул.

—...Ураган Гваделупе, мощнейший в современной истории, — щebetала симпатичная дикторша под

аккомпанемент архивных съемок, — изменил направление и теперь движется на северо-восток Атлантики. Судя по всему, жители Флориды могут вздохнуть свободно...

У Алонсо дрожали руки. Лопаточка, которой он поддевал яичницу, дребезжала о сковородку.

— Садитесь, Стефан, — предложил он.

Кофе был очень ароматный, с имбирём и гвоздикой. Алонсо осторожно, словно боясь расплескать, сел и сразу, большими глотками, выпил полчашки, потом принялся мазать джемом поджаренный хлеб.

— Если хотите, Стефан, тут на сервере множество книг и фильмов на любой вкус, можете посмотреть — хоть в комнате отдыха, хоть у себя. Не заскучаете.

— Спасибо. Вы тут, наверно, часто смотрите кино?

Оторвавшись от еды, Алонсо долго смотрел на него. В телевизоре реклама колбасы успела сменить рекламу женских прокладок. Наконец устало вздохнул.

— Не так часто, как хотелось бы, много работы. Маяк старый, давно выработал свой ресурс — то одно отвалится, то другое... Система кондиционирования течёт, трансформатор работает только один... А я в этом ничего не понимаю... — он вздохнул снова, вышло как-то горько. — Хорошо хоть есть инструкции.

— Так я могу помочь, — неожиданно для себя предложил Ларс. — Я же пять лет работал слесарем во франкфуртских доках!

— Правда? — в глазах зрителя мелькнул интерес, но быстро погас. — Это было бы очень кстати.

И Ларс сразу пожалел о своем предложении. Теперь его точно отсюда не выпустят. Но отказываться поздно.

— А почему вам сюда не пришлют квалифицированных рабочих?

Алонсо покачал головой.

— У Ордена нет денег, всё держится на энтузиастах. Новое оборудование больше не закупают. Хотя еду присылают нормальную, и то ведь грозятся скоро перейти исключительно на консервы и всякие коробочки... Так дешевле. Это раньше было около сотни маяков, теперь остался один.

Он хмуро, со скрежетом, ковырял в тарелке, стиснув вилку так, что побелели пальцы. Явно наболело.

— Этот — последний? — тихо спросил Ларс.

Глупый вопрос...

— Да.

— Мне казалось...

— На прошлой неделе вывели Тридцать Восьмой, там всё полетело к чертям, уже чинить нечего. А вчера, — Алонсо на минуту замолчал, кусая губу, — вчера умер Хенк с Деветого. Замены нет...

— Умер? Отчего?

— Не выдержал.

Ларс ровным счетом ничего не понимал.

— А сейчас, — бодро объявила дикторша, — хочу снова привлечь ваше внимание к вчерашним событиям — перестрелке в венском космопорту во время очередной забастовки. Если вы знаете что-либо о местонахождении этого человека, — тут на экране появилась фотография Ларса во всей красе, — просьба немедленно сообщить в полицию.

Ларс инстинктивно втянул голову в плечи, одновременно потянувшись

к пульту, собираясь выключить, но не успел.

— Не трудитесь, молодой человек, — Алонсо снисходительно усмехнулся. — Я уже смотрел новости.

Стало страшно.

Он всё знает? Но почему же тогда молчит? Неужели у зрителя на счёт Ларса какие-то свои планы? Обратно его не выпустят...

— И что вы собираетесь делать? — спросил он осторожно.

— Я? — удивился Алонсо. — Я ничего не собираюсь. Причем здесь я?

— А если полиция... если они прилетят сюда?

— Они уже связывались со мной вчера вечером.

— И что вы им сказали?

— Сказал, что на маяке нет посторонних. Только я и брат Стефан, который прилетел сменить меня.

Вот оно как... Ларс чувствовал, как внутри начинают неприятно скрестись кошки.

— Вы хотите, чтобы я остался?

— Молодой человек, — Алонсо покачал головой. — Я вас ни в коем случае не держу. Вы можете улететь в любой момент. Вы же знаете, где ваш катер.

Третий день Ларс возился с системами жизнеобеспечения. Работа успокаивала и отвлекала от ненужных мыслей.

Вчера он решил попробовать, действительно ли можно покинуть маяк или зритель лукавит. Беспрепятственно прошёл к катеру, запустил двигателя. Система легко выпустила его и так же легко впустила обратно. Даже с дозаправкой проблем не возникло, залил под завязку.

— Решили поразмяться? — поинтересовался Алонсо, встретив его в коридоре. — Ну, и как там, снаружи?

— Холодновато, — ответил Ларс.

Со зрителем он старался встречаться как можно реже, не попадаться ему на глаза. Хотя бы до тех пор, пока не решит, что делать дальше.

Получалось не всегда.

— Сегодня мы пригласили в студию известного учёного — геофизика, специалиста в области сейсмологии и геодинамики, вице-президента Международной Академии Наук, доктора геолого-минералогических наук, директора НИИ прогнозирования и изучения землетрясений...

Блондинка в телевизоре обворожительно улыбалась, геофизик хмурился, заранее ожидая дурацких вопросов о конце света. Ларс мазал маслом бутерброд.

— С чем вы связываете возросшую в последнее время сейсмическую активность планеты? И какие ещё катаклизмы нас ожидают?

— В первую очередь хочу отметить...

Крякнула и зашелестела дверь.

— Доброе утро, Ларс, я принес вам штраф, — зритель появился на кухне неожиданно, обычно в это время его тут не встретишь.

— Штраф?

— Да. Большой, правда, но вы справитесь.

С широкой улыбкой победителя Алонсо вручил распечатанную квитанцию.

Ларс вертел её и так и этак, сумма действительно была внушительная... Наконец, он понял.

— Так мне всего лишь выписали штраф?

— Да, за нарушение общественно-го порядка. Так что можете спокойно возвращаться.

Поверить в такое было сложно.

— Но ведь я ранил человека! Полицейского!

— Он забрал свое заявление. Вы ведь не в него стреляли?

— В воздух... — Ларс болезненно сморщился, — в потолок.

То, что стрелять в воздух в помещении не очень разумно, он тогда не сообразил. Глупо вышло. Пистолет был того самого полицейского — пьяного в зюю, надо сказать, — который первым полез в драку. Когда началась заваруха, Ларс отобрал у него оружие и пальнул вверх, надеясь утихомирить... Ну, и рикошетом отскочило — кажется, полицейскому слегка задело плечо.

Телевизионщики, конечно, раздули едва ли не международный скандал.

— Но откуда это у вас?

— Молодой человек, — Алонсо криво ухмыльнулся, — у Ордена нет денег, но пока ещё остались связи. Да и у меня есть друзья. Я даже договорился — вас возьмёт пилотом один канадский перевозчик.

— Канадский?

— Да. Вы надеялись устроиться ближе?

Ларс потрясённо покачал головой.

— Я вообще не надеялся. Думал, в лучшем случае придется искать место на лунной базе.

— Вот и хорошо.

— Зачем вы делаете это?

— Помогаю вам? Считайте это платой за проделанную работу.

* * *

— И что же вас смущает, молодой человек?

Алонсо сидел в своём кресле, весь такой аккуратный и отутюженный, только лицо мягкое, серое, словно выцветшее, под глазами круги... совсем старик.

Ларс и сам точно не знал, что его смущает.

Вот уже второй день он тянул время: работы оставалось на несколько часов, если по-честному, но он всё возился, проверял, перепроверял, просто ходил... Закончив тут, нужно было возвращаться домой.

— Зачем вы помогаете мне? Пустили на маяк незнакомого человека...

— А вы зачем мне помогаете?

— Сдуру, — буркнул Ларс.

Алонсо рассмеялся.

— Вот и я тоже, — сказал он. — Какие ещё у меня тут развлечения?

Но дело было даже не в этом, не в помощи... Ларс не понимал чего-то важного, того, что казалось совсем близко — но не разглядеть. — Знаете, в чем суть нашей веры? — вдруг спросил Алонсо.

— Нет.

— В помощи людям, — Алонсо достал ещё одну бутылку коньяка, повертел в руках и поставил обратно. — В желании помочь всем людям, понимаете?

Нет, Ларс не понимал. Проповедник из зрителя, судя по всему, вышел бы никудышный. Разве это не суть любой веры? Нет? Или, по крайней мере, не основа добродетели? Священники молятся во искупление грехов...

— Знаете, в чём принцип работы маяков?

Ларс замотал головой.

— По большому счету это не маяки, это орбитальные трансформаторы... преобразователи. «Маяк» — всего лишь красивая метафора. Мы не молимся за людей — мы берем их грехи на себя, искупаем, возвращаем в мир добро... Не смейтесь, молодой человек, я знаю, как это звучит, особенно если слышишь в первый раз. Вы знаете, Себастьян Пирр, основатель Ордена, был вовсе не святым, и даже не священником — он был инженером, биофизиком. Многие называли его сумасшедшим, но он считал, что отрицательную энергию разрушения можно преобразовывать в положительную. Знаете, что мир тогда стоял на грани катастрофы?

— Что-то такое слышал...

Ларс потёр переносицу... зря, наверное, он ввязался в этот разговор. Про Пирра он что-то проходил в школе, тот жил почти сто лет назад.

— Пирр так и не смог доказать эффективность своей разработки, несмотря на то, что всё оборудование исправно работало. Его не признали, назвали шарлатаном. Тогда он решил уйти из науки и обратиться к вере. На деньги его последователей были построены первые орбитальные маяки.

— А почему бы не сделать эти ваши маяки полностью автоматизированными?

Алонсо вздохнул, пожевал губу и всё же откупорил бутылку, налил в бокал.

— Хотите?

Ларс покачал головой.

— Ну и ладно... Знаете, молодой человек, вся штука в том, что без человека это не работает. Аккумуляировать и искупать грехи может только человек, — он залпом выпил, сморщился. — Когда дела в Ордене

шли хорошо, зрители менялись каждый месяц, маяков было много... теперь, в лучшем случае, раз в год, да и остался только один... Вся техника старая, работает на пределе... Иногда так прошибает, что за ночь можно поседеть. Знаете, сколько мне лет?

— Сколько?

— Тридцать восемь.

Ларс посмотрел ему прямо в глаза — серые, блёклые... Кашлянул, с трудом подавил в себе желание отвести взгляд.

— Это... это так тяжело?

Губы зрителя дрогнули в улыбке, но он не ответил, налил и выпил еще.

— Тогда зачем вам это? — неуверенно спросил Ларс.

— Кто-то должен.

— Почему вы?

— А кто?

Станный ответ. Обычно люди рассуждают иначе: «Почему я?» Никто не желает становиться крайним, каждый надеется на остальных.

Ларсу было как-то не по себе.

— И у вас есть доказательства, что это работает?

— Доказательств нет, — спокойно сказал Алонсо, — есть совпадения. Это вопрос веры.

— Совпадения?

Алонсо откинулся на спинку кресла.

— Когда Пирр разрабатывал свою теорию, Землю трясло от катастроф: наводнения, землетрясения, извержения, аварии на атомных станциях, эпидемии... мир катился в тартарары. А после того, как заработали маяки, всё успокоилось. Почти семьдесят лет относительной тишины. Люди забыли, как это страшно, маяки пришли в запустение... И вот опять: в Ордене

упадок, а уровень катастроф начал нарастать, — Алонсо облизал губы. — К тому же, есть местные, локальные, так сказать, примеры. Тот же ураган Гваделупе...

Последнее он произнес так тихо, словно боялся, что его услышат, словно было неловко... Да, неловко — приписывать себе спасение целой Флориды.

— Вы в это верите?

Может ли он не верить?

— Да.

В коридоре сновали роботы-носильщики, тащили здоровенные коробки в одну сторону и мусор — в другую. Алонсо стоял над ними как заправский завхоз, деловито уперев руки в бока.

— Так, что тут? — бормотал он, разглядывая содержимое коробок. — Картошка? Хорошо... Тут? Десять упаковок лазаньи... Очень хорошо. Кальвадос? Оооо! Это уже интересно! Так, а тут? Сменные фильтры, лампочки... Угу...

Выглядел он вполне довольным, хоть и заметно осунулся за последние дни.

— Смотрите, Ларс, что мне привезли! — он помахал рукой.

— Дела идут на поправку?

— Посмотрим, — Алонсо беспечно пожал плечами. — По крайней мере месяц ещё продержаться можно.

— Хорошо...

— А вы улетаєте?

— Да. Пора. Надо разобраться со штрафом, кредит придётся брать... да и на работу... Ваши друзья уже связались со мной, сказали, что ждут. Я ещё раз хочу вас поблагодарить...

— Не стоит, — Алонсо усмехнулся. — Считайте, это моя работа. И передайте привет Джеферсону.

— Обязательно!

— Устроим прощальный ужин?

В глазах зрителя плясали веселые искорки.

На похороны Ларс не успел.

Вот только утром вернулся из рейса, и сразу сюда.

Холмик на могиле был совсем свежий. Рыхлая черная земля. Пониженные цветы. Простое прямоугольное надгробие серого камня, лаконичная надпись: «Алонсо Кесада» — и годы жизни. Да, действительно, ему было всего тридцать восемь лет.

Ларс положил цветы.

Рядом, под одним большим камнем — сразу трое: Филомена Кесада, а еще Бернардо и Ракель. И фотография, на которой Алонсо, совсем молодой и счастливый, обнимает жену и детей. Он уже здесь, вместе с ними.

— Землетрясение, — сказали за спиной.

Ларс обернулся. Рядом стоял высокий тощий парень, держал в руках две розы на длинных стебельках.

— Что, простите?

— Землетрясение, — повторил парень. — Помните, три года назад на севере Испании, тогда много об этом говорили. Они погибли под развалинами.

Да, конечно, Ларс хорошо помнил.

— А вы родственник?

— Нет, — парень покачал головой. — У него не осталось родственников, похоронили за счёт Ордена. Я должен был лететь ему на замену, уже проходил подготовку... Не хватило всего нескольких дней.

— Вы должны были лететь на маяк?

— Да. Лечу завтра.

— Зачем?

Парень усмехнулся, кривовато, совсем как Алонсо.

— Буду спасать Землю.

И не поймёшь, то ли это шутка, то ли всерьёз... а может, всё сразу. Вопрос веры?

— Почему вы?

— Ну, кто-то же должен, — он развёл руками.

Ларс не понимал. Сложно было представить, что толкает людей на такое, если они знают, чем это может закончиться. Тем более, молодых...

Впрочем, наверное, дело не в возрасте.

— И вы готовы так же умереть?

Если бы он ответил «да», вышло бы так пафосно, что Ларс бы ему не поверил. Не поверил, и всё. Но парень только хмыкнул.

— Думаю, не придётся. Нам выделили грант на восстановление программы, есть надежда, что все наладится.

Потом подошёл, положил цветы рядом с букетом Ларса. Выпрямился.

— Многие считают, что мы сражаемся с ветряными мельницами, — сказал он тихо, — но я действительно вижу великанов. Почему бы мне не попробовать...

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

Родилась 13 октября 1980 года в Москве, где и живу до сих пор. По образованию учитель рисования и черчения, закончила худ-граф МПГУ. В основном занималась компьютерной графикой для кино, рекламы и прочего. Последнее — художник по текстурам для программы «Мульт-личности».

Первый рассказ был напечатан в журнале «Порог» в 2005 году, потом еще в «Просто фантастике», сборнике «Аэлиты», «Уральском следопыте», чуть позже в «УФО» и повесть в электронной версии «Реальность фантастики».

ЕЛЕНА ИВЧЕНКО

АНГЕЛ С КОРОТКИМ КРЫЛОМ

— Что у тебя в правом кармане?

Мы только что вышли в зимний холод, громада центральной библиотеки провожает нас мудрыми взглядами сотни освещённых окон. На дворе 93-й год, троллейбусы ходят редко, а о маршрутках никто пока и не слыхивал.

— Дырка... — мне ужасно стыдно, моя рука через прореху в подкладке проникает в шубное подполье и, слепая, шарит там среди крошек и свалявшихся комков искусственного меха. Моя поза неудобна, моё положение комично, и я прячу неловкость за смехом. Его глаза за стёклами очков, как всегда, кажутся беспомощными и незащитными. В такие глаза трудно смотреть, и я отвожу взгляд, продолжая яростно орудовать в недрах шубной полы. Наконец рука натывается на что-то твёрдо-ощутимое. Я извлекаю на свет коробочку, обтянутую несолидным коззамом. В таких обычно продаются украшения, и мне становится щекотно где-то в желудке. Я открываю: на псевдо-бархатной подкладке — немудрёное мельхиоровое колечко с капельками бирюзы.

— Когда мне было 22, я купил его и сказал себе, что подарю той Единственной, которую полюблю когда-нибудь... — слова так же беспомощны, как и глаза за стёклами, и мне хочется закрыть уши: я почти не в силах выносить эту незащитность, эту откровенность, граничащую с выворачиванием души наизнанку.

Я ворочаю глыбы слов в голове — и никак не нахожу ту, что мне нужна. И тут подъезжает троллейбус.

Я сижу в аудитории среди сорока таких же барышень, бог знает почему пожелавших «сеять разумное, доброе, вечное». Я такая же, как они, — скромно говорю я себе. Но писклявый голосок внутри протестует: нет, я не такая, я особенная, во мне есть что-то эдакое, если он среди всех выбрал именно меня. Я снисходительно улыбаюсь этим мыслям и не сразу замечаю наступившую паузу: я поднимаю глаза и — о боже, он опять! — ну, опять остановился на полуслове, и ничего не говорит больше про «полнообское оканье», и с идиотски-счастливым лицом смотрит, смотрит — на меня! Ещё секунда — и все успеют проследить за его взглядом! Я яростно киваю ему, машу рукой — «продолжай!», он спохватывается, шуршит бумажками на кафедре, и лекция по самому ненужному на Украине предмету — диалектологии русских говоров — продолжается.

Открытка выглядит очень пошло и банально, розовые цветочки-ангелочки, но меня это вполне устраивает. «Дорогой Андрей Николаевич, приглашаем Вас на нашу свадьбу, которая состоится 29.01.1994 в 19.00 в кафе «Глория». Марина и Сергей». Меня толкает под руку злой бес (никакой свадьбы, конечно, на самом деле нет и в помине), я кладу открытку на стол перед ним и надеваю самое

невинное из своих лиц. Я смотрю на него и впервые убеждаюсь, что выражение «стал белым, как мел» — вовсе не «художественное преувеличение». Он поспешно выходит из аудитории, прихрамывая чуть заметнее обычно. Семинар отменяется, ура!

Мы сидим в дешёвой кафешке на набережной, ветер треплет полосатые тенты, локти прилипают к недовытертому столу, и пластик стула неприятно холодит голые ноги, далеко не вполне прикрытые мини-юбкой. Я сосредоточенно потягиваю молочный шейк, он смотрит на меня, замерев, как всегда, на полуслове. Мы знакомы уже три года, и столько же тянется этот нелепый односторонний роман, прекратить который у меня всё не хватает духу. Я нервно тереблю свои кольца (нет, конечно, среди них нет того, дешёвого, с бесхитростными капельками бирюзы). Он накрывает мою руку своей ладонью. Это что-то новое! Я возмущённо отодвигаюсь от стола вместе со стулом. Тогда он начинает говорить — вопреки моему всегдашнему запрету: «Я люблю тебя, Машенька. И я буду любить тебя всегда, до самой смерти. И после неё. И это — самая правильная и естественная вещь на свете — любить тебя. И...» — я пробираюсь между столиков, слова, как камни, продолжают стучать мне в спину, и я ускоряю шаг.

В этот раз Новый Год я встречаю одна: Игорь уехал со своей командой «бомбить по ночникам» («Слушай, Машка, за ночь можно объехать три-четыре точки, ну, смотри, как здорово, мы сможем потом поехать в Египет, ну, ты же хотела!»); Сашка отправлен на каникулы к бабушке-дедушке в Киев («Маняш, ты не волнуйся, ребёнку

нужна смена обстановки, новые впечатления, да и всё-таки столица, мы в цирк с ним сходим, в зоопарк...»). Жизнь сложилась так, как сложилась, и я ни о чём не жалею: в общем-то, если разобраться, у меня есть все основания, чтобы чувствовать себя счастливой. Но я почему-то не чувствую. Но, впрочем, я рада, что сегодня осталась одна.

Я залезаю на табуретку и достаю с антресолей коробку, в которой хранится моё неразумное, неразменное прошлое: школьные дневники, грамоты, какие-то открытки, газетные вырезки, письма. Я перебираю весь этот драгоценный хлам, и мне не верится, что всё это — я.

Вот — конверт, на конверте — его старательный мелковатый почерк, обратный адрес — Киев, улица такая-то, Секацкому А.Н. Я прекрасно помню, что там, в этом письме, но всё равно достаю наивно-клетчатый листок: «Милая Маша! Твоё известие о предстоящей свадьбе не огорчило меня. Оно меня просто убило...». Дальше — всё те же его обычные, не позволенные мною слова: люблю, буду, всегда... Он предлагает выйти за него замуж. Помню мой лаконично-сдержанный ответ, уместившийся на новогодней открытке. Да, всё было правильно, всё сложилось так, как сложилось. Я ни о чём не жалею. И всё же — интересно, а как сложилось у него? Небось, всех этих «всегда и никогда» хватило ровно до следующего смазливового личика в девичье-студенческом цветнике...

Я достаю из той же коробки старую записную книжку, набираю междугородний номер: «Алло, Светка? С Новым Годом вас! Ха, не узнаёшь? Ну, ещё бы, созваниваемся раз в 300 лет... Ага!... Ну да... Да нормально, всё хорошо... Да ему уже восемь,

какой садик... А твои как?... Ясно... Слушай, а помнишь, у нас был такой Андрей Николаевич в универе, ну, ты, кажется, ещё потом с ним отношения поддерживала, ты не знаешь, как там у него, женился он таки?..Что?.. Ой, да ты что... Надо же... Ага... А я и не знала... Да-а-а... Ну, ладно, празднуйте там, Славика поздравь от меня... Целую... Ага, давай, пока-пока...».

Новость бьёт меня по голове, берёт сердце в тугие тиски: воспаление лёгких, запустил, вовремя не обратился к врачу. Умер давно, оказывается, ещё до рождения Сашки. Смерть заставляет увидеть прошлое словно сквозь цветной фильтр — или, скорее, наоборот, без всякого фильтра: дешёвое кольцо, открытка с розочками, смешная прыгающая походка («Ты видела, как он ходит? Ага, Майкл Джексон отдыхает!»), прозрачно-удивлённые глаза за стёклами немодных очков... Я молча закрываю коробку и заталкиваю её в самый далёкий угол.

Болтаю с сестрой по скайпу, она толкует мне о прочитанной недавно книге, о каких-то там ангелах, кошках, медиумах... Я смеюсь, удивляюсь, интересуюсь, с каких это пор она читает такую махровую эзотерику, раньше я за ней такого не замечала. Она не обижается — мы с ней вообще почти никогда друг на друга не обижаемся — и предлагает мне всё же покопаться в прошлом, повспоминать — может, отыщутся и в моей жизни доказательства ангельской активности. Я, конечно, фыркаю, но, закончив разговор, начинаю перебирать в памяти все мои счастливые «случайности», большие и малые, которых со времени моего замужества стало как-то особенно много.

Вот я на кухне слежу за поднимающимся в кастрюльке молоком и вдруг чувствую, будто кто-то деликатно трогает меня за плечо... Я бегу в комнату и вижу, как трёхлетний Сашка свесился по пояс из окна, заинтересовавшись происходящим там, внизу, на улице... Вот мы с Игорем собираемся в долгожданное путешествие на Яву — деньги собраны, гур оплачен, завтра нам вылетать; я выхожу в магазинчик на углу — и вдруг, откуда ни возьмись, подскакивает ко мне безумная цыганка, хватая за одежду, кричит страшное: «Со-о-олнышко... на со-о-олнышко захотела? Дава-ай, еджа-а-ай... Бу-удет тебе солнышко, навсегда там останешься, и хоронить будет не-е-е чего!» Я с плачем вырываюсь, бегу домой. Игорь злится, но меня не переубедить, и мы сдаём билеты, а через два дня узнаём о цунами в Индонезии... А вот — я, решившись таки сменить надоевшую работу корректора на что-то поинтереснее и перспективнее, иду на собеседование в фирму, куда давно зовёт меня старый знакомый. Когда мне перебегает дорогу кошка (разумеется, чёрная, какая же ещё!), я только весело хмыкаю и иду дальше. Когда я вижу на заборе обрывок плаката, оставшегося ещё с последней рекламной кампании очередного «кандидата в», на котором теперь можно разобрать только «...но... не пойти!..», я призадумываюсь. Когда на выходе из метро мой каблук попадает в щель канализационной решётки и ломается, я понимаю, что таких совпадений не бывает и, махнув рукой на новые горизонты и карьерный рост, возвращаюсь домой. Вскоре я узнаю, что старый знакомый, так

ЕЛЕНА ИВЧЕНКО ° «АНГЕЛ С КОРОТКИМ КРЫЛОМ»

желавший получить меня в качестве секретаря-референта, находится под следствием, что счета фирмы арестованы, и прокуратура активно «интервьюирует» всех моих несостоявшихся сотрудников...

Что ж, если верить сестре, все эти «случайности» — дело рук моего ангела-хранителя. Интересно, какой он? Что он думает обо мне? Наверняка считает меня простодушной дурочкой... Мне ужасно хочется наладить с ним «обратную связь»: в конце концов, у меня накопилось к нему немало вопросов и «рацпредложений» по улучшению моей, в сущности, неплохой, но столь далёкой ещё от совершенства жизни. Но как побеседовать с ним? Ответ приходит сам собой: конечно, во сне! В тот же вечер я укладываюсь в постель с твёрдым намерением этой ночью познакомиться, наконец, с тем, кто там дёргает меня за ниточки, — и высказать ему все мои «пфе». Ну, и поблагодарить кой-за-что, не без этого же...

* * *

Маша спит, раскинув в стороны руки, будто летит куда-то. Ей снится говорящий хомяк, рассуждающий о романах Фитцджеральда; и как они с Игорем валяются на камнях у абсолютно фиолетового моря; и как она вспомнила, что умеет летать, — ну, там нужно только такой специальный орган внутри напрячь! — и пару раз у неё получилось; и что у Лены-редакторши в ванной живёт орёл; и что Сашка вдруг начал говорить басом и в школе на труде собрал вечный двигатель — в общем, обычная милая дребедень. И, конечно, никаких ангелов.

А он, замерев, как всегда, на полуслове, смотрит на Машу со своей невообразимой высоты, и нелепо топорщится на затылке нимб, и одно крыло чуть короче другого. Он улыбается — беспомощно и беззащитно, и несколько беспечно потерянных перьев, вращаясь, опускаются всё ниже и ниже, в прозрачную пустоту.

ЕЛЕНА ИВЧЕНКО

Родилась в Киеве в 1975, закончила филфак киевского педагогического института, с 2009 живу в Бельгии, преподаю русский язык в университете Льежа. Стихи пишу с детства, а недавно решила попробовать себя в жанре рассказа. Публикации: киевский журнал «Единственная», чикагский еженедельник «Обзор», немецкий журнал «Edita», альманах «Блогопадт».

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН

ЩЕЛЧОК

У меня умер гномик. Он сначала заболел, а потом умер. Папа сказал, что это от старости. Что гномики живут намного меньше, чем люди. И что так иногда бывает.

Это ведь папа мне его и подарил, когда я совсем маленький ещё был. Я тогда ещё только в детский сад ходил. Правда, уже в старшую группу. И вот однажды папа пришёл домой позже обычного. От него пахло морозом и смехом.

— Отгадай, что я тебе принес? — весело заорал он с порога.

Я тут же начал скакать вокруг папы и ныть, чтобы он скорее показал мне, что он принёс. А папа задира к потолку руки с какой-то коробкой и кричал, что я должен пообещать себя хорошо вести.

Ну, я, конечно, сразу пообещал. Я всегда обещаю. Правда, не всегда получается выполнять свои обещания, но это вовсе не потому, что я такой обманщик. Просто я часто про них забываю. Но ведь папа с мамой тоже всё время что-нибудь да забывают. Пообещают, например, в воскресенье в зоопарк, а потом идут на какой-нибудь скучный взрослый день рождения. Но я на них не обижаюсь. Вернее, обижаюсь, но потом прощаю. И они на меня точно так же: покричат, покричат за что-нибудь, а потом целоваться да обниматься лезут.

Кстати, за то, что мы не пошли в зоопарк, папа и обещал мне подарок. Вот этот подарок он мне и принёс. И давай меня сразу дразнить.

Но тут мама вышла в коридор и сказала, чтобы он прекратил, и папа прекратил. И, наконец-то, коробочка оказалась у меня в руках. Я сразу же стал её открывать.

— Осторожней с ним! — предупредил папа

— А что там? — насторожилась мама.

Но в это время я уже открыл коробочку, и тут мы все увидели, что в ней сидит совсем ещё маленький гномик. Он был такой, такой, такой... ну в общем, такой маленький и такой хорошенький! Мама сразу начала возмущаться, но папа твердо сказал:

— Наш сын сам будет за ним ухаживать, правда?

И я постарался таким же твердым голосом ответить:

— Да, я буду сам за ним ухаживать!

И мама сдалась.

Ночь гномик провел в своей коробке, а наутро мы с папой съездили в магазин и купили ему уютный домик. Он был как настоящий, только совсем маленький. Там даже маленький дворик был, с огородом пластмассовым. Гному домик очень понравился. Он сразу в него залез и начал там чем-то шуршать. Папа сказал, что это он делает ремонт. Мне так хотелось хоть одним глазком взглянуть в окошко или дверь, но дверь была закрыта, а на окна гном повесил тряпочки-шторки.

Я долго думал, как же его

назвать, и назвал Робинотом. Потом я назвал его Бомбуротом. Потом я назвал его Гимли. Но ни на какие имена капризный гномик не откликался. Так и ходил целый вечер без имени, пока папа случайно не щёлкнул несколько раз пальцами во время футбольного матча. Просто папа, когда очень волнуется, всегда щёлкает пальцами. А гномик взял и сразу к нему на щелчки прибежал. И стал вокруг папы волноваться. Я потом его специально подальше отнёс, а папа специально стал пальцами щёлкать, и гномик опять к папе прискакал. Вот мы его и решили назвать — Щелчок.

В садике я сразу всем похвастался, что у меня теперь есть Щелчок. И все мне, конечно, обзавидовались. Даже Марьяна-задавала. Правда, она виду не подавала, а только, как всегда, задрала нос и сказала, что гном — это фигня, а ей вот папа скоро привезет эльфа из поездки. И все сразу перебежали к Марьяне и стали её про эльфа допрашивать. А она ещё больше носом стала крутить, хотя никакого эльфа у неё вовсе и не было. А папа, может, и не привезет ей никого.

А потом — ну и подумаешь, эльф. У нас во дворе у Томки-скрипачки тоже эльф есть. А у бабы Насти даже целых два: мальчик и девочка. Мы всё ждали, что у них потомство будет, но так и не дождались. Папа сказал, что эльфы в неволе не размножаются. Мы, когда про это узнали, сразу стали бабу Настю уговаривать, чтобы она своих эльфов на волю выпустила. Но вредная баба Настя губы поджала и сказала, что вот как помрёт, так пусть их и выпускают, и что она

про это даже в завещании напишет, а пока брысь отсюда. Так что у нас на весь двор целых три эльфа. А гном только один есть — у меня. То есть был.

Я когда Щелчка гулять выводил, сразу полдвора сбегалось посмотреть. Потом, правда, попривыкли и уже не так сбегались. Но малышня всё равно вокруг крутилась и большими глазами смотрела. Щелчок тогда у меня уже несколько лет жил, мама ему такую классную одежду смастерила. А ещё пару костюмов мы ему по интернету заказали. Так что были у Щелчка и сказочная одежда для праздников, и обычная для гулянья. Но я его всё равно чаще в сказочной выпускал. Так нам играть было интересней.

А самое здоровское, конечно же, было играть в прятки. Щелчок ведь совсем маленький, и так умудрялся спрятаться — фиг найдешь. Я один раз его, наверное, целый час искал. Я уже многие его любимые места к тому времени выучил. А тут всё проверил — ну нету нигде. А он, оказывается, ко мне в карман залез, да и заснул. Вот дурашка. Только когда я пальцами щёлкать стал, он проснулся и вылез из кармана.

Я сначала хотел, чтобы Щелчок со мной спал, но мама сказала, что я могу его раздавить во сне. Я тогда испугался и не стал с ним спать. Но домик я на табуретку рядом с кроватью ставил, и Щелчок всегда со мной сидел, пока я не засну.

Потом, когда я в школе уже учился, нам стали всё больше и больше уроков задавать. К тому же я ещё с Марьяной из нашего класса пошёл вместе танцами заниматься.

И всё меньше у меня было времени с Щелчком возиться. Тот грустил, конечно. Ко мне всё приставал. Я сижу, уроки делаю, а он мне пятки щекочет. У меня контрольная завтра, а он мне — пятки. Я его тогда в домик относил и запираю, чтобы не мешал. Сейчас вот стыдно очень, а тогда я как-то и не думал даже. Мне ведь уроки надо было делать.

Нет, я Щелчка не то чтобы совсем забросил — я и гулял с ним, и играл, но уже как-то всё меньше и меньше. К тому же я тогда о дракончике сильно мечтал. Они только-только появились, и все ребята о них мечтали. И папа обещал подумать об этом, если я школу хорошо закончу. Вот я и старался, учился.

А Щелчок загрустил. Он уже даже не каждый раз прибегал, когда его звали. Щелкаешь, бывало, пальцами, а он так выглянет из окна — и опять спрячется. В то время гномы стали у многих появляться, и я хотел Щелчку подружку завести. Но мама сразу воспротивилась. Сказала, что одного Щелчка нам пока вполне достаточно. Но я его всё-таки иногда в гости к знакомым носил. И там гномы такие скачки устраивали — никакого цирка не надо!

А потом он заболел. Мы врача знакомого вызвали, и он сказал, что это обычная болезнь для домашних гномов. Что они почти все ею рано или поздно болевают в старости — от нехватки каких-то веществ. А каких — никто пока что не знает. И врач ушел, а я стал плакать. И мама, глядя на меня, заплакала, а папа ушел на балкон курить.

Я потом месяц за Щелчком очень ухаживал, и ему даже вроде бы немного лучше стало. Когда я из школы приходил, он сам ко мне со всех ног бежал, чтобы я поиграл с ним. А уроки он уже мне не мешал делать, понял, что нельзя, и просто рядышком на столе сидел, тоже что-нибудь малевал на листочке. Или просто смотрел, как я читаю.

А потом у меня начались контрольные в школе, и мне опять стало не до Щелчка. Ну просто целый день в библиотеке просиживал. Да и на танцах тоже подготовка к чемпионату началась. А Щелчок вскоре опять слёг и уже не поднялся. Я тогда последнюю контрольную написал, и мы с одноклассниками пошли есть торт к Марьяне. А когда я вечером вернулся, Щелчок меня встречать не выбежал. Мама сказала, что ему вдруг совсем стало плохо и он умер.

Как врач и говорил — от нехватки каких-то веществ. Я заплакал и решил, что больше никого никогда заводить не буду, даже дракончика, чтоб никто и никогда в неволе от нехватки веществ не умирал. Потом я заперся в комнате, позвонил Марьяне и рассказал ей про Щелчка. А она обозвала меня придурком. Она сказала, что Щелчку не хватило ни каких-то там веществ, а простого внимания и любви. И что если я такой тупой, то она со мной даже и разговаривать больше не будет. И повесила трубку. Но тут же скоро сама ко мне прибежала. И мы устроили Щелчку похороны.

Мы вместе с Марьяной отнесли его за город, на вершину

небольшой горы, и похоронили в могилке. Я сам её выкопал. Щелчок был очень хорошим гномом. Но, наверное, ему и правда не хватило любви. Может быть, оттого, что он был такой маленький, мне казалось, что и любви ему хватит совсем маленько. А это совсем не так. Какого

бы ты ни был роста, любви тебе надо много. Вот и Марьяна со мной согласна.

Когда у меня будет сын, я расскажу ему эту историю про Щелчка, и мы вместе с ним погрустим. И что-нибудь с ним вместе поймем.

А потом я подарю ему гнома.

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН

Родился в 1972 году в г.Красноярске.

В 1994 году закончил психолого-педагогический факультет Красноярского государственного университета.

Публикации в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Контр@банда», «Литературный МІХ», «Огни Кузбасса», «Читайка», «Мурзилка», а также в различных антологиях и коллективных сборниках.

Лауреат премии им. В. П. Астафьева за 2007 год (номинация «Поэзия»).

Победитель конкурса «Король поэтов», 2008 (Красноярск).

Дипломант конкурса «Золотое перо Руси-2010», «Золотое перо Руси-2013» в номинации на лучшее произведение для детей.

Руководитель литературного объединения «Диалог» (Красноярск).

Член союза русскоязычных писателей Армении и диаспоры.

Член красноярского представительства союза российских писателей.

Член редколлегии международного творческого объединения детских авторов. Книга стихов для детей «Нарисованный слон», 2012, Красноярск, издательство «Поликор».

В 2013 году вышло четыре небольших детских книжки в издательстве В. Квилория г. Минск

Живет и работает в Красноярске.

АНДРЕЙ ТАРАН

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ТЫ ИДЕШЬ ИСКАТЬ

Ничего, если мы будем на «ты»? Это не панибратство, не приглашение к интиму. Просто нужно поговорить с умным человеком, посоветоваться, задать кое-какие вопросы — очень личные — из тех, что годами свербят в подвздошье, будят в грозовые ночи и не дают уснуть под влажной, путающей ноги простыней. И ведь не спросишь о личном малознамого человека, с которым на «вы». Здесь нужен близкий друг, понимающий. Вот я и обманываюсь выдуманным знакомством.

Быть может, вопросы эти тебя удивят или позабавят, и тогда я оправдаюсь за навязчивость. В конце концов, ты всегда можешь выбросить их на помойку. А я нет. Живу с ними.

Мне нужно знать.

Ты любишь играть в прятки?

Не для вида, не для того, чтобы побыстрее отделаться от маленького тирана, зудящего с комариным упрямством: «Поиграй со мной! Ну поиграй со мной, пожалуйста!» А так, чтобы все взаправду: и крепко зажмуренные глаза без плутовской щёлочки между ресниц, и торжествующее: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать!», и судорожные поиски укромного уголка, словно жизнь от них зависит. И горделивое осознание, что теперь ни за что не найдут, и будут звать, и испугаются до злобы и подзатыльников, а ты выскочишь с победным воплем и остаток дня сможешь дразнить

неуклюжих и недогадливых взрослых.

Ты ещё не забыл, как это было?

Я — нет.

Каждое чёртово мгновение.

Тебе шесть лет. Меньше не надо — вспомнишь ли? Но и старше плохо. Там начинается школа, новые авторитеты шепчут странные пугающие откровения, а мир бледнеет, застирывается с каждым свежим знанием. Там граница, за которой чудеса превращаются в фокусы, а Дед Мороз умирает от менингита и алкоголизма. Но ты ещё не знаешь этого, тебе ещё наплевать на недомолвки, полутона и оговорки. Ты искренний счастливый маленький человечек.

Сегодня выходной. Солнечные лучи играют с пылью на ковре, щекочут нос. Окна в квартире открыты, лёгкий ветерок касается невесомого узорчатого тюля. Не знаю, почему ты сидишь дома в такой чудесный денёк, но мама категорична: — Никакой улицы!

Спорить бесполезно, она уже отвернулась, гремит кастрюлями, выстукивает ножом дробь на разделочной доске, ругается, схватившись за горячее. Мама занята. Бабушка? Она старая, играть с ней неинтересно. Вечно сидит в кресле, дремлет, и телевизор включён на полную громкость. Хорошо, если бы она смотрела мультики, так нет — глупые сериалы, в которых темноволосые тёти с длинными тонкими носами

ругаются со смуглыми дядями, потом долго плачут навзрыд, а разозлившиеся дяди уходят, хлопая дверьми. У тебя есть друг, Рафа, его мама с папой очень похожи на сериальных людей, и сам Рафа чёрненький, кучерявый, лупоглазый. Но он клянётся, что в его доме никто никогда ничем не хлопает. Глупый телевизор у бабушки. И такой же древний, как она.

Два года назад ты проснулся среди ночи и босиком пошлёпал в туалет. Растрёпанный, в скособоченной пижаме, не открывая глаз и прислушиваясь, как свистят носами, храпят и ворочаются во взрослых комнатах. Ваша квартира, такая унылая, длинная и иссиня-мрачная в лунных отблесках, была полна этими звуками и шорохами; они убаюкивали, звали в постель. Ты всё сделал в темноте, не зажигая света, и уже возвращался, когда заметил на полочке у зеркала гранёный стакан. То ли бродяга-луч мелькнул в стеклянных рёбрах, то ли нечаянный сон напалз на явь, но ты отпрыгнул назад и, поскользнувшись, с полузадушенным взвизгом грохнулся на пол. Рассёк кожу на виске, разбил губу, но даже не заметил, а судорожно задёргал ногами, елозя босыми пятками по скользкой плитке и отползая подальше, пока не упёрся головой в ванну. По дороге обрушил ведро со шваброй. Мокрая вонючая половая тряпка упала на глаза, пыталась задушить, но даже через неё из гранёного стакана на тебя скалились кровавые зубищи ночных монстров.

О да, ты заорал! Какой это был вопль! Сбежались все, щёлкнул выключатель, и тебя тормозили, и спрашивали, и ахали вокруг ссадин, и ругались. А ты захлёбывался слезами, уткнувшись в мамино плечо, и

украдкой подглядывал, как бабушка положит в стакане вставную челюсть и засовывает её в рот.

С тех пор ты не зовёшь бабушку играть.

К папе приставать нельзя. Ты знаешь, что он «вкалывает, как проклятый», «горбатится сутки напролёт» и «имеет право немного отдохнуть в чёртов выходной». Приходится ждать, когда сам позовёт. Жаль, что это бывает редко. Но сегодня счастливый день (хотя и без прогулки) — на пороге твоей комнаты появляется добродушный отец и, широко распахнув могучие руки, кричит:

— Ну, кто тут будет играть со мной в прятки?!

И ты с визгом срываешься с места, игрушки шrapнелю разлетаются по комнате, а ты уже в объятиях этого огромного доброго прекрасного человека. Твоего папы. А он снисходительно тискает тебя и рокошет:

— Кто водит, я? Тогда считаю. Кто не спрятался — я не виноват! Раз-два-три...

Ты летишь в коридор, распахиваешь дверь в кладовку. Но не забираешься внутрь — это слишком просто, ведь папа наверняка услышит скрип петель и мигом тебя отыщет. Вместо этого тихонько прикрываешь дверь и крадёшься к стенному шкафу. Там, под ворохами полотенец и белья «про запас», старых дублёнок «на дачу» и заношенных отцовских курток, поместится кто угодно. Для тебя места более чем (достаточно?). Нужно лишь осторожно, без шуршания раскопать узкий лаз и гибким червяком ввинтиться вглубь. Ты знаешь, что шкаф старый, перекошенный, и фанерная облупленная дверь с мутным зеркалом закроется сама.

Шикарнейшее укрытие.

Ты замираешь, только сердце колотится часто-часто: найдёт? не найдёт? не должен... Для верности прикрываешь глаза и слушаешь, когда снаружи раздадутся отцовские шаги и знакомый голос взмолится:

— Всё-всё, сдаюсь! Вылезай!

Но пока тихо. От твоего дыхания вспархивают мельчайшие пылинки, дермантин старой куртки поскрипывает от каждого движения. В шкафу воняет клеем, навечно въевшимся в тряпье, потом и чуть-чуть плесенью. Душно. Сидеть на ворохе одежды удобно, но всё время чудится, будто под тобой шебуршится облезлая наглая крыса, старый шкафной квартирант. Такая древняя, что не укусит, но всё равно мерзкая и противная.

Эта крыса жила в шкафу всегда. Наверное, она забралась внутрь ещё на мебельной фабрике и не захотела вылезать. А может, её дом был очень-очень далеко, а сюда она ходила тайными, одной ей ведомыми тропами. На твоей памяти отец трижды перетряхивал шкафные внутренности, но ничего, кроме крысиного помёта, не находил. А уже ближайшим вечером из щёлочки в двери привычно шевелила длиннющими усами наглая серая морда с надорванным ухом и мутным бельмом на правом глазу.

Эта крыса издевалась над твоей семьёй до тех пор, пока бабушка не принесла рыжую Люську.

А шагов всё нет и нет. Ты начинаешь скучать. Медленно сдвигаешь мешок с нестиранным бельем и выглядываешь в щёлочку. Перед носом лист дверной фанеры, когда-то молочно-белый, а сейчас побуревший, в сетке продольных трещин и грязных потёков. Будто чужая

посылка, брошенная почтальоном в лужу у подъезда. А ещё ты видел старый фильм про рыцарей, священников и эпидемию чумы, и там чёрные люди с факелами в точно таких облупленных ящиках хоронили мертвецов. Много мертвецов. Это было плохое кино, ты заревел, а мама ругала бабушку. И ты представляешь себе, что сидишь в том самом ящике, и вот-вот придут чёрные люди и кинут ящик в яму к десяткам таких же. Из-под одежды тянет мокрой землёй, в спёртом воздухе висит чад горячей смолы. Пряжка с отцовской куртки упирается тебе в бок, точно ржавый доспех. Ты обмираешь от жути.

— Враки! — шепчешь с убеждённо-стью человека, с которым не может случиться ничего плохого. — Это вранливое кино, такого не бывает. А я уже взрослый, чтобы пугаться глупых врак.

Шагов всё нет. Двери старого шкафа отгородили мир, заперли звуки. Ты знаешь, что там, снаружи, остался шум маминой готовки, и бабушкин телевизор, и урчание кошки Люськи, и папина ругань, когда рыжая нахалка путается у него под ногами. Но ты не слышишь. Платья, бельё, дублёнки и куртки сожрали звук, заткнули уши комками жёлтой ваты. Только глупая муха, случайный сосед по фанерной тюрьме, надсадно жужжит над головой, с тупым упрямством тычется в стенки.

И тогда ты понимаешь, что остался совсем один. И нет никакой разницы, в шкафу ты, или снаружи. Потому что там, снаружи, тоже никого. Но ты ещё не веришь. Смелый маленький человечек знает, что где-то есть чудовища и липкие ночные кошмары, злые ведьмы и косматые вонючие

людоеды, ворующие детей, но в любой беде, в каждой горе родители всегда окажутся рядом, появятся в самую жуткую минуту.

Маленькая ладошка упирается в грязную фанеру, дверь со скрипом приоткрывается. Тишина. Радостная муха вырывается из плена, еще миг — и её жужжание растворяется в пустых комнатах.

Ты один.

— Эй! — голос срывается на писк. — Вы где?

Ты выбираешься в коридор, за спиной рушатся завалы старых одежд. Ерунда. Ты будешь счастлив, если на шум выглянет мама и заругается. Или разворчит бабушка. Или папа с суровой непреклонностью укажет в угол.

Никого нет.

Ты медленно, на цыпочках, обходишь квартиру.

На кухне пусто. Грязные кастрюли и сковородки грудой свалены в раковину, плита холодная, на столе налёт пыли. К углам прилипла паутина, оконное стекло в разводах и птичьим помёте, занавески с сиреневыми цветочками обвисли ветхими сальными тряпками. В открытой сахарнице, забытой на столе, видны твёрдые комья, поросшие серо-бурой грибковой бахромой. Затхлый воздух отдаёт плесенью и старыми тряпками, точь-в-точь как в шкафу.

— Мама! — зовёшь ты шёпотом и неуверенно улыбаешься. Наверное, взрослые хитрят: не сумели тебя найти и вместо того, чтобы признаться, спрятались сами.

— Нечестно! — кричишь ты и пробегаешь одну комнату за другой, заглядывая в укромные уголки. — Мы так не договаривались! Я не играю!

В туалете не спрятаться, разве что в чугунной ванне, свернувшись калачиком, но её проверяешь в первую очередь. Под бабушкиной железной кроватью лишь пыль и растерзанные кошкой старые тапки. В родительской комнате есть шкаф с раздвижными дверьми. Ты врываешься в него, сдёргиваешь с плечиков мамины платья и кофты, топчешься по отцовским костюмам. Ты — вандал, и требуешь наказания. Пускай приходят, пускай видят! И кричат, и ругаются, и папа тянется за ремнём. Аккуратные стопочки белья летят на пол, разваливаясь изломанными птицами. Ты карабкаешься вверх по полкам, словно по вантам пиратского корабля, — вдруг кто-нибудь притаился на антресолях? Хоть Люська, хоть та самая гадкая и страшная крыса...

Снова кухня. Есть верный способ выманить маму. Ты забираешься в морозилку и тянешь наружу заиндевевший пластиковый трофей.

— Эй, я достал мороженое! — орёшь в пустоту комнат. — Сейчас буду его есть! Целиком! Руками!

Первый кусок обжигает горло. Кирпичным обломком продавливает гортань и вымораживает грудь. Он всегда самый вкусный, этот первый кусок, но нынче как раз вкуса и нет. Хоть сладкий пломбир, хоть горчица с пивом. Кстати...

— Пап! Папа!!! Можно, я пива выпью? — ты нарочито грохочешь дверцей холодильника. — А какое лучше с мороженым — бутылочное, или в банке?

Тишина.

Ты с опаской разглядываешь добычу, расставленную на грязном липком столе. Нюхаешь папин любимый напиток: тьфу, гадость редкостная!

Ковыряешься в мороженом, нехотя проглатываешь ещё кусочек. Оказывается, оно давно скисло и воняет рыбьей требухой. Как ты не заметил раньше? Во рту противно, язык облепила кислячая плёнка, щекочет, першит, дёргает. Пальцами до неё не добраться — слишком глубоко — и ты остервенело пихаешь в горло ложку. Трёшь язык, нечаянно слатываешь, давишься и падаешь на пол в приступе жгучего раздирающего кашля.

Мама нет.

Теперь ты знаешь точно. Иначе почему она не прибежала к тебе на помощь?

И папы нет. И бабушки, и Люськи. Даже крысы нет.

Никого нет. Нигде.

Ты один.

Выскакиваешь на улицу. По двору ветер гоняет чумазый пластыковый пакет. Тот подлетает выше голых колючих кустов, с шуршанием расправляется и, словно дурацкий парашют, медленно планирует вниз. У самой земли ветер снова хватает его, подбрасывает, и всё повторяется. Ты стоишь и смотришь. Схватил, подбросил, вниз... Схватил, подбросил, вниз...

Ветер одинок.

Стонут ржавые качели, пеня на жизнь хрипло-скрипучим шёпотом старого курильщика. Ты вспоминаешь вдруг, почему мама не пускала во двор. Вчера на этих самых качелях, новеньких, весёлых, липких от свежей бирюзовой краски, раскачивался твой друг Рафа. Всё выше и выше. Размахивая тонкими ножками, вцепившись белыми пальцами в сиденье, но не останавливаясь — ведь ты обидно смеялся и кричал:

— Слабó закрутить солнышко?!

Рафа сорвался. Завис почти вверху, едва не перевалившись на полный круг, но вспотевшие пальцы разжались, твой друг пискнул по-заячьи, взбрыкнул ногами и упал плашмя, лицом в грязь и песок. Может, и обошлось бы, если бы Рафа не вскинулся с перепугу, не попытался встать. Деревянное качельное сиденье упало с неба, ребром ударило по тощей спине...

Заборчик вокруг маленькой цветочной клумбы совсем развалился. Да и сама клумба похожа на чёрный великаний плевок, из которого торчат гнилые перекрученные кочерыжки. Скелеты розовых кустов, порченные мумии физалиса и пионов. Помойные баки забрались в центр огромной мутно-свинцовой лужи. Слово осто́вы древних кораблей — грязные, забытые, брошенные.

И бурая пыль. Откуда столько пыли? На асфальте, на лавках, на грязных оконных стёклах, на пустом мёртвом небе. В пыли можно рисовать, можно разгонять её клоки сандалиями, можно набрать полные ладошки, прижать к носу и задохнуться. Ты бежишь со двора на улицу. Топот твоих сандалий взлетает вверх, к плотоядным оконным провалам в уснувших домах. Те бросают вдогонку злое издевательское эхо. Ты вжимаешь голову в плечи, оглядываешься испуганно. Миг — и звук исчез, испарился. Оцепенелая тишина. Её слишком много. Её даже больше, чем пыли. Вместе они превратили улицу в кадр из древнего немого чёрно-белого фильма. Когда рвётся киноплёнка, в тёмный зал врывается тишь, а на залатанном экране дрожит мутная картинка. С застывшими

домами-картонками, с пятнами деревьев и с кривым солнцем на бездушном сером небе.

А есть ли у тебя уши? Может, пыльная лапа бесшумно подкралась сзади и проткнула их ржавой иглой, а ты не заметил? Может, ты тоже скоро исчезнешь, вслед за мамой и папой, а пропавший слух — это, на самом деле, приближение вечного ничто? Ты хватаешься за уши, шупаешь их, тискаешь, но, кроме шуршания собственных пальцев, не слышишь ничего. Тянешь до боли, до брызнувших слёз, но звуки не возвращаются. Даже ржавые качели-предатели не скрипят, замирают и злорадно скалятся вслед. Сейчас ты был бы счастлив и шебуршанию старой крысы. Просто расцеловал бы её в бёдра. А муха? Зачем выпустил? Хотя кто-то из живых... И тогда, надеясь заполнить пустоту собой, ты начинаешь петь. Орёшь во всю глотку, надсадно, до сиплой рези кричишь подряд все песни, все строки, отрывки и огрызки, какие только можешь вспомнить:

— Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...

— От улыбки хмурый день светлей...

— Пора-пора-порадуемся на своем веку...

— Пусть всегда светит солнце... пусть всегда будет мама!..

Мёртвые дома безучастно тащатся чёрными окнами. Улица пожирает твои песни, как половая тряпка пролитую воду. Над головой замерла рыхлая бесформенная туча, белёсым пятном прилипло к небу солнце. Слово бельмо на гигантском крысином глазе. И ты вдруг понимаешь, что это уже вовсе не ты, а всего-то черствая хлебная крошка

на огромном пустом блюде-городе. Тощий прозрачный червяк, случайно заползший не туда. А сверху невидимый древний ворон разглядывает тебя с неспешностью и плотоядным презрением, косится то одним равнодушным зрачком, то другим, прицеливается, чтобы поточнее долбануть гигантским чёрным клювом. Всё, что ты видишь, знаешь и помнишь — дома, улицы, ржавые качели и даже мама с папой — для злобной птицы лишь выцветшие бессмысленные узоры на тарелке.

В горле поселились кусачие осы. Свили гнездо, ползают, жалят нещадно. Ты не можешь выдать и писка. Заходишься кашлем, и от резких движений взмывает бурая пыль. Или это любимая специя древнего ворона? Как тот красный жгучий перец, который так нравился воспоминанию по имени «папа»... Пыль липнет, лезет в рот и в нос, мелкими песчинками царапает глаза.

Слёзы. Сопли. Кашель. Ты закрываешь лицо руками и, расшибаясь обо все углы и выступы, бредёшь назад. Через умерший дворик, прямо по мутно-свинцовой луже, загребая сандалиями ледяную воду. Через гулкий чёрный подъезд поднимаешься в пустую квартиру. Захлопываешь спиной входную дверь и сползаешь на пол.

Тебе шесть лет. И никогда не будет семь. Потому что мама ушла. И папа, и бабушка, и все люди в городе, и даже Люська с одноглазой крысой. Тебя забыли. Бросили. Наверное, ты больше не нужен. Ты надоевшая сломанная игрушка.

Не поднимаясь на ноги, заползаешь в старый стенной шкаф. Долго ворочаешься, пытаешься забраться

в ворох полотенец, белья, дублёнок и курток так глубоко, чтобы никогда-никогда, даже если очень захочется, не отыскать дорогу обратно. Замираешь, зажмурившись и свернувшись калачиком, потом тихонечко, со всхлипами, принимаешься шептать:

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать...

Очень может быть, что у тебя никогда и не было семьи. Мама и папа, бабушка и рыжая Люська — все это лишь обрывки муторных снов, нафталиновые галлюцинации. А, на самом деле, ты старая кривая облезлая крыса, которая всю жизнь провела в этом шкафу, и только по ночам, высунув в щёлку бельмастый глаз и кончик носа, подглядывала за пугающим нечто за границами фанерного мира. Во что проще верить: в сумасшествие старой крысы или в то, что близкие предали и бросили тебя?

Ты прерываешься, чтобы вдохнуть ртом, и твердишь снова и снова:

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать...

Когда ты повторяешь считалку тысячу тысячный раз, шкафные двери распахиваются, и сильные отцовские руки выдёргивают тебя из нафталиново-заплесневелого убежища.

— Ага, нашёл! Ну ты молодчина, как здорово спрятался! Я всю квартиру облазил, прежде чем отыскал своего сынишку!

От папы несёт водкой, пивом и мамиными котлетами с чесноком, он хохочет и добродушным великаном подкидывает тебя к потолку. Ты давишься слезами и криками, хочешь схватить его за шею, прижаться, но отец не видит. Он треплет тебя по макушке и, поставив на ноги, со смехом шлёпает под зад:

— А ну, давай ещё разок! Уж теперь-то я быстро найду! Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать...

Ты уверен, что любишь играть в прятки?

АНДРЕЙ ТАРАН

Родился 09 сентября 1974 года в городе Солигорск (Минская область, БССР).

В середине восьмидесятых с семьей переехал в г. Лангепас (ХМАО), где и окончил среднюю школу.

В 1991 году поступил на юридический факультет МГУ, закончил в 1996 году.

С тех пор проживаю в Москве.

Последние 10 лет работаю адвокатом.

Это первая публикация автора.

ИРИНА КЛЕАНДРОВА

МАСКА ПСИХЕИ

Кажется, зеркало было здесь всегда. Огромное, потускневшее, в тяжелой, растрескавшейся от времени раме. Грациозно изогнувшиеся кошки темного дерева с круглыми золотыми глазами, похожими на цветы; крупные цветы с резными лепестками, инкрустированными бронзой и маслянисто поблескивающим кошачьим глазом. Иллиана старалась не касаться их без нужды, даже пыль протирала изредка и торопливо, втайне готовая отдернуть руку и отскочить, если мясистый венчик вдруг потянется к пальцам, а заскучавшая кошка зашипит и выпустит когти. Конечно, своиравные обитатели рамы не забывали о старинной договоренности; конечно, они не могли — да и не хотели — всерьез ей навредить... Но все же, все же... От такого стоит держаться подальше. Даже если терять тебе, по сути, уже нечего.

Темная, выстуженная сумерками поверхность притягивала взгляд. Она походила на стоячую воду, мутную, холодную, неприветливую, давным-давно позабывшую о солнечном свете и шаловливом касании ветра. Взволновать этот омут мог только дождь — стекающие по стеклу кровь или слезы, а еще — рвущееся с *той стороны* неназываемое. Зеркало ревностно оберегало свои секреты и, как могло, сдерживало таящихся за гранью чудовищ, но иногда их голод был слишком силен. И вот тогда в дело вступала Иллиана, недреманный хранитель

границы. Хозяйка зеркала — и его пожизненная раба.

Она давно смирилась со своей участью и даже начала находить в ней извращенное, болезненное удовольствие. Но в глубине души понимала: служение не закончится с ее смертью. Оно будет длиться, пока стоит мир, а, может, и много дольше, потому что все сущее — не более, чем тени и отражения, скользящие по ледяному, слегка тронутому тлением стеклу.

Старинная амальгама пестрела пятнами. Если долго всматриваться в их узор, можно различить штрихи, складывающиеся в угловатые буквы — буквы, чуждые любому человеческому языку, но смутно знакомые. Что-то внутри узнавало их очертания, отзываясь дрожью на вскользь брошенный взгляд, и упорно пыталось сложить в слово... Иллиана предпочитала не задумываться, что бывает со счастливыми, верно прочитавшими послание, а слово она знала и так.

Вечность.

Вечность, полная холода и оживания.

Это знание открылось ей в детстве, когда зеркало избрало ее своим стражем. Оно стало ее сутью, смыслом ее жизни. Она не смогла бы его забыть, даже если бы очень захотела. А она пока не хотела, и вряд ли когда захочет. Кроме боли и холода, зеркало предлагало ей такие дары, в сравнении с которыми меркли все мыслимые

удовольствия, а привычные людям развлечения казались ничего не значащими глупостями.

Поработив, зеркало подарило ей свободу. Свободу быть не собой, а кем-то другим, и не только здесь, а где душа пожелает.

Точнее, не совсем душа, а то, что от нее оставило зеркало. Цена бесконечной свободы иногда оказывается слишком высока.

Но у нее все равно не было выбора. У нее с самого начала не было выбора...

* * *

— Мы идем к бабушке Иве? — недоверчиво переспросила шестилетняя Иллина, подпрыгивая от нетерпения и дергая мать за рукав. — Ведь правда?

— Правда, — улыбнулась молодая женщина, с нежностью глядя на ребенка. — Сама она заглянет не скоро, а мне нужно срочно с ней переговорить. Будь умницей и не шали, хорошо?

— Хорошо, — серьезно согласилась девочка. — Я не буду шалить. А почему бабушка Ива не приглашает нас в гости? Она нас не любит?

Наивность ребенка была точно в цель. Женщина и сама задавалась этим вопросом — не первый год, и даже не первый десяток лет. Только ее претензии к Ивонн звучали совсем по-другому: почему, ну почему ты никак не порвешь эти сдержанно-формальные, тяготящие всех отношения? Почему забегаешь в гости с корзинкой домашней выпечки, воркуешь с девочкой, изображаешь из себя примерную мать? Без тебя нам было бы проще,

потому что даже когда ты рядом, ты не с нами. Улыбаешься невпопад, напряженно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Замолкаешь на середине фразы. А временами из твоих глаз смотрит такое, что хочется убежать на край света и никогда больше не видаться... Ты чудовище, Ивонн. Ты самое настоящее чудовище, но, к сожалению, только на три четверти. И тебе все еще требуется человеческое тепло — или хотя бы его иллюзия...

— Ну что ты такое говоришь, Лина. Конечно же, бабушка нас любит. Просто она уже старенькая, ей тяжело готовить и убирать дом, чтобы принимать гостей у себя. Вдобавок ты слишком громко смеешься и много разговариваешь, у бабушки от тебя наверняка болит голова... Она даже у меня болит, когда ты целый день носишься вокруг и кричишь. Тогда я сержусь и прошу вести себя смирно, но это же не значит, что я тебя не люблю, правда?

Девочка подумала и важно кивнула, соглашаясь с доводами. Женщина потрепала ее по соломенной макушке и прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Нужный дом Иллины узнала первой. И что с того, что она никогда его раньше не видела? Бабушка Ива могла жить только здесь, в аккуратном одноэтажном особнячке, облицованном деревянными панелями, а по карнизу любовно украшенном резными фигурками животных, одно другого чуднее. Кого тут только не было: зубастые птицы с чешуей, как у змеи, крылатые рыбы, львы с птичьими

головами, вставшие на задние ноги олени, из рогов которых проросли стебли невиданных цветов... Над крышей поскрипывал флюгер в форме петуха, черепица отливала солнцем и медью, на крыльце, увитом пожухшим от заморозка виноградом, лениво умывалась крупная черно-шоколадная кошка с золотыми глазами.

— Киса! — восторженно ахнула Иллина и кинулась к крыльцу.

Кошка искоса взглянула на девочку, зевнула во всю пасть, показав преострые клыки и нежно-розовый язык, и юркнула в неприметный лаз. Мать, нагнавшая дочку уже около двери, подняла тяжелое медное кольцо, служившее здесь чем-то вроде звонка, и со злостью стукнула им по щеколде — раз, другой, третий...

Ударить в четвертый раз она не успела. Дверь распахнулась, на пороге стояла хозяйка, вытирающая руки о ситцевый фартук.

— Ирэн. Иллиночка. Добрый день, мои дорогие! — ласково улыбнулась она незваным гостям. Голос остался холоден. — Какой сюрприз. Вспоминала вас утром, думала позже заглянуть на чашечку чая.

— Мы тоже соскучились, — с нажимом произнесла женщина.

«Нам нужно срочно поговорить!» — вот что оно означало на самом деле. Это поняла бы даже маленькая Лина, не будь она так занята: она во все глаза разглядывала темный коридор, надеясь увидеть кошку.

— Раздевайтесь, а я к плите. Не то пироги сгорят, — торопливо бросила хозяйка, с подозрением приняв к разносящемуся по

дому аромату выпечки. — Вешалка и тапочки у порога, руки помоете прямо на кухне.

Пахло просто божественно. Иллина шумно втянула воздух, облизнулась и без всяких понуканий стянула шерстяные перчатки и куртку. Подала одежду матери: крючки висели слишком высоко, даже подпрыгнув, она бы не дотянулась. Вытащила из сумки любимую куклу Лиз, сунула ноги в тапки — уютные, теплые, с вышитыми по верху цветами и птицами, но размера на четыре больше, чем нужно, и отправилась на поиски сладкого. Женщина тенью метнулась вслед, даже не одернув сбившейся на сторону юбки, не обновив макияж и прическу, ненавязчиво направляя шаги дочери и не давая ей отвлекаться на соблазнительно приоткрытые дверцы и расставленные по полкам безделушки.

Когда они добрались до кухни, Ивонн уже вынимала из духовки умопомрачительно пахнущий противень. Женщина мазнула взглядом по стройной, совсем девичьей фигуре и все еще красивому лицу, отчаянно завидуя: сама она сильно расплнела после родов, и у нее никак не получалось сбросить лишнее. Вздохнув, усадила дочку на колени, дожидаясь, пока мать переложит на блюдо исходящую паром сдобу: каким важным бы ни было дело, Ивонн и слушать не станет, пока не закончит.

Наконец, вся выпечка была снята и торжественно водружена на стол. Иллина тут же цапнула самый поджаристый пирожок, перекинула с ладони на ладонь, чтобы не много остудить, впиалась зубами в

хрустящую корочку и разочарованно сморщилась: он оказался не со сладкой начинкой, а с рыбой.

— Торопыжка, — мягко пожурила ее мать. — Дождалась бы, пока бабушка показала, что с чем. Давай сюда, я доем, а себе возьми другой.

— Мау, — негодуя возразили с пола, громко урча и обметая подол юбки роскошным черным хвостом. Кошка учуяла запах рыбы и пришла посмотреть, не дадут ли и ей кусочек.

— Иллиночка, ты не покормишь Китти? — ласково, но настойчиво предложила Ивонн. — Я сейчас найду тебе другой пирожок, с яблоком, а этот отдай кошке. Вот блюдце, покрошишь ей, чтобы остывало. А нам с мамой нужно поговорить.

— Хорошо, бабушка! — счастливо рассмеялась девочка, довольная до невозможности. Поерзав, сползла с материнских колен, заткнула куклу за пояс платья, чтобы освободить руки, схватила тарелку и пирожки и потащила все к дверям. Ей жутко не нравилось, когда мама и бабушка кричат друг на друга, в такие моменты она предпочитала держаться подальше от обеих. Кошка увязалась за девочкой, важно вышагивая и возбужденно пуша хвост: все это время она не спускала глаз с лакомства и верно сообразила, что сейчас ее будут кормить.

Найдя укромный уголок между стеной и холодильником, Иллина плюхнулась прямо на пол, разломала кошкин пирог на блюдце и, не торопясь, принялась за свой. Кошка подошла, принялась и с несчастным видом уселась рядом: куски вышли большими и еще не успели остыть, а такое она есть не могла.

— Прости, Китти! — покаянно шепнула ей девочка, сообразив, что дала маху. — Сейчас я тебя покормлю.

Она по-быстрому запихнула в рот остатки сдобы, отряхнула платье от крошек и положила на ладонь кусочек рыбного фарша. Размяла, подула. Придирчиво потрогала кончиком пальца — не горячо ли? И протянула угощение кошке.

Китти щекотнула ладонь длинными усами, чуть-чуть попробовала и смахнула все разом, благодарно лизнув пальцы шершавым языком. Иллина улыбнулась и предложила ей новую порцию, а потом — еще одну.

Мало-помалу начинка закончилась. Кошка поворошила лапой оставшееся на блюдце тесто — заманчиво пахнущее рыбой, но, к сожалению, совершенно несъедобное — разочарованно вздохнула и ушла в коридор.

— Киса! — возмущенно пискнула девочка, рассчитывавшая как следует ее потискать. — Китти, вернись! Давай поиграем!

И метнулась вслед за кошкой.

В коридоре было ужас как темно, особенно по контрасту с залитой светом кухней. Потолок, стены, углы, проемы, повороты — все выглядело зыбким и расплывчатым, как будто помещение менялось, пока на него не смотрят. Иллина вытащила перепуганную Лиз из-за пояса, покосилась на клубящиеся по углам тени и растерянно установилась на ряд совершенно одинаковых дверей: за которой из них может скрываться беглянка?

Дернула ближайшую ручку. Заперто! На цыпочках подобралась к следующей: темно-синие шторы в пол, заставленные книгами стеллажи и запах старой бумаги, от которого немедленно захотелось чихнуть. Зажала свербящий нос пальцами и аккуратно прикрыла дверь, благоразумно решив поискать кошку где-нибудь еще.

Дверь, упрятанная за платяным шкафом...

Засов с массивным замком...

Абсолютно пустая комната — ни занавесок, ни мебели, только пыльное окно во всю стену...

Иллина азартно огляделась: поиски не на шутку ее раззадорили, она обожала играть в прятки, а больше всего на свете любила водить. Из упрямства проверила две следующие комнаты, уже понимая, что кошки там нет. Зато возле третьей ей почудился подозрительный шорох и взмах пушистого хвоста.

Тяжелая полированная дверь была не заперта, просто прикрыта — это было хорошим знаком. Девочка осторожно просунула голову в щель и огляделась: кровать, застеленная темным меховым покрывалом, золотисто-карамельные обои, ковер цвета топленого молока и кусок резной бронзовой рамы. Бабушкина спальня! Атласные шоколадно-лиловые шторы были плотно задернуты, но в комнате горел ночник, бросающий причудливые блики на стены и мебель. На полу под ночником сидела черная кошка и умывалась; свет падал отвесно вниз, и от двери казалось, что у Китти нет тени.

— Киса! — торжествующе рассмеялась девочка и шагнула в

комнату, предусмотрительно хлопнув за собой дверь.

— Миу, — грустно отозвалась кошка. То ли пытаюсь смириться с тем, что ее ждет, то ли заранее прося прощения.

До Китти Иллины не дошла. Как только она свернула за угол, на ее пути встретилось зеркало — огромное овальное зеркало в массивной медной раме, украшенной цветами и кошками.

По комнате гулял сквозняк. Блики дробились на хрустальных подвесках ночника, заставляя резьбу шевелиться. Поблескивающее в свете лампы стекло было скользким и темным, как затканная корочкой первого льда полынья: ступишь, и не заметишь, как ухнешь по самую шею. Девочка заглянула в него — и пропала: вместо привычного до последней родинки отражения ее встретила бездна, полная смутных теней и холода.

В зеркале клубился туман. Что-то грузно шевелилось у самого края рамы, в сияющей льдом глубине угадывались углы зрачков и смазанные мраком контуры. Иллины уже не чувствовала ни бьющего в глаза света, ни ног, увязших в мягком ворсе ковра, ни намертво сжатой в ладони куклы: она тонула в хрустальном омуте, опускаясь все глубже и глубже, и конца ее падению не было. Кошка неодобрительно покосилась на выгнувшуюся чашей поверхность, из которой торчали полупрозрачные иглы и щупальца, на прильнувшую к стеклу девочку — мутные глаза без проблеска мысли, до синевы бледная кожа — и, зашипев, прыгнула.

Зеркало окропила кровь, брызнувшая из расцарапанной шеи. Илли-на дернулась, выныривая из липких объятий кошмара, и закричала: из зазеркалья смотрела надменная азиатка, похожая на повзрослевшую Лиз, а в руках у незнакомки была кукла, изображающая ее саму.

Сбежавшиеся на шум женщины безнадежно опоздали. Слизнув теплые капли, зеркало разгладилось, а девочка уже не плакала — просто сидела на полу, судорожно прижимая к себе куклу и кошку, и время от времени всхлипывала. Лиз потерянно молчала, а перенервничавшая Китти мурлыкала, как заведенная, старательно вылизывая расцарапанную шею и мокрые от слез щеки.

Мать заполотно охнула, обнимая всех троих разом. Ивонн в сердцах выдала цветистую фразу, из которой Илли-на поняла одни междометия, и продолжила уже спокойнее:

— Ирэн, я же просила никогда не приводить ребенка. Впрочем, чего уж теперь... Попрощайся с мамой, моя девочка, — ты остаешься ночевать у бабушки. Мы поиграем с Китти, сошьем твоей куколке новое платьице — ты и представишь себе не можешь, сколько замечательных лоскутков найдется в моем шкафу, — а потом бабушка испечет пирог с вишней и расскажет чудесную сказку, чтобы тебе слаще спалось... Ты же не возражаешь немного побыть у меня, Иллиночка?

...Она не возражала. Даже когда поняла, что у слов «чудо» и «чудовище» не зря один корень, а «немного» растянется на целую вечность...

* * *

Спальня осталась такой же, как и при бабушке. Поскрипывающая от резких движений кровать, ажурный хрустальный ночник в форме виноградной лозы с обвивающими лампу листьями и свисающей вниз гроздью. Карамельно-кремовый ковер на полу, обои с золотым тиснением, отливающие шоколадно-лиловым шторы. Тумбочка, платяной шкаф. Зеркало...

Иногда Иллине казалось, что время в доме остановилось, причем остановилось как придется. На кухне, ближайшей к внешнему миру, оно еще текло — пусть медленно и неохотно, но все же текло. Сменяли друг друга сезоны, в занавешенные тюлем окна попеременно заглядывали солнце и звезды, в шкафчиках то исчезали, то словно по волшебству появлялись продукты и посуда. В тех комнатах, что долго стояли закрытыми, и время казалось стоячим, затхлым, нежилым, в него не хотелось входить без стука — разве что найдется веская причина. Очень веская. А в спальне время было пластичным и вязким, будто комочек согретого пальцами воска: тронешь, и потечет, куда ему вздумается — вперед, назад, в сторону любого из смежных миров, веером сходящихся в зеркале. Здешняя тишина несла в себе отзвук еще не сказанных слов, с покрывала сами собой исчезали следы пролитого чая и кофе, а картины в зеркале мешались так причудливо, что порой было не разобрать — прошлое это, настоящее или будущее.

Илли-на привыкла. Привыкла к тому, что проходящие годы не оставляют следов на ее лице, что

она безнадежно, немыслимо одинока, а события в основном случаются внутри, а не снаружи. Она с трудом вспоминала свою прежнюю жизнь — *до зеркала* — и даже под угрозой смерти не могла бы сказать, когда в последний раз видела мать: Ирэн решительно оборвала все контакты, как только сообразила, во что превращается дочь.

Ее новой семьей стали Ивонн и Китти. Двадцать лет промелькнуло, как один день, а когда бабушка ушла, не обременяя ее старческой немощью и хлопотами с погребением, просто шагнув в зеркало вместе с любимой кошкой, в душе новой Иллины не нашлось места для скорби. К чему грустить, если они непременно встретятся — едва уловимым эхом, скользкими тенями зазеркалья? Крохотная частица Ивонн так и осталась бродить по комнатам, по-прежнему согревая внучку теплом и заботой: девушка отчетливо ощущала ее присутствие, а временами до нее доносились голоса прежних обитателей дома. Они не были ни добры, ни злы; они просто знали, что однажды она пополнит их ряды, а кто-то придет ей на смену. Сторожить пустоту и оберегать человеческий мир от всего, что ему не по нраву. Хранить покой места, которое само время опасно обтекает мимо, словно река — лежащий поперек русла камень.

Единственным свидетелем прошлого осталась кукла. Вздорная, глупенькая, но по-своему добрая китаянка Лиз, наряженная в потрепанное кимоно ярко-алого цвета. Она сидела на тумбочке около зеркала, но в стекле не отражалась:

вместо нее появлялась Анилли, сестра-двойник из зазеркалья. Ее визиты редко выходили приятными, и нынешний вряд ли был из их числа...

Что-то грядет — это стало ясно с самого утра.

Илли-на проснулась с головной болью, обещающей уже к обеду превратиться в форменную мигрень. Звуки раскаленными гвоздями впивались в виски, мир крошился и дрожал, как будто был слеплен из мутного, дурно пахнущего желе. Краски выцвели, приятные прежде запахи стали пыткой. Реальность превратилась в пародию на саму себя, но вместе с гротеском в ней проступили черты того, что раньше было скрыто от глаза.

Пустота полнилась жизнью. В полутьме угадывались хрупкие, сотканые из тысячи оттенков мрака фигуры, в ушах звенели бесплотные голоса, а воздух был сплошь заткан тончайшей — легче пуха, тоньше шелкового волоса — паутиной, свитой из дыма и хрусталя. Эти нити тянулись из спальни, прямоком из холодного, кипящего тенями зазеркалья; они мягко текли по комнатам, заполняли коридор до входной двери и змеями расползались во внешний мир. Что с ними происходит дальше — Илли-на не знала, но догадывалась, что зеркало так контролирует тех, кого сумело коснуться ее руками. Подтачивая здоровье, насылая кошмары, по капле ворует жизнь, отнимая восторг и умение смеяться, чтобы поддержать силы стража и хоть немного приглушить голод таящихся в зазеркалье монстров. Девушка

всегда чувствовала эту сеть, пускай и не так явно, но даже при всем желании ничего не сумела бы с ней поделаться: нити были слишком прочными и не рвались, лишь хрустально звенели — хоть от удара, хоть от случайного прикосновения. Вероятно, точно такая же нить тянулась и к ней, просто она была много толще и прочнее остальных: несмотря на все старания, Иллиана не могла ее разглядеть, зато отчетливо ощущала идущий из зазеркалья призыв. Осторожный, мучительно-тянущий... Ему невозможно было сопротивляться, да не очень-то и хотелось — она попала в зависимость от воли зеркала, и каждый новый день только укреплял эту противоестественную связь.

Живущие за стеклом хотели ее видеть. Иногда — лишь затем, чтобы просто поговорить. А сегодня ее звали Анилли и Китти, и вместе это тянуло не меньше, чем на праздник.

То, что время пришло, понять было проще простого. Желание коснуться зеркала стало совершенно нестерпимым, зато почти прошла голова. Мучительная мигрень утихла сама собой, а взамен появилось предчувствие того, что ее ждет: надменный холод, перевитый искрами смеха, и басовитое, нежное мурлыканье.

Иллиана летела в спальню, как на крыльях. Разговор живого с неживым — это темная жуть и боль, но ей так хотелось увидеть Китти!

...Знакомая до последней царапины дверь.

Лилово-кофейный сумрак, обрاملенная медью бездна...

Зеркало встретило ее холодом и терпеливо ждущей пустотой.

Грозовой тучей клубился туман, лунным диском сиял циферблат настенных часов. Стрелки не двигались, игнорируя праведный гнев висящего на стене двойника.

Лиз смотрела на полную луну. По гладкому, лишенному возраста лицу скользили блики, то оживляя спокойные черты, то превращая их в безжизненную маску.

Ни тени, ни отражения у куклы не было. Свет, едва касаясь, огибал стройную фигуру и уносил ее образ в зазеркалье, давая жизнь Анил.

Иллиана шагнула к зеркалу. Воскреснув из небытия, двойник сделал шаг ей навстречу, замешкавшись на какую-то четверть такта, на половину удара бешено стучащего сердца...

Громко проскрежетали часы. Стеклянная стрелка дернулась, но осталась на своем месте.

Привычный с детства портрет тек, словно горячий воск. Короткие светлые волосы удлинились, разгладились и потемнели. Нервное, полыхающее азартом и страхом лицо обрело каноническую восточную бесстрастность. Крыльями взметнулись широкие рукава, легкомысленный домашний халатик сменило строгое бордовое кимоно с приколотой к вороту веткой цветущей сакуры.

Со снисходительной нежностью улыбнулись глаза — черные поверх бледно-зеленых. К стеклу потянулась узкая ладонь с острыми коготками, выкрашенными алым.

— Здравствуй, — прозвучало в голове у Иллины.

С пухлых, обведенных темно-красной помадой губ не сорвалось ни звука.

— Привет, — машинально отозвалась девушка вслух, и, решившись, коснулась стекла рукой.

Пальцы встретились и переплелись: лихорадочно-горячие поверх ледяных, иллюзия поверх костей, мышц и тонкой кожи. Ладонь прошла сквозь зеркало, не ощутив сопротивления: оно осталось в другом измерении, в мире четких границ и строгих причинно-следственных связей, где половинки единого целого не то что никогда не могли встретиться — даже не подозревали о существовании друг друга.

От прикосновения Иллину сначала бросило в жар, потом в холод. Внутри воцарилось каменное спокойствие, которым щедро поделилась Анил. Звучащие в голове чужие мысли уже не вызывали ни отторжения, ни удивления — лишь поверхностное, ленивое любопытство.

— Я пришла тебя сменить, — буднично сообщила азиатка, теребя кончик блестящей иссиня-черной пряди. — Ты устала и слишком засидалась на одном месте. Пора тебе немного развеяться.

— И с чего бы такая забота? — скептически фыркнула Иллиана. На Аниллиэто было совсем не похоже: обращать свое царственное внимание на окружающих, а вдобавок пытаться сделать для них что-то хорошее. — Не откажусь, но имей в виду: мне пока нечем тебе отплатить.

— Это подарок, — тонко улыбнулась Анил. — У тебя сегодня именины, ты что, забыла?

А ведь верно. Сегодня утром ей стукнуло двадцать семь, но она даже не догадалась порадовать себя

каким-нибудь милым пустячком в честь дня рождения. Она вообще о нем не вспомнила...

И мама (*Ирэн!*) тоже не позвонила. Хотя как бы она позвонила, если телефон все время выключен, а без желания хозяйки гость не просто заблудится в доме — он и входной двери не найдет, будет стоять в полушаге от крыльца, не замечая...

Из глаз брызнули слезы. Иллиана смахнула их, не глядя: Аниллипрекрасно читает мысли, поздно уже стыдиться...

Азиатка не стала ее утешать — не любила она этого делать, да и не особо умела, чего уж греха таить. Зато она отлично знала, кто сможет помочь вконец расклеившейся сестренке.

— Китти! — крикнула она с пусковой строгостью. — Выходи уже, засоня!

Зазеркальная туча вспучилась и выпустила ложноножку. Отросток свернулся клубком, дернулся, отрываясь от породившего его облака мрака, и грациозно потянулся, вставая на четыре мягкие лапы. Вспушилась антрацитово-черная шерсть, сверкнули золотистые радужки. По халату затрещали когти — кошка немного не рассчитала прыжок, но все-таки удержалась на плече и завозилась, удобнее устраивая хвост и лапы.

— Мауи! — недовольно сказала Китти, прижимаясь щекой к щеке и обеспокоенно заглядывая Иллине в глаза. — Ма?

Перевода не требовалось. В таком тесном контакте эмоции текли напрямую, да и не было в них ничего мудреного. Кошка расстроилась, застав младшую хозяйку в слезах, и

спрашивала, не может ли она чем-нибудь помочь.

— Китти... — без сил выдохнула Иллина, пересаживая кошку на руки и зарываясь лицом в мягкую шерсть. — Спасибо...

Кошка улыбнулась и довольно сощурила глаза. Ей было тепло и уютно, к тому же она чувствовала, что хозяйка почти успокоилась. Значит, больше не будет всхлипов и ползущих по хребту капель, не придется заново вылизываться...

— Лин, ты как? Готова?

Аниллисмотрела на них, не особо пытаясь скрыть сквозящее в голосе отвращение. Все это сюсюканье было не по ней: рожденная пластиковой куклой, она и в новой жизни осталась расчетлива и скупа на эмоции.

— В порядке, — смущенно улыбнулась Иллина. — Ты сама?

— Конечно. Подходи ближе.

Они стояли друг против друга, едва касаясь пальцами — такие непохожие отражения, разделенные холодным барьером стекла, и им же объединенные. Кошка устроилась в ногах, задрав усатую мордочку и с интересом поглядывая то на Анил, то на Иллину. Бархатные уши, украшенные кисточками на тон светлее остальной шерсти, напряженно прислушивались к чему-то незримому: кошка чувствовала, что скоро что-то произойдет. Со всем скоро... прямо сейчас...

Стекло вспыхнуло и разлетелось в пыль, окутав девушек радужно сияющим облаком. Ледяное, не дающее ни тепла, ни света пламя текло по лицам, стирая с них всякое выражение. Выжигало из тел

малейшие признаки индивидуальности, превращая их в идеальные заготовки для резца скульптора или кукольника: какой образ мастер захочет воплотить в живом, дышащем камне, тот и выйдет... Плавило души, бережно переливая их из одного сосуда в другой...

Мир менялся. Иллина чувствовала, как замедляется пульс, а текущая по венам кровь сменяется водой пополам с колотым льдом. Как растворяются мышцы и кости, превращаясь в мерцающее свечение, в вязкий, пахнущий снегом и пылью туман. Как с души, пласт за пластом, исчезает все, что мешало ей быть собой, что неподъемными цепями сковывало крылья, отдавая ее во власть земного притяжения. Неведомый мастер всерьез взялся за зубило и ластик, и Иллина звонко рассмеялась, падая в полночное небо — или же взлетая над темной, пылающей звездами бездной...

Вечно юная, как сказочная фэйри. Сильная, свободная. Счастливая...

Сейчас она ощущала себя бабочкой. Прекрасной, нежной бабочкой, сотканной из дыма и алмазного крошева, со сверкающими тысячей радужных граней чешуйками и бритвенно-острыми крыльями. Бабочкой, беспечно парящей в ветрах судьбы и вольной выбирать любые маски: слабой земной женщины, чудовища из кошмарных снов или светлого, беспощадного в своей чистоте ангела...

Зазеркалье открывалось перед ней, как сокровенная святыня перед уставшим, сбившим ноги паломником. Иллина возвращалась домой, и отчий дом, из которого

она когда-то ушла, гостеприимно распахивал перед ней двери и расстилал любые дороги — выбирай, какую только пожелаешь...

Иллина прислушалась к своему новому сердцу, решительно ступила на приглянувшуюся тропинку и пошла по ней, не оглядываясь. Оторпевшая кошка устала в спину исчезающей в зазеркалье хозяйки и с громким мявом припустила следом — случись что, она же потом себе не простит...

Невидимая рука терзала сидящую на тумбочке куклу. Укорачивала длинные черные волосы,

одновременно перекрашивая их в блонд. Безжалостно сминала черты лица, заостря подбородок и скулы, выравнивая линию губ и превращая раскосые глаза в широко распахнутые европейские. Стягивала алое кимоно, меняя его на цветастый махровый халат и домашние тапочки...

Стоящая перед зеркалом азиатка неуверенно ощупывала ковер босыми ногами. С удивлением касалась кожи — плотной, гладкой, непривычно теплой...

Висящие на стене часы щелкнули — и пошли в обратную сторону.

ИРИНА КЛЕАНДРОВА

Родилась 7 июня 1981 года в г. Полесск Калининградской области. После окончания школы уехала учиться в областной центр — Калининград, где проживаю по настоящее время. В 2003 году закончила Калининградский государственный технический университет, получив диплом с отличием.

В июне 2009 года в качестве начинающего автора пришла на портал «Самиздат», с 2010 года — судья и организатор постоянно действующего конкурса «Поэтический Куб». Регулярно участвую в поэтических и прозаических состязаниях, часто занимаю призовые места, любимые конкурсные площадки — «Самиздат»,

«Миры фэнтези», Фантлаб, «Генетика слова». В творчестве предпочитаю фэнтези, мистику, пейзажную лирику, сказочные и фольклорные сюжеты.

Имею ряд публикаций в профессиональной сфере — научные статьи, компьютерные самоучители по графике и базам данных. В 2013 году в издательстве «Altaspera» вышел авторский сборник стихотворений «Венок из чертополоха», по итогам конкурсов были опубликованы подборки стихотворений в журнале «Буквица», сборнике «Когда я уплыву по Млечному Пути» (ЛИА «Альбион», составитель И.Кирпичев) и несколько рассказов для журнала «Пересадочная станция».

МАКСИМ ТИХОМИРОВ СОКРОВИЩЕ ВОД

— Ну и где, где твои сокровища, синерожий?

Капитан каперского брига «Безрассудство» навис над распростёртым на досках палубы Морисом, занеся кулак в грубой проклёпанной перчатке для нового удара. Во рту было солоно от крови из разбитых губ.

— Сокровища там, где и должны быть, — выплюнул Морис вместе с осколком зуба. — Там, где я и сказал. На острове, капитан Буриан.

— А остров? Где чёртов остров, а, сопляк?

— Ваш корабль стоит в его лагуне, капитан, — улыбнулся Морис.

Капитан в бешенстве ударил его снова. Потом обратился безумный взгляд за борт.

Острова, по сути, и впрямь не было.

Одинокая скала возвышалась обломанным зубом над шербатым кольцом рифов, ограничивающим спокойную лагуну, в которой могли разместиться весьма привольно около сотни кораблей, подобных «Безрассудству». Скалы здесь и там были покрыты редкой порослью ракуса и пальмолиста, и казалось, что здесь нет места, в котором можно было бы спрятать величайшее сокровище мира.

С открытым морем лагуну связывал единственный узкий проход, которым сам капитан, следуя инструкциям Мориса, провел свой корабль не более часа назад.

«Безрассудство» стоял на плаву — чем якорю посреди лагуны. Часть команды во главе с капитаном уже

успела высадиться на берег в яликах и обежать окружающие лагуну скалы кругом.

И, разумеется, они ничего не нашли.

Ничего, кроме полчищ разноплеменных крабов, кишевших на бесплодных скалах и среди чахлой растительности.

Так и должно было случиться.

— Ты просил вернуть тебя домой, щенок, — прорычал капитан.

— Да, капитан Буриан, — ответил Морис. — И уже заплатил за это немалую цену.

— Но обещал гораздо больше!

— Так и есть, капитан Буриан. Наш уговор по-прежнему в силе.

Капитан расхохотался.

— Что ж, я выполнил свою часть сделки, — сказал он, утирая слезы рукавом камзола. — Ты дома, Морис... или как там тебя зовут на самом деле? Только вот где он, твой дом?

Капитан схватил Мориса за грудки, и ремни кожаной сбруи больно впились в тело. Притиснул свой нос к носу мальчика, сверля его безумным взглядом.

— И. Где. Моё. Сокровище? — спросил он.

— Здесь, капитан, — улыбнулся Морис окровавленным ртом.

Капитан отшвырнул его прочь, всадил в рёбра тупоносый сапог, повернулся кругом и широко развёл руки, явно играя на публику.

Публика была ещё та. Лихой сброд со всех островов Худого архипелага, пара варваров с Северных мелей,

полдесятка зелёных от загара южан-листохватов с Окраинной земли. Измождённые долгим плаванием лица. Драная одежда, ржавое, но оттого не менее смертоносное оружие в трех-, пяти-, и десятипалых руках и руконожках.

Все они смотрели сейчас на скорчившегося у фальшборта Мориса. Взгляды их не предвещали юноше ничего хорошего. В обращённых на него глазах он читал злобу, недоумение, ненависть, злорадство, предвкушение потехи. Они все проделали долгий путь, и проделали его впустую. За это кто-то должен ответить. Возможно, даже умереть.

Обступив капитана и Мориса полукольцом дурно пахнущих тел, команда ждала продолжения, алчно поблёскивая очерченными в недобрых ухмылках зубами.

Только взгляд Пилигрима был спокоен и отрешён. Он смотрел Морису прямо в глаза, словно говоря: а ведь я предупреждал тебя. Предупреждал ещё там, на берегу, в таком далёком и кажущемся теперь нереальным Винтбурге, предупреждал давно — когда по весне только начал сходить лёд с островерхих крыш, да капель заиграла в лучах поднявшегося над горизонтом солнца россыпью живых бриллиантов.

Винтбург — морские ворота Приполярного континента, жуткая дыра на краю земель, скованных круглый год панцирем льда едва ли не в мило толщиной. Только оазисы у вулканов, протопивших в ледяной шапке огромные чаши, полные тёплой воды, способны поддерживать жизнь в этих краях долгой-предолгой, в три четверти года, зимой.

Винтбург стоит на одном из вулканических конусов, которые

поднимаются над уровнем талых вод озера Мирабель, отделённом от холодного Кругового океана полосой льда всего в сотню миль. Только на полусотне из них лёд лежит на твёрдой земле, остальные пятьдесят миль представляют собой припай, лишь немного не касающийся океанского дна.

Тёплые воды озера нашли себе сток в океан, проплавив в толще льда туннель. Диаметр его достаточно велик для того, чтобы обеспечить судоходство в этом районе, а там, где не хватило сил у природы, ей помогли люди.

И нелюди.

Сеть подобных туннелей пронизывала ледовый панцирь Приполярья, связывая между собой все озёрные оазисы — Котловины.

В Котловинах нашли приют любители тепла и комфорта. Жизнь в Империи Севера была сурова и аскетична, и бедняка отделяло от богача не так уж много сорренов на дне их карманов.

Изрезанную трещинами разломов, избородженную складками торосов поверхность ледника населили расы, привычные к запредельным холодам и секущим ветрам метелей.

Города под, на и над поверхностью прекрасно сосуществовали, приумножая мощь и богатство Империи, и вели оживлённую торговлю друг с другом и с внешним миром.

Вратами Приполярья во внешний мир как раз и был портовый город Винтбург.

Морис оказался в Винтбурге, городе высоких острых крыш, сернистого дыма тысяч вулканических жерл и неба, заключенного в кольцо ледяных стен, не по своей воле.

Когда подводная пентера «Доминион» зашла в порт для ремонта и пополнения запасов, Морис был на её борту. Пентерный раб, купленный капитаном «Доминиона» на невольничьем рынке Базарного острова. Раб, прикованный цепью к оси одного из больших беговых колес пентеры, один из тысячи таких же несчастных, как он сам, — вот кем он был тогда.

Совокупные усилия рабов сообщали «Доминиону» скорость хода в двадцать узлов. Пентера была грозным оружием Империи, обеспечивая безопасность вод, принадлежащих императору снегов и льда.

Стычка с рейдерами Бесцветных островов едва не оказалась для «Доминиона» последней. Пентера пустила на дно два рейдера и обратила в бегство третий, но из-за полученных в бою повреждений едва доползла до границы припая. После частичного ремонта капитан провел израненный корабль сквозь туннель, и то, что «Доминион» не остался навеки в царстве подводного льда, было скорее везением, нежели закономерностью.

Для Мориса это везение продолжилось и в самом Винтбурге. После входа пентеры в док команда сошла на берег. Экипаж отправился прожигать накопившееся за месяцы плавания жалованье в портные таверны и бордели, а рабов перевели в охраняемые бараки в припортовом районе.

Где-то на полпути между портом и бараками Морису удалось сбежать. Когда Пилигрим позже спрашивал, как ему удалось освободиться из кандалов, тот лишь пожал плечами. Какая разница? Главное, что всё получилось.

Он чуть не замёрз насмерть этой зимой, которая показалась

бесконечной уроженцу теплого юга, — ведь бессмертие отнюдь не подразумевает неуязвимости. Пилигрим спас его, дав кров, еду и одежду и ничего не прося взамен вовсе не потому, что нечего просить у беглого с императорских подводных пентер.

Таков уж он был, Пилигрим.

«Я сразу понял, кто ты», — написал тогда Пилигрим на своей табличке.

— Но как? — спросил Морис.

«Моё племя служило твоему с начала времен, — Пилигрим писал торопливо, но буквы всё равно выходили ровными. — Потом нас почти не осталось, но те, кто всё ещё жив, хранят в сердцах память о Хозяевах. Несложно распознать Истинного даже в таком обличье».

Потом он склонил свою остроколючую голову в поклоне.

* * *

Сейчас Пилигрим стоял за кольцом матросов, возвышаясь даже над рослыми варварами-северянами на две головы.

Худой, костлявый, словно его выпотрошили и забыли набить чем-то взамен ребухи и мышц, оставив чешуйчатую кожу обтягивать рыбий скелет — так, что острые кости, казалось, вот-вот прорвутся наружу, украсив жуткими колючками и без того непривлекательную фигуру. Узкий безгубый рыбий рот, рыбы же глаза без век навязывают — но глаза Пилигрима, в отличие от глаз большинства его соплеменников, были на удивление выразительны. Говорить вслух на суше он не мог — писал сухой кистью-плавником на восковой пластинке, или, если удавалось найти, на пергаменте, или редкой в здешних краях бумаге.

Почерк у Пилигрима был на удивление ровный и разборчивый. Буквы он выводил крупные и аккуратные — вот и сейчас, даже лёжа на палубе, Морис прочел на повернутой к нему табличке: «Не пытайся встать. Иначе кто-то умрёт». Он усмехнулся.

Но всё-таки встал.

Пилигрим сокрушённо качнул сплоснутой с боков головой, на которой невесть как удерживался глубокий капюшон моряцкого плаща.

«Глупо».

«Знаю», — подумал Морис. Вытер кровь с лица тылом ладони. По струпкам и болячкам побежали сиреневые потеки. Потряс головой, чтобы палуба перестала уходить из-под ног.

— Сокровища там, капитан Буриан. Клянусь.

Капитан рывком обернулся. Лицо его под мятой треугольной шляпой было искажено от ярости. Морис вдруг почувствовал, что в горло ему уткнулось что-то колючее. Скопив глаза, увидел широкое лезвие абордажной сабли, которую капитан неуловимым движением выхватил из ножен.

— Что, если я сейчас велю боцману привязать тебе к ногам ядро и вышвырнуть за борт, мальчик? — вкрадчиво спросил капитан. — Ты показал себя отличным пловцом, но сможешь ли ты дышать водой, а не воздухом из дышегубок? Что может помешать мне сделать это, а? Или кто?

— Вы сами, — ответил Морис.

Клинок кольнул сильнее.

Очень осторожно Морис сглотнул, сразу почувствовав, как между ключиц скользнул под рубаху новый кровавый ручеек. Это было неприятно. Вот, значит, как чувствуют себя смертные, когда им напоминают, что они смертны.

— Я не смогу ничего рассказать вам, если сейчас умру, — почти не двигая губами просипел Морис. — Тогда, действительно, всё было зря.

Капитан смерил его взглядом. Давление на горло усилилось, и Морис невольно сделал шаг назад, наткнулся на фальшборт, перевалился через борт и рухнул в море.

Когда через несколько мгновений, полных шипения пузырьков вспененного воздуха и солёных поцелуев волн, он схватился за свисавший с борта конец, капитана на палубе уже не было.

«Ждёт в каюте», — написал Пилигрим.

Поняв, что потехи не будет, команда потянулась кто куда. Дел у экипажа было невпроворот — ещё с самого всплытия «Безрассудства» после долгого подводного перехода.

Прежде, чем отправиться в каюту капитана, Морис позаботился о том, чтобы его товарищи по плаванию не слишком утруждали себя этой работой.

Ремонт подождет.

* * *

Каперский бриг «Безрассудство», сошедший со стапелей Винтбургских верфей два десятилетия назад, был всё ещё крепким судном. Его веретенообразный корпус из стужеясеня от форштевня до ахтерштевня достигал полусотни саженей, а ширина верхней — надводной — палубы равнялась десятку шагов рослого человека. Пара косых мачт поднималась системой блоков и шкивов в считанные минуты, а управление парусами велось с ходового мостика.

Боковые порты скрывали десять пушек, а на носу и корме установлены

были спаренные картечные. Команда «Безрассудства» способна была, дойди дело до abordaja, выставить три десятка отчаянных рубак всех рас, испещрённые шрамами тела и лица которых говорили сами за себя. Бриг был весьма грозной силой, способной и постоять за себя, и доставить массу неприятностей купеческим судам и сходным по классу кораблям врага, отбившимся от флота.

Широкие, попарно выведенные из корпуса лопасти плавников — общим числом восемь — в надводном положении превращались в горизонтальные рули и стабилизаторы. Под водой же плавники сообщали судну скорость в полтора десятка узлов — гребцы, сменяя друг друга каждые полчаса, неутомимо бежали внутри ходовых барабанов, а система зубчатых колес передавала их усилия на коленчатые гребные рычаги. При вхождении брига в поток подводного течения из специальных люков на прочнейших тросах выбрасывались огромные полотнища брезентовых парусов, увлекая судно за собой и экономя силы трюмной команды.

Незадолго до всплытия брига многочисленные слухачи из пробирочных первертов, выведенных в алхимических подземельях столичного Чертога Сил, совершенно точно определили по далёкой ритмичной пульсации стук нескольких китовых сердец. Думая, что неподалёку проходит стадо мирных крикачей-полосатиков, капитан и команда оказались совершенно не готовы к тому зрелищу, которое представило им, когда «Безрассудство», прогудув балластные цистерны, пробкой выскочил на поверхность и закачался на легкой зыби.

Ошибкой капитана Буриана стало то, что он не убедился в безопасности акватории прежде, чем всплытие судна сделалось неотвратимым. Но трехнедельный подводный рейд под многосажженным ковром спутанного морелиста, сплошь покрывавшим поверхность океана от средних до низких широт, спёртый зловонный воздух, который неспособны были оживить захапшие в жару и духоте волшебные орхидеи судовой оранжереи, нервозность команды, уже вылившаяся в несколько драк с поножовщиной и назревающую угрозу бунта, — всё это привело к тому, что капитан не меньше матросов мечтал о глотке свежего воздуха и ощущении солнца и ветра на коже, а потому пренебрёг обычным порядком.

За это едва не поплатился весь экипаж.

Первое, что увидели все они, высыпав на мокрую палубу, — десяток столбов жирного чёрного дыма, подпиравших небосвод. В основании столбов среди невысоких волн виднелись тёмные массивные тела.

Смех стих. Веселье утасло. Капитан Буриан замысловато выматерился и ударил кулаком о ладонь.

— Жирожёги, — процедил он сквозь зубы. — Адово проклятье южных вод.

Это действительно были киты. Действительно — крикачи-полосатики. Каждый — чуть меньше брига в размерах.

И все они были мертвы.

Сила, двигавшая огромные мёртвые туши сквозь бег волн, имела

весьма простое объяснение, которое не становилось менее чудовищным из-за своей простоты.

В чрево каждого из гигантов был установлен котёл, в котором разогревалась вода. Закипая, она превращалась в водяной пар, который отводился по кишечнику мёртвого кита наружу, превращая китовую задницу в извергавшее струю кипятка сопло. Сила освобождённого пара двигала китовое тело вперед.

Примитивные паровые машины — именно их уханье слухачи ошибочно приняли за биение китового сердца — приводили в движение выведенные сквозь бока мёртвого исполина вёсла. Хвост и плавники, тросы управления от которых сходились в опустошённый череп кита, исполняли роль рулей.

Пламя, дававшее необходимый для закипания воды жар, питалось плотью самого кита. Ворвань, постепенно вырубаемая из гниющих стенок пустотелого остова, горела в топках, извергая через дымоходы тот самый чёрный дым, который и увидела команда «Безрассудства», стоило брига подняться на поверхность.

На плаву дохлые киты удерживались за счет гнилостных газов, накапливающихся в естественных полостях тел и под толстой шкурой, отчего и без того немалые туши раздувались до поистине чудовищных размеров.

Среднего размера кита хватало на пару недель плавания, прежде чем разложение, крачки-ревуны и акулы-трупоедки спроваживали мёртвого исполина в могилу на морском дне. В умелых руках паровой кит за эти две недели мог натворить изрядных дел.

Десять мёртвых китов могли натворить вдесятеро больше.

Вперёдсмотрящие жирожогов молниеносно заметили низкий силуэт всплывшего брига. Через пару минут всё стадо легло на новый курс, устремившись к «Безрассудству».

Капитан меж тем не терял времени даром. Он зычно раздавал приказы, которые дублировал боцман для палубной команды и старший помощник, бубнивший слова команд в раструбы переговорных труб. Во всех направлениях помчались матросы, исполняя команды капитана.

Распоряжения капитана показались Морису противоречащими друг другу.

— Мачты поднять! — командовал капитан. — Паруса развернуть! Бегунам — полный ход! Механик, передача на полный вперед! В трюмах, балласт принять! На носу, лагами течение искать! Палубные батареи к бою! Курс...

По всему выходило, что «Безрассудство» одновременно должен был бежать, тонуть и сражаться. Все это не укладывалось у Мориса в голове, но, захваченный общей горячкой приготовлений к схватке, кажущейся неизбежной, он бросился туда, где ему полагалось быть по боевому расписанию.

К клеткам с готфринами.

Готфрины, или рыболоуды, как называли их обитатели суши, приходились очень дальними родственниками тому разумному племени, к которому принадлежал Пилигрим. Именно он, обратив внимание на несомненный талант Мориса в общении с животными, пристроил

мальчика к делу, поручившись за него перед боцманом, а потом и перед капитаном Бурианом.

Клетки располагались под палубой. Всегда заполненные забортной водой, они служили приютом для десятка готфринов. Спустившись в трюм, Морис открыл крышку первой из клеток и нырнул в пахнущую тиной воду.

Готфрины окружили его. Куски рыбы-дурманки мигом перекочевали из карманов ременной сбруи Мориса в зубастые пасти, и блюдцеобразные глаза помутнели в нахлынувшем приливе кратковременного опьянения.

Эти несколько минут потребовались Морису на то, чтобы должным образом снарядить питомцев, а потом приласкать и одурманить готфринов из второй клетки. Потом он поворотом рычага распахнул внешние порты, и, когда рыболоуды устремились наружу слитным потоком переливчатых тел, бегом вернулся на палубу с докладом.

Капитан прервал изрыгаемый на суетящуюся команду поток брани ровно настолько, чтобы, выслушав торопливый рапорт Мориса, раздражённо махнуть рукой в сторону флотилии жирогогов, за прошедшие минуты заметно приблизившейся к «Безрассудству».

— Вон твоя цель, мальчик. Ты знаешь, что нужно сделать. Да помогут тебе боги! Иначе нам не видать твоего острова, как пить дать, не видать!

Морис нашел глазами Пилигрима. Тот, укрепляя в пазах фальшборта страшноватые абордажные гарпуны, ободряюще кивнул ему. Морис кивнул в ответ, вдвёл в петли сбруи пару дышегубок и прыгнул за борт.

Готфрины закружили его в хороводе, глупо хихикая и пуская

разноцветные пузыри воздуха из пастей. Раздавая шлепки, Морис направил их туда, где вода кипела от извергаемых китовыми внутренностями струй пара. Вцепился в спинной плавник одного из рыболоудов и ушел под воду вместе с ним.

Дышегубками он не воспользовался. Он не нуждался в воздухе для дыхания под водой, но капитану и команде знать об этом было вовсе не обязательно.

Рыболоуды двумя клиньями устремились навстречу флоту мёртвых китов. Зелень воды то и дело прорезали серебристые лезвия рыбьих тел, и готфрины лакомились на ходу, хватая покелей и рыб-свистунов и попискивая от удовольствия.

О приближении цели их оповестили акулы. Десятки пятнисто-полосатых тел описывали широкие круги вокруг гор разлагающейся плоти, то и дело бросаясь в центр живой спирали, чтобы вырвать шмат гнилого мяса из боков или брюха одного из гигантских трупов. Их не отпугивали ни струи кипятка, ни заградительные пики, которыми была щедро утыкана подводная часть кораблей-мертвецов.

Вода сделалась теплой, зловонной и мутной. Морис чувствовал её гнилостный привкус губами. Ноздри наполнились её отвратительным запахом, а к коже словно прикоснулось что-то липкое и противно-вязкое.

Остатки акульего пиршества опускались в глубину неопрятными хлопьями, и их подхватывали рыбы поменьше. Рыболоуды промчались сквозь завесу из рыбьих тел

и ошмётков мёртвой плоти, пройдя под «днищами» кораблей и ловко увернувшись от извергаемых струй кипятка.

За мёртвым «флотом» тянулся длинный шлейф объедков, которые подбедали тысячи рыб-падалыщ. Зайдя жирогогам в тыл, Морис заставил своего готфрина подняться на поверхность и огляделся.

Раздутые туши, над которыми в клубах жирного дыма кружили сотни плотоядных морских птиц, закрывали обзор, но главное Морису всё же удалось разглядеть. Положение брига казалось безнадежным.

За минуты, проведенные Морисом под водой, дистанция между китами и «Безрассудством» сократилась почти вдвое. Бриг поднял мачты и развернул полотнища парусов, одновременно начав погружение, — его корпус погружался в волны с дифферентом на нос. Только теперь Морису стало более или менее ясно странный замысел капитана. Уйти от преследователей на одних парусах при слабом ветре бригу не удавалось ни при каких обстоятельствах. Стараясь выиграть нужное для погружения время и не желая оставаться при этом неподвижной мишенью, капитан использовал паруса для того, чтобы придать своему кораблю хотя бы относительную мобильность.

Затягивали картечники, вспенив волны по курсу китовой эскадры. Капитан вёл бриг галсами. Поочередно рывкнули орудия одного борта, потом — другого. Снаряды легли в воду меж гигантских туш. Смачное чавканье отметило несколько попаданий в цели. Киты продолжали сокращать расстояние до брига, словно и не замечая повреждений.

Потом головной кит с нарастающим рокотом вдруг словно вырос в размерах вдвое.

А потом взорвался.

Больше всего это было похоже на извержение вулкана, только вместо лавы вулкан выбросил в кишащее птицами небо чудовищный фонтан мяса и осколков костей. Воспламенённый бомбой гнилостный газ выплеснулся наружу в фейерверке сгорающих в пламени птиц. На окрестную акваторию обрушился страшноватый зловонный дождь из останков кита и его команды. Чадно горящая туша начала медленно погружаться в кипевшие от рыбьих тел волны. С развороченных взрывом китовых боков в воду сыпались оглушённые фигурки, напоминающие человеческие, сразу становясь добычей акул.

Готфрины затанцевали рядом, выпрыгивая из воды и хватая в воздухе куски вонючего мяса. Прежде, чем Морису удалось успокоить развеселившихся животных, их заметили.

Закутанные в цветное тряпье фигурки засуетились на спинах замыкающих неровный строй китов. Клубы дыма то и дело скрывали их от глаз Мориса, но, вне всякого сомнения, они готовили некую каверзу.

Окутывавшие китовые туши облака дыма сделались вдруг гуще, и из них выросли и потянулись к бригу клубящиеся длинные щупальца с ярко пылающими искрами на концах. Большинство дымных струй бесславно завершили свой путь в море, но те, что дотянулись-таки до «Безрассудства», расцвели лепестками грохочущего огня на его бортах и палубе. В небо взметнулись обломки.

Несколько таких щупалец рванулись прямо к Морису и его подопечным. Мгновение он смотрел на стремительно приближающиеся тёмные тела на вершине каждой из дымовых колонн, а потом резко ушел под воду, увлекая за собой готфринов.

Вода ударила в уши, словно хлопнув по ним сложенными чашечкой ладонями, оглушив и дезориентировав Мориса на несколько долгих секунд. Возможно, он даже на миг потерял сознание. Если бы он дышал запасённым в дышегубках воздухом, то сейчас непременно захлебнулся бы. Вокруг дёргались тела оглушённых рыболодов.

Не все огненные рыбы, выпущенные жирожогами, сдетонировали при ударе о воду. Пара из них на столбах горящего даже в воде огня уходила сейчас в глубину, и Морис, понимая, что следующие взрывы убьют их наверняка, рванул на поверхность, гоня перед собой дезориентированных готфринов.

Всё вокруг заволочло дымом, и силуэты уходящих китов едва угадывались в сгустившемся мраке. Чуть в стороне вода вспухла рокошущими пузырями, и Морис ощутил чувствительный толчок снизу, едва не выбросивший его в воздух. Готфрины возмущённо защебетали. Морис успокоил их и, держа курс на птичий гомон, устремился в погоню.

Артиллерийская дуэль меж тем продолжалась. Где-то за дымами погромыхивали пушки брига, с громким плеском ложились в воду промахи. Шипя рассерженными змеями, срывались с китовых спин всё новые живые ракеты. С видимой

даже сквозь клубы дыма вспышкой взорвался ещё один из исполинов, пробив в сплошной завесе брешь, сквозь которую на Мориса хмуро взглянуло солнце.

Бриг, по всему видно, держался, стремясь если уж не уйти от неприятеля, так продать жизни своей команды подороже.

Следующий десяток минут Морис провёл в мутном подводном сумраке, среди акул и объедков их бесконечной трапезы. Он вёл стадо готфринов от одной китовой туши к другой, отдавая команды понятными животным жестами. Повинуясь его приказам, рыболоды, распугивая акул, проходили каждый под брюхом указанного ему кита, выпуская из полостей тела миног-мясогрызков и блёвных прилипал.

Миноги сразу впивались в гнилую бледную плоть китовых животов, прогрызая в ней норы, в которые втискивали свои студенистые тела липучие моллюски. От самого подхвостья, где вода пузырилась от кипятка, и до безвольно отвисших челюстей, полных изломанного набегающим потоком воды китового уса, по брюху каждого из китов протянулась двойная дорожка свисающих из нор, словно фитили, миножых хвостов.

Вот вдоль каждой из этих дорожек следом за готфринами и проплывал, раскинув крыльями руки, Морис. Он способен был плыть гораздо быстрее сухопутных — почти так же быстро, как рыбы или готфрины. И об этом тоже не стоило знать капитану и его команде.

В каждой руке он сжимал за извивающиеся хвосты маленьких огнерыбок, поджигая от жара их тел живые запалы. Миноги тут же

втягивались в свои норы, унося пламя с собой. В китовых внутренностях за спиной Мориса начинало рокотать — он чувствовал это через воду, всей кожей.

Готфрины опрометью мчались туда, где остался «Безрассудство». Морис успел ухватить за хвост замыкающего рыболода, и его поволокло сквозь толщу воды. Когда вибрация вод стала невыносимой, готфрины, как по команде, рванулись к поверхности, пробив ее ослепительное зеркало, и свечами сверкающей чешуи вылетели из воды в облаках брызг.

Один за другим за их спинами взрывались мёртвые китовые корабли жирожогов.

На том месте, где должен был находиться бриг «Безрассудство», вращалась, успокаиваясь, пенная воронка, да плавали обломки обшивки и рангоута.

Морис глотнул солёного воздуха и снова ушел в глубину. Готфрины последовали за ним.

Вскоре в темнеющей пучине показались знакомые очертания брига, который погружался с неубранными мачтами и ключьями облепивших реи парусов, увлекаемый подводным течением, раздувшим его глубинный парус. С борта сквозь иллюминатор замигал фонарь — Пилигрим ждал его возвращения.

Если бы Морис пользовался дышегубками, сейчас было бы самое время облегченно перевести дыхание.

Загнав рыболодов в клетки сквозь распахнутые порты, Морис задрал люки и вновь очутился в чреве брига, наполненном запахами пороха и крови.

Капитан молча хлопнул его по плечу, а Пилигрим, стоя за его спиной, сложил лопасть-кисть в знаке одобрения — сродни поднятому большому пальцу у людей — и попытался улыбнуться неприспособленным для улыбок ртом.

Потом за капитаном на целую неделю закрылась дверь каюты. Препоручив заботу о ремонте «Безрассудства» старшему помощнику, он провел это время в пьянстве, целеустремлённо пытаясь если не уничтожить, то хотя бы изрядно сократить корабельные запасы манджи и брога.

С момента, когда капитан вновь появился на палубе брига, мужественно, как и подобает настоящему мореволку, борясь с похмельем, и до избиения Мориса миновали еще две недели.

Морису доводилось бывать в каюте капитана «Безрассудства» лишь однажды — ещё в Винтбурге, той самой весной, когда солнце, луны и звёзды сказали ему, что пришла пора возвращаться.

Тогда он был для всех просто прыщавым, покрытым с ног до головы скверного вида струпьями, синекожим оборванцем невесты какой расы — впрочем, в портовых городах, улицы которых кишмя кишели представителями сотен разумных рас мира, давно перестали удивляться любой, пусть даже самой необычной внешности и не задавали лишних вопросов. Синяя кожа не шла ни в какое сравнение, к примеру, с сотней рук крабоедов Перешейка, или источающими зловонную слизь пачкунами из подводного Гибердосса, или пятикрылами с ледяных пиков гор Последней Черты.

По меркам Винтбурга Морис выглядел более чем заурядно, особенно рядом с Пилигримом, которому пришлось согнуться, надломив тело в самых неожиданных местах, чтобы уместиться под низким потолком капитанской каюты брига.

Капитан Буриан, средних лет здоровяк с широченными плечами, рябым длинным лицом и лихо закрученными усами под изборожденным прожилками носом, сидел тогда за столом, на котором поверх вороха морских карт была небрежно брошена та самая сабля, и разглядывал Мориса, не скрывая своих сомнений в его отношении. За распахнутым иллюминатором шумел порт.

Пилигрим уже объяснил капитану цель их визита. Теперь они ждали его решения, вполне готовые к тому, что их спустят кубарем с трапа. То, что их выслушали, было уже неплохим знаком — особенно учитывая репутацию капитана Буриана, безжалостного капёра с верительными грамотами Адмиралтейства.

Три предыдущие встречи закончились, ещё не начавшись. Добропорядочные капитаны указывали странной паре на порог прежде, чем Пилигрим успевал написать что-то, кроме положенного приветствия. Красноречивые шрамы на запястьях и шее Мориса с головой выдавали в нем пентерного раба. И раба, разумеется, беглого, потому что никто из рабов не покидает имперских пентер иначе, как в джутовом мешке, брошенном с палубы в море.

— Откуда мне знать, что мальчишка не лжет? — спросил капитан.

Вместо ответа Морис по жесту Пилигрима извлек из складок одежды самое дорогое свое сокровище и положил на стол перед капитаном.

Внутри прозрачного, с крупную жемчужину размером шарика ровно и спокойно горел огонь.

Морис увидел, как вспыхнули глаза капитана. Буриану явно было известно, что это такое.

Даже одной Искры хватило бы для того, чтобы окупить экспедицию. Её хватило бы на то, чтобы окупить десять экспедиций, а потом безбедно жить до конца дней, купаясь в роскоши. Капитан прочно попался на крючок.

Алчность была извечным двигателем истории, верша человеческие и нечеловеческие судьбы, легко сгорающие в огне этой порочной страсти.

— Твой друг поведал мне твою историю, — сказал, с прищуром рассматривая Мориса уже новым взглядом, капитан. — На твою долю выпало немало злоключений. Как тебе удалось сохранить её при себе?

— Я был осторожен, господин Буриан, — ответил Морис. — Искры нет. А подробностей, думаю, вам лучше не знать.

Капитан изумленно воззрился на него, а потом расхохотался.

— Находчив и дерзок, да, пацан? — сказал он. — Почему же ты пришел ко мне, а не купил себе корабль?

— Меня наверняка ограбили бы и убили, — пожал плечами Морис.

— Что же мешает сделать это мне? — спросил капитан, нависая над Морисом горой внушительных мышц. Глаза его блестели, ноздри раздувались.

— За вас поручился мой друг, — просто сказал Морис.

Капитан усмехнулся. Потом снова сел. Задумчиво покатал шарик по столешнице. Подул на обожженную ладонь.

— Похоже, у тебя жаростойкая задница, если ты хранил его именно там, — заметил он. — Впрочем, ты прав, о некоторых вещах лучше не знать. Но присматриваться к ним стоит попристальнее.

Морис предпочёл промолчать.

— Хорошо, — сказал капитан после недолгого раздумья крутанув ус. — Убедительно. И много ли там... таких?

— Россыпи, господин Буриан, — ответил Морис.

— С этой минуты для тебя — капитан Буриан, — сказал капитан. Возвращать огненный шар он и не думал. — Ты зачислен в команду. Что умеешь делать?

Пока Морис пытался сообразить, в чём, кроме гребли на имперских пентерах, он преуспел за последний год, Пилигрим черкнул что-то на воске и показал Буриану.

— Зверятник? — Пилигрим кивнул в ответ. — Что ж, годится. Знаешь, кто такие готфрины?

— О да, — Морис позволил себе, наконец, улыбнуться. — В моих краях они не редкость. Я умею управляться с ними.

Кто бы мог подумать, что гонки наперегонки с готфринами могут когда-нибудь сослужить добрую службу? «Мама бы удивилась», — подумал Морис, вспомнив всю бездну материнского неодобрения, которое она неизменно выражала при любом упоминании рыболовов.

Вместе с этими мыслями нахлынула волна светлой печали, и Морис понял, что и впрямь соскучился по родовому гнезду.

Так, целую вечность назад началось его возвращение. Теперь же он был на пороге родного дома.

Оставался один единственный, последний шаг.

И Морис был готов сделать его.

* * *

Капитан ждал его. При виде Мориса он отставил в сторону кубок с бромом. Сабля весьма красноречиво лежала на столе.

— Ты испытываешь моё терпение, щенок, — сказал капитан. — Объяснись, пока я всё-таки не прикончил тебя.

— Я расскажу вам историю, капитан. Она не слишком длинна, и надеюсь, я не утомлю вас ею, — сказал Морис.

— Ты уже утомил меня сверх всякой меры, — поморщился Буриан. — От того, чтобы не снести твою дурную голову, меня удерживает лишь любопытство. Ну, что ещё за чушь ты припас для меня?

— Вас привела сюда жадность, капитан Буриан, — Морис предупредительно поднял ладонь. — Не станем отрицать очевидного. Вы соблазнились возможностью завладеть гораздо большим, чем одна-единственная Искра.

— Я деловой человек, — пожал плечами капитан.

— Вы никогда не задумывались, как в людской мир попадают Искры? — спросил Морис. — Ведь каждая из них имеет свою историю. Люди знающие могут поведать вам десятки имен тех, кто владел когда-то каждой из Искр — ведь среди них нет ни одной, похожей на другую. Но никто не знает, откуда они берутся — и куда исчезают.

— Существуют разные мнения на этот счет, — сказал капитан. — Говорят, что их добывают где-то на

дальнем юге. Они зреют в огромных раковинах, сродни жемчужницам...

— Чушь, капитан Буриан, — улыбнулся Морис. — Абсолютнейшая чушь.

— А ещё рассказывают, что Искры самозарождаются во льду на крайнем севере долгим полярным днём, когда солнечные лучи попадают в ловушку бесконечных отражений в глыбах чистейшего льда.

— Милая версия, — сказал Морис. — Но от этого не делающаяся меньшей чушью, чем предыдущая.

— Допустим, — кивнул капитан. — Полагаю, все остальные предположения не меньше позабавят столь осведомленного молодого человека. Поэтому я оставляю их при себе. А что до неперемогенного исчезновения Искр — что ж, сокровища всегда исчезают из поля зрения большинства смертных. Их утрачивают, теряют, уничтожают...

— Или просто приходит их срок.

— Я слышал, что существуют люди, весьма могущественные люди, и не только люди, состояния и даже империи которых выстроены на обладании Искрами. Многими, многими Искрами. И они постоянно приумножают их число, скупая, отнимая, воруя эти драгоценности. Потом бьются и совершенно безумные собиратели сокровищ, для которых сам факт обладания значит гораздо больше стоимости драгоценности... — тут капитан, погруженный в свои рассуждения, моргнул и переспросил: — Что там было сказано насчёт срока?

— Для Искр приходит время вернуться, — сказал Морис. — А поскольку никто не спешит расстаться с ними, их крадут. Все Искры

похищены. Ни одна не отдана предвещающими хозяевами добровольно.

— Откуда ты знаешь?

— Поверьте мне. Обычно хозяева начеку — но раз в поколение рождается действительно талантливый ворюшка. Обычно ему удаётся украсть столько Искр, сколько сочтёт нужным.

— Почему?

— Потому что так хочет его мать. Капитан опешил.

— Что же за маменькин сынок этот ворюшка? — спросил он. — Должно быть, его мамаша — самая богатая из смертных!

— Она бессмертна, — сказал Морис. — И сказочно богата, да. Она спит на ложе из Искр.

Он улыбнулся.

— Ты безумен, — с уверенностью сказал капитан. — Я прикажу боцману запереть тебя в канатном ящике до самого возвращения в Винтбург. А там я сдам тебя обратно на пентеры, с которых ты каким-то чудом сбежал.

— Никакого чуда не было, — улыбнулся Морис. — Кандалы оказались слишком непрочными, чтобы удерживать меня.

— Мои удержат, — капитан распахнул дверь и позвал боцмана.

Не дождав ответа, выглянул наружу. Замер. Потом ринулся к столу и схватил саблю.

Лицо его было перекошено. Страшно дергался глаз.

— Что ты сделал с ними? — спросил он. Голос его, как ни странно, был тих и спокоен. — Они все мертвы!

— Они лишь спят, — сказал Морис. — И проспят столько времени, сколько нам потребуется для того, чтобы найти понимание, капитан Буриан.

— Но... как?!

«Иглы с моего хребта», — написал Пилигрим. Потом вежливо поклонился — сперва Морису, потом — капитану.

— Чего ты хочешь? — спросил капитан, не опуская сабли.

— Что вы думаете о драконах, капитан Буриан? — спросил Морис в ответ.

Капитан недоуменно воззрился на него. А потом расхохотался так, что едва не выронил клинок.

— Сказки, — заявил Буриан, отсмеявшись.

— Те, кто пытался потопить «Безрассудство», так не считали, — сказал Морис.

— Что?! Так ты знаешь, чьи это были киты? — требовательно спросил капитан. — Я полагал, что это просто пираты с одного из диких островов Китобойных вод. Старый добрый способ заняться разбоем верхом на дохлом ките, если нет своего корабля — а если повезёт, так корабль и появится. Но впервые вижу, чтобы кто-то собирал целую флотилию дохляков. Кому и зачем такое могло понадобиться?

— Не всем нравятся драконы, — пожал плечами Морис.

— Какого дьявола ты заладил тут о драконах?! — взревел, теряя контроль, капитан.

— Кое-кто намерен препятствовать увеличению их числа самым решительным образом, — сказал Морис.

— Да нет никаких драконов! Какое ещё «увеличение»?! Ты же не всерьёз? — грохнул капитан кулаком по столу. — Байки это, в лучшем случае — легенды прошлого! А то и вовсе попросту сказки!..

— Сказки о драконах любят все, капитан, — сказал Морис. — И, как видите, не все считают их сказками. Разве десяток дважды мёртвых китов недостаточное тому доказательство? У драконов немало врагов, капитан. Многие боятся их возвращения в мир. И если драконы когда-нибудь решат вернуться, им понадобятся защитники.

— Защитники? — скепсис капитана был очевиден.

— Сочувствующие. Друзья. Те, кто готов.

— Служить?

— Помогать. Как Пилигрим.

Капитан некоторое время переводил взгляд с Мориса на Пилигрима и обратно. Глаза его постепенно наполнялись пониманием.

— Как Пилигрим... — чуть слышно произнес он. — Когда-то таких, как он, называли драконными прихвостнями...

— Как грубо, — поморщился Морис. — Сами драконы предпочитали называть их Верными.

Капитан потрясённо молчал.

«Я стар», — написал Пилигрим.

Капитан потряс головой.

«Мне нужен преемник».

— И что? — одними губами прошептал капитан.

«Вы подходите».

— Верный рекомендует вас Истинным. А Истинные предлагают вам свою защиту и покровительство, капитан Буриан, — пояснил Морис.

— Что за чушь?! — Капитан побагровел.

— Иначе «Безрассудство» никогда не вернётся домой, капитан Буриан, — сказал Морис. — И его команда,

которая пришла бы в себя, оставаясь в неведении, как ни печально, не проснётся уже никогда. Вам следует принять решение. И на вашем месте я не стал бы пренебрегать предложением хозяев.

— Зачем, зачем ты приволок нас сюда?! — вскричал капитан.

— Я не вас приволок сюда, — ответил Морис. — Я вернул домой своих младших братьев и сестёр.

Он раскрыл кулак. На ладони его горели огнем Искры. Полтора десятка Искр.

— Что ты несёшь?! — спросил капитан, но было видно, что он уже холодеет от новой догадки.

— Да, капитан Буриан, — кивнул Морис. — Кстати, один из моих братьев всё еще у вас. В шкапулке, что спрятана в вашем сейфе. Вы достанете сами, или мне вскрыть дверь?

Морис за разговором катал меж пальцев взятое со стола чугунное ядро для картечницы. Дойдя до этого места в беседе, он растёр его в пыль.

Капитан судорожно сглотнул, зачарованно проводив взглядом струйку чёрного порошка, стекавшую меж пальцев Мориса на пол.

— Очень похоже на песочные часы, верно, капитан? — заметил Морис. — Так и чувствуется, как утекают секунды, одна за другой. Да?

Капитан вздрогнул и ринулся к сейфу.

— Да кто, глубина побери, ты такой?! — прошипел он, вытряхивая Искру в подставленную ладонь Мориса.

«Безрассудный» содрогнулся от толчка. Ещё раз. И ещё.

— И что это за чертовщина?! — Капитан распахнул ставень иллюминатора.

Побледнел, не глядя, нашарил на столе кубок и залпом, не поморщившись, влил в себя его содержимое. Глаза его неотрывно следили за чем-то снаружи.

Морис и Пилигрим подошли к нему.

Огромные стремительные тела кружили в бирюзовых водах лагуны, то приближаясь к бригу, то вновь удаляясь от него — словно танцуя. Время от времени один из танцоров игриво бодал «Безрассудство» в скулу или борт, и тогда корабль содрогался от кили до клотика.

Корабельные готфрины играли с танцорами в догонялки, то и дело выпрыгивая из воды и весело щебеча. Те явно были не против.

— Это... Это... — Капитан никак не мог произнести это вслух.

— Мои братья и сёстры, капитан Буриан, — сказал Морис.

В глазах капитана плескался ужас.

— Давайте, я расскажу вам о драконах еще кое-что, капитан? — предложил Морис, усаживаясь в капитанское кресло.

И начал рассказ, не дожидаясь ответа.

* * *

Люди и нелюди, расселившиеся по лику мира, часто говорили о драконах.

И, говоря о драконах, смертные не считали нужным пояснять, что это скорее миф, нежели воспоминание о правде.

Послушав вдовосталь подобных разговоров, можно было узнать о драконах многое — и не узнать ничего.

Например, вот это.

Драконы населяли все моря мира, встречались на всех континентах и

островах, в небе и в толще скал. Откуда они появлялись, не знал никто.

Иногда людям начинало казаться, что драконы были всегда. По крайней мере, рассказами о драконах испокон веков полнились все населённые земли.

При этом мало кто мог похвастать тем, что видел дракона, и лишь немногие из них — что видели дракона дважды.

Драконы не были добрыми или злыми. Они просто были.

Их никогда не было много.

Поговаривают, что они приносят удачу. А ещё рассказывают, что кроме беды, ждать от них нечего. Считается, что драконы не едят ничего, кроме мяса девственниц, но тогда неясно, как они ещё не вымерли с голоду в наше просвещенное время.

Словом, о драконах никому и ничего толком известно не было.

Драконы каждый раз рождались разными. Ни один не был копией своих братьев, сестер, родителей и далеких предков.

Раз в поколение рождались драконы, похожие на людей.

Сборщики.

Те, кто приходит в человеческий мир, собирая Искры, впитавшие в себя тепло и эмоции людей и других разумных рас мира. Почувствовавшие их радость и боль, их алчность и гнев, их сострадание и любовь.

Всё то, что превращает крошечный огонёк внутри прозрачной жемчужины в Истинного.

В дракона.

Сколь разными были существа, сквозь жизни которых прошли Искры, опалив их жаром своего огня, столь же разными рождаются из Искр и драконы.

Ни один из них не похож на другого.

В этом они не слишком отличаются от смертных.

Сборщики находят те Искры, которые созрели. Которые ждут возвращения в тёплые воды лагуны, в которой они появились на свет ничтожными и неразумными, но уже способными подарить радость и горе любому смертному, наделить могуществом обладания — и отнять его.

Взамен собранных Искр сборщики приносят в мир новые. Число их всегда более или менее постоянно. Великая Мать не слишком щедра на потомство, а потому ревностно следит за балансом.

Искры должны оставаться величайшей из драгоценностей мира, иначе населяющие сушу и океан разумные существа перестанут относиться к ним с почтением, как когда-то перестали почитать драконов, когда тех сделалось слишком много, и чудо перестало быть чудом.

Сборщики заботятся об этом.

А Верные помогают им везде и во всём.

Морис говорил и говорил, видя, как ужас сменяется на лице капитана недоверием, потом — осознанием истины, потом — благоговением.

Огонек алчности, к радости Мориса, так и не ушёл из глаз капитана окончательно.

— Но я не тритон и не готфрин, чтобы жить под водой! — говорил капитан через час.

— Вам и не придётся, — уверял его Морис. — Кроме того, к вашим услугам будет самое большое состояние обитаемого мира. Ведь до поры Искры — лишь драгоценные стекляшки. Но пользоваться ими

лучше с умом, чтобы сохранить голую на плечах.

— Не учи меня жизни, сопляк, — проворчал капитан, наливая себе ещё брога. Как истинный человек дела, он быстро возвращал полагающиеся ему самообладание и прагматизм.

Пилигрим удовлетворенно кивнул и отправился готовить команду к пробуждению.

* * *

Морис погружался в воды лагуны. Ядро тянуло на глубину быстро и неотвратно. Вокруг недоуменно плясали готфрины, а где-то на самом краю видимого пространства проносились огромные гибкие тела, взблёскивая цветной чешуей.

Скоро готфрины отстали, напуганные давлением глубины, и поднялись к солнцу, закружившись там хороводом в ожидании своего господина.

Лагуна была глубока. Так глубока, что вскоре солнечный свет потускнел, но на смену ему с самого морского дна пришло всё разгорающееся свечение живого огня.

Усиливающееся тепло этого далекого, но становившегося всё ближе пламени исцелило струпья, оспины и язвы на воспаленной от прикосновения солнца и воздуха коже Мориса. Теперь она была не просто синей. Лазурь и бирюза играли на ней живыми всплесками цвета и света, вторя огню с глубины.

Когда сияние этого огня сделалось ослепительным, Морис выпустил из рук ненужное больше ядро и предстал перед Матерью.

Огромная, как подводный хребет, могущественная, как все императоры, алхимики и маги мира

вместе взятые, такая родная, она гордо возлежала на россыпи Искр, согревая и оберегая их от возможных посягательств своим необъятным телом.

Мать Вод была прекрасна. Так прекрасна, как только может быть прекрасна мать для своих детей.

Она обняла Мориса своими бесчисленными гибкими руками осторожно, как величайшую драгоценность. Да так оно и было. Каждый из её детей был сокровищем — и не только для нее самой.

«С возвращением, сын, — подумала Мать. — Я ждала тебя».

«Как здорово вернуться, — подумал Морис в ответ. — Я скучал».

Потом, осторожно освободившись от материнских объятий, но не от тепла её любви, он протянул ей на почти человеческих ладонях полтора десятка Искр, собранных им в землях смертных за годы скитаний — годы, когда ему приходилось быть и воином, и вором, и рабом.

Годы, которые он прожил почти человеком.

«Ты хорошо справился, сын, — подумала Мать. — Они готовы».

«Да», — подумал Морис.

Мать распахнула складки своей мантии, пульсирующей светом живого огня.

Его готовые родиться братья и сестры легли в открытый карман созревания.

Ни спруты-сладкоежки, ни жуткозубы-лакомщики, ни звероколы-икрососы не смогут теперь добраться до них, а больше никто и не способен угрожать безопасности икринок, оболочка которых была твёрже алмаза. Из Искр вот-вот должны были выйти те, кто были когда-то лишь огоньками

внутри шариков из самого прочного на свете стекла, а потом изменились, пройдя сквозь испытание страстями смертных существ.

Глубокие воды лагуны Крабьего острова были единственным местом на всём свете, где из Искр рождались драконы.

Мать открыла другой карман. Искры в нем горели неярко. Пока — неярко.

Скоро им суждено было разгореться в полной мере.

Алчность, гордыня, жажда власти, зависть и ненависть ждали встречи с ними.

А еще — вера, надежда и любовь, которые встречаются реже, но греют сильнее.

Медлить, отодвигая мгновения этих встреч, было нельзя.

Зачерпнув из родового кармана Матери горсть новорожденных Искр,

Морис устремился к далёкой поверхности.

Мать провожала его лучами своей любви.

Он будет чувствовать её прикосновение еще долгие-долгие годы, живя среди существ, для которых драконы — лишь сказка. А потом вернётся вновь. Снова. И снова.

С борта каперского брига «Безрассудство» за игрой драконов и готфринов задумчиво наблюдал капитан Буриан.

Пилигрим стоял рядом, страшно вато улыбаясь безгубым рыбьим ртом.

Морис помахал им и снова ушел в глубину — туда, где ждали его братья и сестры.

Пора было прощаться.

В мыслях Мориса не было места печали.

Готфрины весело щебетали, радуясь новому дню.

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

О публикациях: сборники издательства Эксмо («Настоящая фантастика», «Дети Хедина», «А зомби здесь тихие»), издательства «Фантаверсум» («Квартирный вопрос», «Я+Я», «Коэффициент интеллекта»), издательства «Снежный ком» («Фантум-2»), альманах «РБЖ-Азимут» и «Авторъ»...

Дипломы — Роскон-2012 за победу в «Роскон-грелке», дипломы фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» за 2 и 3 места в мастер-классах 2010 и 2011 гг.

МИКРОМИР

Станислав Будяк

САКРАЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА

Всё, что мы делаем сейчас, мы делаем для того, чтобы
впредь этого не было

Главный архитектор Санкт-Петербурга

«Лёвка, небось, рвётся в бой. Он и в Израиль перебрался не в поисках лучшей жизни, а потому, что он романтик и авантюрист. Ну, ничего, сейчас мы его заведём».

Олег знал, что в Израиле Лёва получил хорошую должность в каком-то НИИ, но всё же забросил первую наживку:

— Лёвушка, я слышал, в Хайфе тебя взяли в какой-то институт мойщиком зеркал?

— С твоим слухом нельзя ходить на охоту!

— Я же видел тебя на фото с какого-то симпозиума с вытянутой рукой. У тебя в руке был шест...

— С твоим зрением тоже нельзя охотиться. У меня в руках был лазерный Узи!

— Даже с моей слепотой я отличу указку от бластера. Так ты школьный учитель?

— Коллега-имени-Олега! — Лёва каламбурил, и, как всегда в предвкушении рюмки коньяку, философствовал. — Мы с тобой занимаемся совершенно абстрактной наукой. А я вот иногда задумываюсь — нет ли за абстракцией тайного сокрытия страстей... Нет, не страстей, а фата-морганы, за которой скрывается нечто, опровергающее выводы доказательной науки. Может быть, это те самые Добро и Зло, истоки которых во все века

искали мудрецы и авторы священных писаний. Прикинь: математика оперирует бесконечностью и близостью к нулю. Коши, Лагранж, Лобачевский и другие Великие, перейдя от «зримой» математики к поведению бесконечно больших и бесконечно малых величин, вторглись в то пространство, где сам человек — чужак, персона нон грата. Бесконечность и Нуль — именно те представления, которые невозможно ни узреть, ни до конца понять. Следовательно, они ведут к изначально непознаваемому, то есть либо к Богу, либо к Дьяволу.

Олег пробормотал:

— Эти имена Библия не рекомендует поминать всуе! А как в этом смысле Тора?

— Тора тоже. Но «всуе» — это если упоминание «не по тексту», без причины, просто к слову, а я имена Бога и Дьявола упомянул применительно к смыслу сказанного. То есть, вычеркни эти слова — и смысл потеряется! Но ведь мы атеисты?

— Ну да, если и в душе — тоже... ох, накличешь ты беду!

Шилов был в душе рад непогоде. Стоило вообще отказаться от охоты да послушать Лёвкин «базар».

Лев Боманн, до отъезда в Израиль занимавшийся прикладной

математикой в университете города Ч, любил делать наезды в Украину при всякой оказии, благо друзей тут осталось предостаточно. Особенно приятным было приглашение на охоту под Винницей, тем более, что тут, по крайней мере один раз в два-три года, собиралась вся «святая троица» математиков-единомышленников: он сам, Брехт Ноккель и Олег Шилов. Хотя единомыслие их всегда начиналось и заканчивалось интересом к парадоксам, само общение всем троим доставляло удовольствие.

Олег, со времени их предыдущей встречи успевший обзавестись солидным животом, был математиком «электроники» — занимался матобеспечением компьютерных программ. Он признавал Лёвкину лёгкость в нестандартном мышлении, в его умении находить или создавать парадоксы, но был сильнее в фундаментальной математике. Он знал это, но не демонстрировал, чтобы не смущать уверенность друга в своем интеллектуальном превосходстве по причине генезиса «избранного» народа.

Ноккель — прибалтийский немец с корнями из датчан или шведов. С ним Олега свела судьба на кафедре МГУ. Как и положено немцу, Брехт отличался педантичностью и умением всему давать точные формулировки. Он почему-то не приехал, и это огорчало и Олега, и Льва. Впрочем, ещё, как говорится, не вечер...

В живописном, оформленном «под украинскую старину» охотничьем домике, избавившись, наконец, от организаторов охоты, расположились Лев и Олег.

По листьям дуба и хвое подходящего к самому домику ельника, опровергая прогноз погоды, с утра шуршал дождь, передразнивая шум далеких электричек.

Друзья не роптали: общение заменяло им охоту.

Олег ещё раз подлил масла в огонь:

— Тут ты прав. Бог выбрал себе бесконечность и сияет оттуда солнышком да звездами. Заодно и от людей-попрошаек смылся подальше, чтобы не слышать их нытья и вечных жалоб. Пусть сами разбираются!

— Я вижу, ты приблизился к пониманию моих идей.

— А Дьявол — тот устроился в окрестностях нуля, поближе. Но тоже прячется. А едва физики к его обители приблизились, он тут же показал клыки — Хиросиму и Чернобыль!

Лев заметил:

— Вот видишь, и ты вынужден оперировать заветными именами. Кстати, запрет на произнесение определенных имен пришел в Тору, а затем в Библию, от язычников. У древних людей перед выходом на охоту накладывалось табу на предмет охоты.

— А божеству давали несколько ложных имен, при этом настоящее имя знали только жрецы! Может быть, здесь-то и таится скрытая мудрость? Так в каком это смысле я подошел к «пониманию твоих идей»?

— Ну, во-первых, нуль так же далёк, как и бесконечность, это совершенные по близким измерениям понятия. Любкой области в бесконечности соответствует такая же область около нуля. Представь — вся Вселенная имеет

свое отражение в окрестности того понятия, которое мы так небрежно обзываем нулём!

— А во-вторых? — Олег решил, что пришло время притормозить философа.

— А во-вторых, Дьявол — всё же ангел, хоть и падший!

Лев, устроившись в плетёном кресле у камина, грел в руке рюмку с коньяком. Он как будто разговаривал сам с собой, не глядя на собеседника.

Олег пил водку и безрезультатно пытался удержать маслину на вилке.

— Алгебру называть душевной или бездушной, конечно, бессмысленно, — развивал свою мысль Лев. — А вот что касается теории вероятности и математической статистики... да возьми ты её пальцами!

— Какую из них? — не понял Олег.

— Звякаешь вилкой по стеклу. Со всем с мысли сбил!

— А-а. Ты говорил о душевной алгебре, — подсказал Олег.

— Ну вот, приехали. Сколько уже выпил?

— Только начал. А у тебя что, коньяк безалкогольный?

Лев опрокинул в рот свою «подогретую» рюмку.

Ответил внушительным тоном:

— Я, можно сказать, историческую родину покинул, чтоб эту рюмку выпить, а ты попрекаешь.

— Я? Упаси боже! Только ведь люди ездят на Украину пить горилку, а коньяк можно и на той самой родине! Так что там о бездушной алгебре?

— А ну тебя!

Пошевелив кочергой в камине, Лев стал набивать табаком свою трубку. Олег спросил:

— Та самая?

— У меня их несколько, но эта самая родная, — Лев тут же перешёл к прерванной мысли, — но я говорил как раз о сигаретах!

— Разве? — удивился Олег. — Какими же словами? Или жестами?

Лев усмехнулся, раскурил трубку и продолжил:

— А вот послушай. Я трубку курю редко. Обычно — сигареты. На даче у меня на окне решётка в крупную клетку, за окном — каменный склон, ведущий к ручью. В общем — дачный домик разместился в таком диковатом месте...

— И ты утверждаешь, что выпил только одну рюмку?

— Не перебивай. Так вот, я подсчитал, что по теории вероятности из брошенных за окно «не глядя» ста двадцати трех окурков только один должен задеть решётку. А это вероятность всего восемь десятых процента.

— Ну и...

— Понимаешь, если проводить эксперимент и бросать миллионы окурков, то так и будет.

— Наверное.

— Но я заметил, что каждый раз, когда я хочу выбросить окурочек за окно, он попадает на прут решётки и возвращается в комнату!

— И ты уже сделал вывод? — спросил Олег с ироническим интересом.

— Не вывод сделал, а выдвинул гипотезу!

— Вмешательство потусторонних сил?

— Существование таковых не доказано.

— Тогда...

— Думаю, сама теория вероятно-стей обладает психикой или душой! Подумай сам, и ты сможешь привести подобные примеры!

Оба собеседника понимали, что разговор шутливый, но игра началась, а значит, надо продолжать разговор на полном серьёзе...

Олег пересел в другое кресло — тоже у камина. Теперь ход за ним.

— Я понимаю, ты отвёл мне роль оппонента. Давай сделаем так. Прежде всего, надо собрать больше предметов для исследования, то есть случаев, подобных упомянутому тобой. На этом этапе я буду на твоей стороне. Это будет ещё не игра, а расстановка фигур.

— Согласен, — кивнул Лев, — я и не сомневался в твоей порядочности... как учёного!

— Только как учёного? — обиделся Олег.

— А то как же ещё? Ты воспользовался тем, что я отвернулся к камину и давишь за моей спиной горилку с оливами!

Олег возмутился ещё больше:

— Ну, ты и нахал!

— О чём спор? — на пороге возникла высокая фигура в мокром плаще.

— Брехт! — первым узнал пришельца Боманн. — Всё-таки добрался!

Олег тоже вылез из кресла. Ноккель сбросил плащ. Друзья обнялись.

— Набрались уже? А я вам тут шотландское с дымком...

— Ещё один! — перебил его Олег. — Сколько можно твердить, что на Украине...

— Пьют горилку! — закончил Брехт. — Да я и не против!

— Как добирался? — спросил Лев.

— На танке, — Брехт махнул в сторону окна.

На площадке перед домом, лавируя между ёлками, разворачивался «Ленд-дровер».

— Ну, как там твоя Литва? — спросил Олег.

— Литва — Европа! В Литве дожди не такие грязные!

— Это как сказать, — возразил Олег, — вы к Европе ближе, вся химия от Фарбениндурии выливается на вас!

— Фарбениндурии... — начал Брехт.

— Да знаем, знаем! Садись к столу — обмоем встречу.

— Что с вами поделаешь, с волками жить — по-волчьи выть!

— Смотрите-ка, он русские пословицы помнит! — усмехнулся Лев.

— Я и еврейские знаю.

— Лучше расскажи литовскую!

— Ребята, я же в Москве работаю! — взмолился Брехт.

Олег подвинул кресло к столу:

— А-а, ну тогда — выбирай закуску. Нулевой тост придумывать не надо — за встречу!

Украинские организаторы охоты расстарались. Стол ломился от яств.

Лев взялся разделять поросёнка:

— Хорошо, не видит мой раввин!

— А Яхве? — поддел Брехт.

Выпили и несколько минут молча поглощали свинину, солёные огурцы, бутерброды с икрой, какие-то салаты и маслины. Хозяева знали, что пришелец из южных краёв обожает солёные маслины, но первым их распробовал Олег. Помолчали, пока заходила девушка с чугунком парящей картошки. Девушку задерживать не стали.

Проявили взаимную вежливость — порасспрашивали друг друга о жёнах, о детях.

Выпили и за них. Решили сделать перерыв и вообще — не напиваться. Правда, Лёва заметил:

— Это мне уже довольно, а вот ему, — он кивнул на Олега, — ещё бочку можно влить!

Олег возразил:

— Ладно вам, я тут к вашему приезду уже...подготовился. Кстати, о Яхве... Лёва, расскажи-ка ещё раз о духовности алгебры.

— Далась тебе эта алгебра!

И Лев повторил свою сентенцию с решёткой и окурками.

Брехт не был бы членом этого «тайного ордена математиков-экстремалов», если бы тут же не включился:

— Существует самая честная игра — бросание костей. На востоке эти кубики называют «зариками». Так вот, какая теория объяснит тот факт, что при игре в кости «новичкам всегда везет»?

Олег вставил:

— То же самое — рулетка! Любой крупье подтвердит — новичкам везет!

Лёва опять оживился:

— Все слышали про «русскую рулетку»? В барабан револьвера вставляется один патрон. Бросается жребий — кому начинать. Первый дуэлянт прокручивает барабан револьвера, подносит его к виску и нажимает курок. Второй дуэлянт, не прокручивая барабан, подносит револьвер к своему виску и нажимает курок. Обычно после одной попытки с каждой стороны дуэль прекращается. Достоинство такой дуэли в том, что, если будет убит один из дуэлянтов, второй не обвиняется в убийстве. Ведь погибший застрелился сам, да ещё в присутствии

свидетелей! Секунданты следят за тем, чтобы оба дуэлянта честно соблюли правила. Барабан револьвера рассчитан на семь патронов. Следовательно, вероятность того, что после пяти дуэлей хотя бы один из дуэлянтов должен быть убит, равна... сейчас посчитаю...

— Восемьдесят четыре процента! — прикинул в уме Брехт.

— А при десяти дуэлях вероятность смертельного исхода составит...

— Почти девяносто восемь процентов, — опять блеснул быстротой устного счета Брехт.

— Можешь работать калькулятором, — констатировал Олег. — Вали дальше, Лёва!

— А вам известно, чтобы на таких дуэлях, которые, кстати, были весьма популярны в российской армии девятнадцатого века, хоть один дуэлянт застрелился?

Подтянули журнальный столик на колёсиках. Лёва проверял на какой-то салфетке расчёты Брехта. Олег, выполняя миссию «расстановки фигур», припомнил ещё пример:

— Теория вероятности была когда-то особенно любима артиллеристами. Кстати, на учениях мы часто видим, как доблестные слуги «бога войны» поражают цель с первого, второго или третьего выстрела... так откуда у пехотинцев убеждение, что снаряд в воронку от предыдущего снаряда больше не попадёт? Может быть, снаряд не попадает второй раз только в ту воронку, в которой спрятался боец? Уж если люди друг друга не щадят, то вмешивается душа теории вероятности?

Лёва подвел итог:

— Итак, мы имеем несколько замечательных примеров, подтверждающих наличие души в теории вероятности. Но для систематизации и

выдвижения определённых постулатов их мало!

Брехт вмешался опять:

— Это тот самый случай, когда без пол-литры не разберёшься!

Лева рассмеялся:

— Он теперь блещет русским фольклором!

Но Брехт уже завёлся:

— Так, ребята. А ну, помолчите и послушайте, что скажу.

Он тоже пересел к камину.

— Значит так. Если по всем этим примерам ставить эксперименты, то они докажут, что мы не правы, и, следовательно, ни о какой душе в теории вероятности нечего и рассуждать. Парадокс в том, что в данном случае эксперимент — под запретом! Никогда эксперимент не подтвердит правоту гадалки или справедливость гороскопа. Результат имеет вес исключительно в тех случаях, когда о том, что проводился опыт, мы можем судить только после его окончания.

Опять, демонстрируя свою академичность, вмешался Олег:

— Ребята! А ведь мы только что получили принцип неопределённости для теории вероятности, который звучит так: если ставится эксперимент, то формула подтверждается, а если эксперимент не ставился — формула опровергается. Нет, не опровергается, а скажем так — не работает.

Брехт уточнил:

— Термин «принцип неопределённости» ввели учёные, занимающиеся физикой элементарных частиц. Но мы не физики. Мы математики. Нужен план!

Олег объявил:

— Надо ещё выпить!

Теперь и Лев согласился на горилку. Выпили по полной рюмке. Закусили.

Опять пересели к камину и закурили, Олег и Брехт — сигареты, Лев — трубку.

Лев же и продолжил обсуждение:

— Брехт прав! Принцип неопределённости проявляется только после опыта, который не замыслился. Давайте переварим этот факт. Получается, что результат опыта зависит от позиции наблюдателя?

Теперь осенило Олега:

— Тогда почему мы зациклились на теории вероятностей? Есть же теория, изучающая результаты! В том числе — не обязательно по плановым экспериментам!

— Математическая статистика! — в один голос воскликнули Лёва и Брехт.

— Вот именно! А теперь подумайте, как поставлено дело в этой науке. Сначала люди получают кучу результатов. Потом её, эту кучу, исследуют, выискивают закономерности, сравнивают с известными из теории — то есть из предыдущего опыта — параметрами случайных событий, выбирают распределения наиболее близкие, то есть примерно коррелирующие, и, наконец, подгоняют под какое-то правило. И только после всех этих процедур выводят формулы, по которым можно описать распределения случайных величин и даже построить графики.

Олег подхватил:

— При этом из старой доброй теории вероятностей вытряхивают ту самую душу!

— А мы отнесемся к ней, к этой самой душе, бережно! Но с какой стороны зайти, чтобы подкопаться под математическую статистику, не потревожив душу её основы — теории вероятностей? — задумчиво проговорил Брехт.

И все трое притихли. В капилляры их мозгов медленно, но неумолимо

просачивался алкоголь. По их телам разливалось блаженство.

Так же неумолимо, напоминая о господстве теории вероятности в окружающем мире, по жестяному подоконнику стучал дождь. За окном сумерки сменились чернотой вечера.

Романтику атмосферы вечера нарушил Лёва:

— Мы рано поднимаем эту проблему. Давайте продолжим после охоты!

За это предложение выпили ещё по рюмке...

Никто из святой троицы математиков-экстремалов в этот лирический час не мог знать, что сейчас

подходила к своему концу их последняя встреча.

«Хозяин околонулевой окрестности», наверное, подслушал их беседу...

Редкое в средней полосе Европы явление — ураган — унёс в Польше четырнадцать жизней. Перед тем, как мгновенно угаснуть, ураган одним злым языком лизнул украинское Подолье. На кончике этого языка ураган отметился ещё более редким явлением — белой молнией.

О человеческих жертвах урагана в украинских СМИ никаких сообщений не было...

«Всё, что мы делаем сейчас, мы делаем для того, чтобы впредь этого не было»

Главный архитектор СПб, дословная фраза из выступления по 5-му телеканалу

Станислав Будяк

Родился 14 ноября 1935 года в учительской семье.

1953–55гг учился на мехмате Киевского университета. В 1959 г. закончил Череповецкое военное училище связи, в 1968 — закончил Ленинградскую военную академию связи и получил назначение в Узбекистан. После выхода в запас работал на нескольких гражданских производствах: Спецмонтажстрой СССР, Узмедтехника, Ташкентский авиазавод. Вернулся в Россию в 2000 году.

В 1963–68гг занимался в литобъединениях Ирины Маляровой и Всеволода Азарова, тогда же печатался в нескольких коллективных сборниках поэзии.

Прозу начал писать в 2008 году.

Первая прозаическая публикация автора.

Анна Самойлова

КОНЕЦ НАЧАЛА НОВОЙ ЭПОХИ

Тишину Центра Управления Временем внезапно взорвал крик дежурного оператора Степаныча, круглолицего и добродушного обычно человека:

— Петруха! А ну иди сюда, паршивец!

Не получив ответа, Степаныч грохнул кулаком по столу:

— Петруха, твою мать, иди сюда, не то голову оторву!

Из дальнего угла выполз взъерошенный молодой человек в круглых очках. Дежурный техник Петруха. Он с трудом поднялся и неуверенно подошел к Степанычу.

— Не кричи... Пожалуйста. Я после вчерашнего празднования Конец Начала...

— «Не кричи! Не кричи!» Ты посмотри! Что это?!

Техник глянул на монитор преобразователя многовероятностного будущего в единственно реальное прошлое.

— Ох, до сих пор в глазах двоится, — проговорил Петруха, поворачиваясь к Степанычу. Но едва глянул на того, как остатки хмеля вылетели из головы. Он снова посмотрел на монитор. Вместо одной линии, обозначающей прошлое, было две. Петруха бессильно опустился в кресло.

— Что это? — спросил он.

— Это я у тебя спрашиваю, что ЭТО!

— Два прошлых...

— Вот именно. Люди и с одним-то разобраться не могут, а тут два. Это же всеобщее раздвоение личности и повальная шизофрения. Признавайся, что ты сделал?

— Почему я?

— Потому, что это ты у нас гений. Гений-недоучка.

— Ну, когда вчера Светка приходила...

— Что?! Еще и посторонние в операторской! Если начальство узнает... Нас в лучшем случае просто уволят.

— Но ты же не скажешь...

— А тут и говорить ничего не надо, — прорычал Степаныч, и ткнул пальцем в монитор.

— Да, дела. А что, если того. Ну, одну линию стереть.

— А вдруг полную распечатку посмотрят? Все же записывается.

— Они что, не люди? Они же тоже Конец Начала праздновали. А пока все выходные закончатся, столько всего накопится...

— Не знаю... Только, как ее сотрешь-то?

— Устроим какую-нибудь аннигиляцию или там, черную дыру, или на крайний случай — взрыв сверхновой.

— Думаешь, получится?

— А то! — воодушевился Петруха, и быстро нажал несколько кнопок, потом щелкнул рубильником. В следующий момент одна линия потухла. — Есть!

Но, пару раз мигнув, пропала и вторая.

— Вот тебе и начало конца, — сказал Петруха, и в ужасе посмотрел на Степаныча. А тот уже занес

кулак для удара. Но ударить не успел, поскольку в это самое мгновение исчезло все, в том числе и начальство, которое так и не узнало об этом происшествии.

Анна Самойлова

Родилась 22 ноября 1965 года в городе Пржевальске Киргизской ССР. Там окончила среднюю школу. После чего приехала в Барнаул и поступила в Алтайский Государственный Университет на физический факультет. По окончании увлеклась психологией и пошла учиться в Барнаульский Педагогический институт.

Первая печатная публикация — рассказ «Нагаданный» была в декабре 2003 года в газете «Вечерний Барнаул». С тех пор рассказы неоднократно публиковались в газете «Вечерний Барнаул», еженедельнике «Алтайская неделя», Журналах: «Роман-Журнал XXI-век», «Барнаул», «Если», «Уральский следопыт», «Магия ПК», «Встреча», «Алтай», в «Литературной газете. Алтай», «Махаон» и др.. Вышли авторские сборники рассказов «Якорь для крыши» и «Найденный дом» и поэтические сборники «После осени» и

«Облака-корабли».

Лауреат премии «Лунная Радуга» имени С. И. Павлова за вклад в развитие отечественной фантастики.

Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле. Работает литературным консультантом в Алтайском Доме литераторов.

Александр Карнишин

ПЛЮС НА МИНУС

Сегодня подходил срок расплаты за квартиру.

Хорошо всё же сделали предки, что теперь только раз в год платить надо, а не каждый месяц, как в книжках пишут. Копится себе потихоньку, не отрывает от текущей жизни... Сколько там, кстати, на счётчике? Иван сунул руку в карман, достал прибор и посмотрел на вечный экран. Ого! Почти двадцать тысяч. Хорошо-то как. Это и на квартиру хватит, и, пожалуй, на новую машину, если ещё чуть-чуть постараться.

Главное — не зарываться.

В вагон метро вошла сухонькая старушка с изящной красной сумочкой в руке. Иван и ещё двое молодых тут же резво подскочили с места, предлагая ей сесть. Старушка пару секунд выбирала, переводя взгляд выпцветших глаз с одного на другого, а потом улыбнулась Ивану и села на предложенное им место. В кармане звякнул счётчик.

«О! Не меньше, чем пятьдесят в плюсе!» — подумал радостно Иван.

Счётчик тут же звякнул повторно. Что такое?

Он не стал при народе проверять счёт, потому что сразу после доброго дела это было неприлично. Мало ли, у кого какие суммы. Может, кто на нуле сидит, а то и вообще в минус ушел. Вон как те двое мужиков смотрят злобно.

Погода с утра стояла мерзкая и даже просто отвратительная. Холодные порывы ветра гнали сырость и мелкую дождевую взвесь, оседающую крупными каплями на

раскрытом зонтике и стекающую вниз, в лужи и чёрную грязь, растоптанную тысячами башмаков по всему тротуару.

Оглянувшись украдкой, Иван вытащил счётчик, глянул на экран, ничего не понял — вроде всё как было. Потом нажал кнопку для проверки последних итераций. Плюс пятьдесят, ага, это за старушку, выходит. Минус сто. Ну, ничего себе! Минус сто! И за что? Всего-то посчитал в уме... Тпру-у-у, стоп, стоп, стоп... Не думать, не думать, не ругаться и не желать никому плохого, даже в уме.

Счётчик в руке дернулся, вибрацией и тихим звяканьем указывая на проведённую операцию. Иван сам выбрал этот рингтон — звяканье денег и лязг кассы из пинкфлойдовской «Тёмной стороны луны». Он любил эти старинные напевные мелодии, которые никогда не становились маршем и даже не помогали в работе. Просто — приятная музыка.

Что ещё за... Минус тридцать восемь. Он же ещё никому ничего не пожелал!

Спокойно, спокойно, Иван. Выдыхать носом. Выдыхать ртом. Выдох полный, до кашля. Вдох короткий, чтобы на полную грудь — три коротких вдоха. Раз, два, три — медленный выдох. Раз, два, три — медленный выдох. В ушах зашумело, накатила слабость. На лбу выступил пот. Вот так, вот так. И никакого спортзала не надо. Мы и просто дыхательной гимнастикой умеем... Вот так. Так вот. Спокойно.

Он двинулся по улице в сторону своего дома. Идти пешком — примерно тридцать минут. На автобусе было бы быстрее и чище, но не хотелось никого видеть. И просто сама ходьба успокаивала. Вот сейчас дойти, думал Иван, подняться к себе, запереться в квартире, не включать панель, затемнить окна, налить горячего чаю — чайник уже вскипел, наверное, и только поддерживает заданную температуру, и ещё раз — успокоиться, успокоиться, успокоиться...

...И правда — подумаешь, минус. Это всё фигня! Всё равно есть почти двадцать тысяч. На квартиру всяко хватит. А если бескорыстно помочь — так и на машину соберётся. И тогда не надо будет ездить в метро и на автобусе, а можно будет подвозить всех желающих. Если сразу четверых посадить — это же какое доброе дело-то будет! Четыреста, не меньше, за один раз! Вот почему владельцы машин так хорошо живут!

В кармане звякнуло.

Да что же за день такой сегодня, в самом деле? Ну? Что тут? Минус четыреста? За что? За что, так вашу всех непонятных богов? Что я совершил-то?

Счётчик опять дёрнулся. Издевательски мигнул экраном — минус один.

Спокойно, Иван, спокойно. Они просто смеются над тобой. Вот зайду по дороге в храм. Подумаешь, лишние полчаса... Поставлю всем по свечке, пусть радуются. Опять же — доброе дело, угодное дело...

Минус сто.

Главное — не думать о баллах. О том, что скоро первое октября и, значит, время расплаты за всё. Не

считать. Не смотреть на счётчик, пусть себе тикает. Вдох на три шага. Выдох медленный — на четыре. И опять вдох, теперь с другой ноги. И снова выдох. И наплевать на всё. Потому что за квартиру, считай, уплачено. А остальное всё — это мелочь, излишества разные. Всё же есть у тебя, Ванёк. Не хуже других живешь. Панель новая. Квартира упакованная по первому разряду. Кровать широкая и упругая. Всё хорошо. Всё хорошо. Слава всем богам.

Карман дёрнулся.

Не смотреть, не смотреть. Мало ли, сколько там опять сняли за злость или за что там ещё полагается снимать. Главное — скорее домой. Принять ионный душ — и организму полезно, и вода экономится на планете. Попить чаю в покое. Помедитировать, обращаясь к покровителю.

Звяк!

Не думать о числах. Только — раз, два, три — это вдох. Только — раз, два, три, четыре — это выдох. И погода, в сущности, не так уж плоха. Бывает и хуже. И опять же — если не будет плохой погоды, как ты поймешь, что такое хорошо и возблаговаришь ответственного за хорошее? Значит, плохое — любое плохое — оно для контраста, чтобы понимал разницу. А если всё время хорошо, как ты ощутишь, что именно — хорошо? Ты же ещё не знаешь, что такое плохо?

Счётчик в кармане как-то неуверенно дёрнулся.

Да что там? Все-таки полез Иван в карман, глянул на экран. Хоть и вечный он, а уже потёрся вон с краю. Надо будет замшевый футляр взять

специально под эту модель. Старинная, вечная, неубиваемая... Двадцать тысяч и один!!!

Спасибо вам, боги!

Двадцать тысяч и один! Квартира, машина и ещё немного в запасе останется! Вот! Главное — это спокойствие, понимание своей мелкой сущности и благоговение перед силами природы. И тогда — вот тебе, двадцать тысяч и один.

Экран мигнул, дёрнулся со звоном кассового аппарата счётчик. Девятнадцать двести...

А-а-а! Тихо-тихо-тихо. В карман его, в карман. Подальше. И не слушать. И не смотреть. Спокойствие, только спокойствие — откуда это, кстати?

Есть боги и боги. Есть старшие и есть младшие. Старшие ведают большими числами, младшие — мелкими. Младшие, ехидные и злые, цепляются за каждый балл. Старшие добры и мудры. Могут наградить, а могут и унижить. Старшие дали заповеди и следят за их исполнением. Младшие контролируют повседневность и быт. Обругал чайник, обжёгшись, — получи минус. Обрадовался победе своей футбольной команды — получи плюс. Подал руку женщине, выходя из автобуса, придержал дверь, поднёс тяжести, подвёз на машине — всё тебе в плюс. Получил удовольствие от собственной работы — ещё какой плюс!

При одном главном условии — полная бескорыстность. Бескорыстие — главная заповедь. Потому и деньги отменили в незапамятные времена. Потому и счётчик получает каждый при своем совершеннолети. Поэтому и смотрят теперь за тобой не

милиция-полиция какая, не налоговые и прочие канувшие в древность проверяющие и контролирующие, а сами боги. Кинул древнюю сувенирную монетку в восторге от красот в фонтан — получи плюсики. Обрадовал малыша, что куксился в коляске — ещё. Выслушал старика на автобусной остановке. С добром выслушал, кивая головой и переспрашивая — вот тебе и ещё. Погладил походя котёнка или собаку. Кинул кусок хлеба синицам. Просто порадовался жизни — получи своё.

Но только не думай о баллах! Не следи за изменениями чисел на вечном экране неубиваемого счётчика. Не думай о пользе себе лично, не будь корыстен и корыстолюбив. С чистым сердцем живи и помогай жить другим.

— Не так быстро, не так быстро, — широкая ладонь упёрлась в грудь.

Сзади рванули за плечо.

— Они не просто не видят никого, — гнусаво засмеялся третий, подходя слева. — Они культурные и образованные. Они, млин, верующие и добрые. Они бескорыстные и богатые... А разве не заповедовано вам, что делиться надо с ущербными?

— А? — растерялся Иван.

— Га! Делиться надо, баклан!

Он удивленно переводил глаза с одного на другого:

— Вы что, ребят, богов не боитесь? Да вас сейчас в минус опустят, как последних. И жить вам — только сегодня. Завтра уже первое октября!

— Да ты совсем дурак, мужик. Я вот сейчас тебе в репу дам, мне сразу минус пятьсот, а то и минус тыщщу! И я, типа, круче всех. Понял, нет?

В кармане заводилы — мелкого и какого-то скользкого на вид суетливого мужичонки лет тридцати сыграли первые такты траурного марша.

— Во, смотри, лох!

Иван смотрел и не понимал. На экране горели невозможные цифры — девяносто пять тысяч с чем-то. И никаких минусов...

— Но счётчик же не обмануть...

— А кто обманывает? Всё честно. Получи обещанное.

Движения огромного кулака Иван не заметил. Только вспыхнуло что-то перед глазами. Хрустнуло мерзко. И лишь спасительная темнота

остановила внезапную боль.

— О, гля, лег... Это сколько? Минус тыщщу?

— Ну-ка, проверим... Две итерации. За удар — минус шестьсот. За корысть — плюс тысяча. Ты умён, Сидор!

— В школе учился, не то что этот... Минус на минус — всегда плюс! Ну, пошли дальше? Поохотимся бескорыстно и с корыстью?

— Прикольно... А плюс на минус?

— А плюс на минус — всегда минус. Вот они и мучаются, бедненькие... Ну, хором!

— Итз гуд, ту би бэ-э-эд!

АЛЕКСАНДР КАРНИШИН,

1955 года рождения, Москва. Образование высшее, МГУ, истфак.

Работаю программистом в страховом обществе (медицинское страхование).

Работал учеником речника, электромонтером, строителем, девять лет служил в армии, потом был Бородинский музей, еще — инструктор горкома партии, директор школы, учитель истории, директор собственной фирмы.

Фантастикой увлечен с детства. Рассказы стал писать, когда за руку привели в Живой журнал, а затем на Самиздат.

Отдельные рассказы попадали в сборники Фантаверсума и Петраэдра.

Владимир Подольский

ДВЕНАДЦАТЬ СЛЕСАРЕЙ ГЛУБОКОЙ ЗАМОРОЗКИ

В одном доме не было горячей воды. То есть раньше она была. Самые старые жильцы, которые поселились ещё при пролетарском интернационализме, говорили, что «точно, всегда была! Кроме как летом». Потому что всё лето — ремонт... А потом, уже ближе к нашему времени, вода пропала.

Ну, антисемиты говорили по этому поводу известно что. Семиты машинально ёжились и смотрели в ответ своими печальными еврейскими глазами так жалобно... что никто антисемитам и не верил. Да и кто, спрашивается, будет пить техническую горячую воду в таком же количестве, что и целый дом?.. Вот.

Так ведь жильцы не мирились со своим печальным положением, постоянно пикетировали мэрию и ЖЭК. Но без толку. Собирались даже ехать в Москву и пикетировать Кремль, но не договорились, кто поедет.

То есть, не совсем без толку. После каждого пикета приезжали журналисты с телекамерами, брали интервью у жильцов, приходили даже слесари со сваркой. Они шли в подвал, гремели там своими ключами и нецензурно выражались на весь двор. И вечером горячая вода появлялась. А ночью снова пропадала. И утром изо всех кранов уже снова текла холодная. А ещё жильцы стали замечать, что пропадают и сами слесари. Придёт, погремит инструментом, подышит на взволнованных жильцов перегаром... А в следующий раз уже другой копаётся.

— А где тот? — спрашивали жильцы начальника ЖЭКа. — Он у меня ещё сто рублей до получки занимал!

— А-а... Он уехал! — отвечал начальник ЖЭКа, пряча глаза. — Уволился и уехал в... Караганду. У него там родственники!

Смутился начальник за своих необязательных работников, видимо. Сменилось их целая куча. Устроится, бывало, на работу, сходит пару раз в подвал того дома и... уехал!

Так бы всё и продолжалось, но как-то на общем собрании вышла вперёд одна старушка, такая старая, что все думали, что она давно умерла. А она-то — живая! И говорит:

— Вот, хоть верьте, хоть нет, а только этот начальник что-то химичит! Надысь шла я ночью на помойку, мусор вынести, а он в подвал как раз юркнул. Что ему ночью в подвале надобно? И горячая вода сразу пропала.

А как раз снова починили воду, поэтому жильцы затаились и вызвали на ночь по знакомству ОМОН с пулемётами на мотоциклах. То есть, не совсем вызвали, а просто, чтобы те наготове были — приехать, если что. И вот видят: тайно крадёт в подвал начальник ЖЭКа. Ну, жильцы за ним на цыпочках. А тот зашёл — и ну самый главный вентиль заворачивать. А другой какой-то — откручивать!

— Ага, попался! — заорали выскочившие из засады жильцы. — Что ж ты такое творишь, гадский потрох?

И ещё разное говорили, что к ситуации пришлось. Ну, и попутно

навешали ему с чувством морально-го удовлетворения. А потом остыли, дали платочек, скинулись на стоматолога и снова стали допрашивать. Только он деньги назад вернул.

— Без надобности мне теперь зубы! — говорит. — Всё одно помирать за мои грехи!

— Чего это ты помирать собрался? — удивились жильцы.

И начальник покался. Оказалось, что он запродавал всю горячую воду этого дома подземным анунакам, которые прилетели с ледяной планеты Нибиру, живут под землёй и всё никак не могут согреться. Они и трубу протянули, чтобы воду воровать, и ещё...

Но больше никаких подробностей дьявольской сделки никто не узнал, потому что тут приехал ОМОН на мотоциклах, который кто-то всё-таки случайно вызвал по запарке, положил всех мордами в подвальную грязь и устроил обыск и проверку документов. А кто шевельнётся, чтобы подышать, того прикладом по затылку. Или — тоже в зубы, такое совпадение...

Пока разобрались, что бьют не тех,

начальник ЖЭКа куда-то смылся. Знал он в доме все входы и выходы. Но далеко не ушёл. Скоро нашли его в собственной квартире, как живого, но замороженного до синевы по гадскому нибирскому обычаю. И на груди лежала записка: «Так будет со всяким...»

А в подвале, когда органы стали всё исследовать, нашли двенадцать мёртвых слесарей, тоже всех замороженных. Послали военных трубу к анунакам раскопать, а она обрезана, и дальше — земля. Куда рыть? Неизвестно. Зато теперь ни горячая вода, ни слесари не пропадают. Один старый даже вернулся из Караганды. Он и правда уезжал на время. И сто рублей долга отдал. Не всё врал начальник! Мог бы и перекопаться ещё...

А наблюдательную бабушку поблагодарили, дали грамоту от мэрии и показали по телевизору. Что им, жалко, что ли? А жильцы хотели даже тимуровцев назначить — мусор ей выносить. Но передумали — пусть сама ходит: и для здоровья ей полезно и, может, ещё что увидит.

Владимир Подольский

Родился 3 января 1956 года. Работал и работаю, в настоящее время главным инженером на коммерческой радиостанции в городе Самаре. Пишу прозу, чаще фантастику.

Участвовал в 2008-2009-м году в конкурсе фантастических рассказов «Звёзды внеземья», два рассказа вошли в итоговые сборники. Награждён дипломом и нагрудным знаком за рассказ «Капитан», который позднее успешно развернул в роман «Звёзды на дисплеях».

МЕТАМОРФОЗЫ

Жозеф-Анри Рони-старший

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА ПЕЩЕР

Перевод Златы Линник

Текст предоставлен издательством Северо-Запад

Посвящается Е. Пикар

I

Лодка плавно скользила по реке. На ночном небе не было ни одной тучи, но широкая водная гладь, если взглянуть сквозь просветы между деревьями, казалась много светлее. У самого берега, вдоль которого двигалась лодка, отблески походили то на дрожащие нити, тонувшие в мелких лужах, то на сверкающие решетки или сети, напоминающие тонкую вуаль. До самого горизонта река несла свои воды с божественным спокойствием. Укрытые мерцающим паром, они постепенно становились синими, затем принимали цвет прохладной стали, словно где-то в глубине, на дне, лежали, мерцая, миллиарды мечей.

Опасная жизнь таилась в реке. Вот ящер быстро проплыл вдоль берега, внезапно пробудившись ото сна, вот несколько тапиров бегством спасались от врага в глубинах водного царства. Что же касается мелкой живности, то количество таинственных и отвратительных созданий не поддавалось никакому исчислению.

Однако в целом в воде царил покой. Из-за доносившегося с берегов неясного шума леса казались особенно величественными, прекрасными и зловещими. Там шла нескончаемая война, тайные соития, засады, преследования... Там царил ужас — гений нападений и защиты во всей своей дикой

восхитительной красе. И за всем этим стояла все та же извечная потребность сильных и слабых — голод. Насытишься или станешь жертвой, в зависимости от того, сильнее или слабее окажется тот, кого ты встретишь.

Электрическая лодка с особой плавностью скользила по водной глади. Колеса едва заметно вибрировали, луч белого света ощущывал все вокруг. Три человека находились на носу лодки, четвертый стоял у руля.

Один из троих путешественников — низкорослый и коренастый — прошептал:

— Ну хорошо! Этот старый касик¹ был прав... После почти непреодолимых препятствий вначале пути мы выбрались на водный простор. Правда, местами тут тоже встречаются едва проходимые местечки.

— Глубокие, изобилующие жизнью протоки... Здесь от бескрайней Амазонки отделился проток — река

¹ Касик (качик), исп. — культурно-исторический термин. Первоначально так назывались вожди на языке таино, коренного населения Антильских островов аравакской группы, которые первыми из индейцев вступили в контакт с европейцами (испанцами). Позднее испанские колонизаторы стали использовать данное слово для всех индейских правителей.

² Кроме того, в настоящее время в некоторых странах Латинской Америки и в Испании так называют влиятельных политиков местного масштаба, весьма именитых персон.

без названия, широкая и глубокая, но местами слишком неторопливая.

Тот, кто только что произнес эти слова, четко вырисовывался в лунном свете. Сгорбленный силуэт с длинными руками и лысой головой, поблескивающей в лучах ночного светила. Голос его был дребезжащим, трудно различимым, явно созданным для того, чтобы шептать в тишине учебных классов.

— Вы помните слова старика? — спросил третий. — Река ведет к озерам, которые «...находятся на закате... Сначала она шире, чем Мать рек... но земля ее пьет тремя большими ртами... и каждый раз воды становится все меньше».

Голова у него была несколько вытянутая, к тому же шелковистая борода усиливала этот эффект. Впрочем, впечатление исправляли быстрые внимательные глаза и высокий рост в сочетании с широкой грудью. Он говорил авторитетным тоном, подкрепляя слова энергичными сильными движениями.

— Ну вот! — вздохнул сутулый мужчина. — Мы уже должны были проплыть мимо одного из этих больших протоков — настоящей пасти, которая осушает реку.

— Без сомнения, это тот, который невидим! — вскричал длинноголовый. — Вон второй открывается в скале... Это пещера.

Коренастый откликнулся с легкой иронией в голосе:

— Возможно, что это всего лишь аллегории! Не слукавил ли старый касик, преподав нам урок индейской космогонии? Впрочем, мы здесь ничего не теряем: мы же в диких землях, не нанесенных ни на одну карту!

— Ну да, с этим не поспоришь, — произнес длинноголовый, закипая

от гнева. — Я верю в эту непонятную страну подземных вод, где какой-то из давних предков нашего касика едва не погиб!

— Поглядим, Алглав!

— Вы забываете о пленнике, которого касик предоставил в наше распоряжение, — возразил Алглав. — О том, кого захватило в плен его племя... о том, кто видит под землей.

— Вообще-то этот пленник до сих пор не узнал местность.

— Терпение! Он сказал, что сможет узнать местность, только когда мы приблизимся ко «второму рту»!

Алглав принялся напевать таинственное индейское заклинание, и лодка продолжила свой путь по большой реке. Луна уже поднялась. Лодка рассекала водную гладь, в которой отражались заросли — густое переплетение узких, острых и твердых листьев. А бесконечное сражение продолжалось в лесной чаще, оглашая джунгли дикими криками. Наконец двое из собеседников спустились на нижнюю палубу, чтобы поспать, а длинноголовый остался с человеком, стоящим у руля.

II

Алглав оставался на носу лодки, разглядывая реку глубоким уверенным взглядом, подобным взгляду кондора. Таинственные ночные тени затронули лирические струны его души. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы легенда, рассказанная старым индейцем, оказалась правдой. Вся его душа трепетала при мысли о ней, так как, оставаясь полным сил расчётливым человеком действия, Алглав был гораздо большим поэтом, чем его товарищи по экспедиции.

Он все время повторял себе под нос непонятные и удивительно красивые слова легенды:

«Есть страны под землей, где реки длинные текут... Там травы бледные растут и звери чахлые живут... Слепые птицы там и белые вампиры-мышы... И свет Луны лишь иногда проникнет незначай туда ... и скоро гаснет... Все во тьме...»

— С чего бы этой легенде обязательно быть неправдой? Ведь существуют же подземные реки, даже в нашей старушке-Европе. Есть и странные, еще не изученные представители животного мира. Почему здесь, где все такое громадное и свободное, где реки так широки и полноводны, почему бы здесь не быть подземным странам, таким же обширным, как и все в этом краю? И какие тайны они скрывают? Какие таинственные поэмы жизни, не такой, как здесь, на поверхности? Какое чудесное царство ночи, сказочные растения и животные могут существовать в глубинах земли?

Он снова воскресил в мечтах другую легенду, которую восемь лет назад рассказал ему «черный начальник», старик Уан-Махлей — тогда предсказания старого африканца чудесным образом сбылись. Если так, то с чего бы предсказания старого индейца могли оказаться неправдой?

И все же его неотступно преследовали сомнения. Настолько редки подобные приключения. Может ли подобное два раза подряд случаться с одним и тем же человеком? Два раза подряд старая Земля радовала его восхитительным зрелищем неизвестного животного мира в затерянном уголке света. «Почему бы и нет?» — говорил он себе. Разве не я пятнадцать лет назад обогнул без передышки всю планету?

Разве это не вознаграждение за мои вечные скитания, а также за упорство и решимость отыскать наконец смысл, скрытый в старых легендах аборигенов каждого уголка Земли?

Размышляя об этом, он обвел берега внимательным взглядом, надеясь увидеть наконец скалу, которая называется «Рот земли». Но перед ним протянулись лишь извилистые берега, лес, где порой можно было разглядеть смутные силуэты диких травоядных животных.

«Ночь могла бы быть ужасной, особенно здесь, где постоянно идет жестокая борьба за существование... ягуары... анаконды... гремучие змеи».

Он ощутил дрожь удовольствия, подумав, как хорошо, что он сейчас находится на электрической лодке, так хорошо построенной, удобной и оснащенной всем необходимым. И это не потому, что он не любил приключения и, тем более, не потому, что ему не доставало безрассудной отваги. Но даже самые героические личности предпочитают чувствовать себя в безопасности перед позмой тревог и страхов, созданной самой Природой.

В лунном свете перед острым носом лодки появился остров. Алглав скомандовал человеку за рулем начать маневрировать. По мере того как лодка приближалась к острову, начали появляться препятствия: обломки, вырванные с корнем пни деревьев, крепко запутавшиеся в длинных речных растениях. Двигаться дальше становилось все труднее, пришлось снизить скорость.

Луна осветила торжественную картину: остров с высокими прямыми деревьями, слегка клонящимися к воде; обрамленные лианами и тростниками полусгнившие стволы — необычные

силуэты на фоне аргентинского неба; просеки, чернеющие подобно пещерам. Громадные, выше всех остальных деревьев, пальмы колыхались на теплом ветерке. Вода сверкала, бросая вокруг тысячи бликов, нежно плескалась о рыхлый берег, унося с собой почву и мертвые корни растений.

В этом величественном полумраке луна, просвечивая сквозь густую листву, всем своим видом выражала неведомую угрозу, демонстрируя суровый нрав природы, будто предписывающей человеку остановиться.

В самом деле, теперь лодка продвигалась вперед медленно, рывками.

Сперва было легко прокладывать путь, пробиваясь тонким носом сквозь препятствия, но скоро нагромождение речных растений и гниющих стволов сделало продвижение вперед трудным и даже опасным.

Алглав скомандовал замедлить ход. Очевидно, он взял на себя очень большую ответственность. Дикая природа таила множество опасностей, особенно для человека. Всюду, насколько хватало взгляда и куда можно было достать лучом электрического фонаря, было густое переплетение живых и мертвых растений.

На некоторых из них спали водяные чудовища. Порой над ними пролетала ночная птица. Со стороны острова доносились шорохи, вздохи, сплетающиеся в общий хор с плеском воды и шелестом листьев.

Наконец Алглав остановил лодку и решил созвать спутников на военный совет. Но тут какая-то тень, отдаленно напоминающая человеческую, вдруг бросилась на палубу.

Рулевой закричал от ужаса

Алглав с револьвером в руке, готовый нападать или защищаться,

бросил взгляд на корму. В неверном свете луны он увидел человека — низкорослого, приземистого. Рулевой, едва придя в себя от неожиданности, тоже вытащил револьвер и прицелился в нежданного гостя.

— Остановитесь! — крикнул Алглав. — Он не опасен.

В самом деле, незнакомец с испуганным видом показывал куда-то в сторону реки. Алглав посмотрел в том направлении.

III

На некоем подобию островка, нежась в лунном свете, сидел ягуар — великолепный образец породы. Животное застыло, явно удивленное. Оно, казалось, разрывалось между желанием преследовать добычу и страхом перед электрическим светом. Если бы не страх, зверь с легкостью сделал бы несколько прыжков, перебравшись на стволы деревьев, обойдя то место, где вода преграждала путь, а потом с легкостью добрался бы до лодки.

Алглав воспользовался колебанием хищника, чтобы взять ружье из кабины в носовой части. Сделав беглецу знак ничего не бояться, он взял карабин на плечо и принялся разглядывать зверя. Ягуар был обычных пропорций для своего вида, разве что лапы чуть короче. Он представлял собой царственное создание — творение дикой природы. Изогнув сильное гибкое тело, хищник присел на задние лапы. Его поза подразумевала быстроту, грациозную, кровожадную ловкость, манеру победителя. Почти не поддавшись ужасу, Алглав не стал сразу спускать курок, так как не любил убивать великолепных зверей, прекрасных, как гармонично

сложенная поэма, в которой воспеваются сила и энергия.

Но дикарь приблизился к нему и, осторожно притронувшись, показал вправо от островка. Путешественник заметил там еще троих ягуаров.

— Ох, черт! — прошептал Англав.

С сильно бьющимся сердцем, на этот раз от острого чувства опасности, он разглядел поблизости еще нескольких крупных хищников, удивленно отметил про себя, что такое поведение нехарактерно для ягуаров, которые обычно держатся парами, но никак не большими стаями. И все же, какой бы ни была причина этого необычного явления, опасность была несомненной.

Здесь, в диких лесах небольшое количество плохо вооруженных туземцев не могли внушить ягуару мысль о силе и могуществе человека. Постоянный победитель, он был уверен в своей силе и непревзойденном великолепии, а также знал, что его соседство делает и воинственные племена, и белых людей из другой местности одинаково осторожными и даже трусливыми.

Вскрикнув громким пронзительным голосом, Алглав подал сигнал тревоги, а потом внимательно прицелился между глаз ягуара.

Он все еще не мог решиться спустить курок, когда раздался выстрел.

Стрелял рулевой. Испуганный видом хищника, он выстрелил.

За первым последовали еще три выстрела. Легко раненый ягуар в ярости прыгнул в лодку. Зацепившись когтями, он поистине королевским прыжком оказался на палубе в четырех шагах от Алглава.

— Ты этого хотел, — мысленно обратился путешественник к самому себе.

Он выстрелил точно в то самое мгновение, когда зверь прыгнул на него. Пуля вместо того, чтобы проникнуть в череп, разнесла челюсть хищника, который теперь оказался прямо перед Англавом.

Друзья, которые в этот момент поднялись на палубу, решили уже, что с ним все кончено. Алглав откатился по палубе немного в сторону, почти не задетый. Такой же быстрый, как и его ужасающий соперник, он снова оказался в опасной близости от смертоносных когтей.

Два или три неразличимых взглядом движения, те, которые может уловить лишь моментальный фотографический снимок, затем яростная схватка, удар рукояткой пистолета... и после этого Алглав остался стоять на палубе, а ягуар бесильно распростерся у его ног. Выстрел из револьвера окончательно прикончил опасного зверя.

— Дело еще не закончено! — крикнул победитель.

С этими словами он жестом показал на остальных ягуаров на острове. Как и первый, они имели очень угрожающий вид.

Один из путешественников повернул в их сторону большой электрический фонарь, светивший на носу корабля. Поток ослепительно белого света перепугал хищников.

— У них робкий вид, — заметил лысый мужчина.

— Так и есть, Фюгер, — ответил Алглав. — И вполне вероятно, что если никто больше не будет стрелять и не ранит их, они не решатся напасть.

В этот момент послышались еще два выстрела. Это были два члена экипажа, которые поднялись на палубу одновременно с путешественниками. Один из

ягуаров, раненый, судя по всему, самка, прыгнула прямо на лодку, сопровождаемая своим собратом. Алглав тут же остановил самку выстрелом в голову. Самец замер, грозно мяукнув, затем снова прыгнул. Поднялась стрельба, но пули даже не заделли хищника, а он с изумительной быстротой оказался прямо на палубе. Человек рухнул на палубу под ударами гигантских лап!

— В голову! — крикнул Алглав.

Подавая пример, он прицелился в хищника из своего револьвера, но затем заколебался. Распростертый на палубе человек кричал от ужаса, в то время как чудовищное животное, увидев, что окружено противниками, замерло в полном изумлении. Стрелять было очень рискованно из опасения задеть человека.

В этот момент с немой силой и отчасти трогательной храбростью Фюгер приблизился и выстрелил в зверя почти в упор. Пуля насквозь прошла сквозь шею. Одновременно он упал, и все увидели под его разорванной одеждой грудь, изрезанную острыми кинжалами когтей хищника. Он не защищался, загнипнотизированный, чувствуя себя бесконечно слабым, таким слабым, что был не в силах даже испугаться по-настоящему.

Но друзья поспешили к нему, и вдруг животное, изрешеченное пулями, навалилось на ученого, придавило его своим весом.

— Мертв! — вскричал Алглав, из предосторожности выпуская еще одну пулю в висок хищника.

Он быстро освободил Фюгера. Его рана была достаточно глубокой — оказались разорваны мышцы груди, — но вовсе не опасной.

— Легко отделался! — улыбаясь заявил Фюгер.

Исследователи и члены экипажа озадаченно огляделись, удивленные этой драмой. До сих пор лодка представлялась надежно защищенным местом, недоступным для зверей, обитающих в реке и по ее берегам.

— Четвертый ягуар исчез! — произнес Алглав, внимательно осмотрев рану своего друга.

— Действительно, исчез, — подтвердил третий спутник, — но в целом мы избежали гораздо более серьезной опасности... Особенно если учесть, что никто сначала даже не выстрелил. До сих пор света фонаря было достаточно, чтобы держать диких зверей на расстоянии.

— Верно, Верагез! — ответил Алглав. — Но что случилось с тем, кто втянул нас в это приключение?

— Да вот он! — заметил кто-то из экипажа.

Дикарь приблизился, поняв, что приглашающий жест предназначен ему. Все увидели коренастого широколицего человека, глаза которого напоминали кошачьи. Лицо его было сероватого цвета, лоб скошен под углом к громадному подбородку. Дикарь произнес несколько горловых звуков, похожих на слоги.

— Местное наречие нашего заложника! — пояснил Верагез, который обладал способностями полиглота.

— И выглядит он соответственно! — добавил Фюгер. — Давайте сравним...

— У меня появилась идея! — произнес Алглав с некоторой долей иронии в голосе. — По-моему старый касик не ограничился индейской космогонией.

Несколько минут спустя на палубу вызвали индейца, предоставленного касиком в их распоряжение. Едва увидев неожиданного гостя, тот

обрадовался, точно так же как дикарь. Эти двое тут же начали на редкость эмоциональную беседу.

— Он из твоего народа, Вхамо? — спросил Верагез на диалекте *акатл*.

— Он из тех, что уходят в пещеры на время сезона дождей.

— Он из твоего племени?

— Нет... но из родственного.

— Спроси его: далеко ли мы сейчас от твоих краев? И скажи, что ему нечего нас бояться. Ни ему, ни его людям.

— Хорошо, господин!

Диалог возобновился, одинаково интересный обоим собеседникам. Это был резкий глухой язык с удивительно жалобными интонациями.

Наконец Вхамо сказал:

— Отсюда два дня пути на пироге до пещер, которые ведут в Страну Под-Землей. Племена сейчас рассеяны в лесах и не вернутся, пока листья на деревьях не станут старыми.

— Не хочет ли этот человек стать нашим проводником?

Вхамо спросил пришедшего. По жестам того, даже не понимая слов, можно было сделать безошибочный вывод о том, что он согласен и полностью доверяет незнакомцам.

— Он это делает для вас, господин! Его жизнь принадлежит тому, кто спас его из когтей ягуара. Но надо будет обойти остров с другой стороны.

IV

Всю ночь лодка плыла по тихим водам с другой стороны острова. После краткого отдыха Алглав вернулся на палубу с Верагезом и двумя индейцами. Недавно пережитая опасность казалась теперь просто кошмарным сном. Корабль благополучно миновал все опасные места, незаметные под

гладью полупрозрачной ярко-синей воды. Наконец заря поднялась над лесом. Она быстро загасила свет низкой луны, и бодрый шум дневной жизни сменил страхи ночи. Остров давно исчез вдалеке, река стала еще более широкой, на горизонте появились скалы. Вдруг спасенный индеец поднял руку и прошептал несколько слов. Вхамо перевел:

— Вот здесь открываются пасти пещер!

Исследователи одновременно ощутили, как сердце забило и любопытство вспыхнуло с удвоенной силой. В легком тумане скалы казались стадом исполинских быков, собравшихся на водопой. Наконец река разлилась и предстала в виде большого озера, окруженного цепью скал, подобных гигантскому цирку. Лодка продолжала двигаться так же быстро, и вскоре путешественники уже достигли первых холмов. Местность буквально дышала спокойным суровым величием. Растительность сделалась немногочисленной. Большие засушливые пространства простирались вдоль одного берега; другой берег представлял из себя скалистую цепь. Прокаленные солнцем каменные обломки, застывшая лава, стекловидные камни рассказывали о стихийном бедствии, произошедшем здесь в незапамятные времена, о буре адской силы.

— Таинственная земля! — произнес Алглав. — Земля прекрасных и мрачных легенд!..

Жестикующий индеец прервал его речь. Путешественники заметили в одной из высоких скал чудесной красоты портал, настоящую колоннаду храма гигантов.

— Это здесь! — объявил Вхамо.

В громадной дыре, куда изливалась река, можно было заметить колоннады, глубокие своды, куда еле проникал солнечный свет. Верагез и Алглав созерцали это зрелище с мистическим почтением.

— Смотрите! — сказал Алглав. — Течение здесь еще медленнее. А Вхамо, как ранее и касик, заявляет, что здесь глубоко. Но, по-моему, не так уж и рискованно проникнуть туда. Никто не помешает нам чуть позже отказаться от этой затеи.

— Тогда вперед! — ответил Верагез. — Так как Фюгер уже согласился на эту авантюру.

Вскоре солнце рассеяло бледную завесу тумана. Скалы, которые вырисовывались на фоне неба с мрачной и аскетичной значительностью, как и равнины на другом берегу с их унылыми античными руинами, выглядели будто проклятая местность или страна, на которую когда-то обрушился божественный гнев.

V

Действительно, подземный поток оказался глубоким и спокойным. Сначала фонарь высвечивал однообразные стены, бледные сталактиты, сероватые скалы, испещренные кристаллами или металлическими вкраплениями. Здесь царствовала бесконечная ночь. Лучи электрического света дрожали среди тревожных полутеней. В воздухе, казалось, витало что-то неясное, что-то фантастическое. По влажным стенам стлались и медленно колыхались растения, которые выглядели настоящей аллегорией терпения. Вода здесь была совершенно черной; она отражала смутные очертания, выхваченные

из подземной мглы лучом фонаря.

Под высоким сводом в холодном воздухе водоема, неподвижном и насыщенном парами, путешественники почувствовали, как их охватывает странная меланхолия, религиозное любопытство, величественное чувство неведомого, а также у них появились опасения, неясные предчувствия, которые временами сжимали грудь подобно тяжелой невидимой руке.

Прошло два часа после того, как они заплыли в подземную реку, пейзаж — если призрачные берега, еле различимые в мерцающем свете фонаря, заслуживают этого названия — изменился.

Берега, сперва очень узкие, стали значительно шире. Появилась растительность — волокнистая, очень бледная и очень хрупкая — разнообразность бородатого лишайника и нитевидных мхов. Она образовывала целые сады, поблескивающие матовым серебром, или целые луга чего-то вроде покрывала из грубой ткани, переливающегося самыми нежными оттенками. Здесь и там разбегались по краям от конуса света такие же бледные звери. Сумчатые, покрытые шерстью пепельного цвета, морские твари, гигантские грызуны, хищные ночные птицы с нежными голосами и с пушистыми крыльями, несколько очень крупных насекомых, как будто посыпанных мелом.

Тем временем температура поднималась — с двенадцати градусов сперва до двадцати, затем до двадцати пяти и до тридцати.

— Будем ли мы высаживаться? — спросил Верагез.

— Лично я — против! — ответил Алглав. — Думаю, нам нужно сначала познакомиться с местностью.

Зарисовывайте план этой чудесной территории. Думаю, позже нам нужно будет предпринять несколько экспедиций для более детального изучения этих мест.

— Верно!

Вскоре Фюгер, несмотря на свою рану, поднялся к друзьям на палубу. Часами они любовались восхитительными видами подземной страны. Пейзажи становились объемнее, разворачивались перед ними во всю ширь. Растительность, такая же бледная, теперь казалась заметно гуще. Белые папоротники образовывали настоящие леса — удивительные заросли, протянувшиеся по берегам потока. То и дело на глаза попадались гигантские грызуны, напоминающие крыс величиной с леопарда, которые и не думали убегать, когда луч фонаря выхватывал их из темноты. Должно быть, требовалось воздействие более сильного потока света, чтобы повергнуть их в бегство. Сумчатые казались здесь достаточно редкими, так же, как хищные ночные птицы. Зато обнаружилось великое разнообразие летучих мышей, парящих и порхающих над папоротниками и охотившихся за насекомыми. Было странно видеть белых, как горностаи, зверей, которых человек привык видеть окрашенными в темные цвета: красноватый, рыжеватый, коричневый. Сперва достаточно миниатюрные, они становились все крупнее и, наконец, достигли размера вампиров, обитающих в бразильских лесах. Температура остановилась на тридцати двух градусах и больше не поднималась. В этом влажном застоявшемся воздухе такая жара была особенно утомительной.

После ужина — снаружи, должно быть, уже наступили

сумерки — Вхамо объявил от имени своего товарища, что его народ никогда не забирался так далеко под землю и что он слагает с себя полномочия проводника. Он также упомянул местную легенду, согласно которой река заканчивается водопадом, уходящим в бездонную пропасть и что там, дальше есть страны еще более таинственные, чем та, которую они сейчас исследуют.

— Отлично, — заметил Алглав. — Лично я предлагаю двигаться дальше.

— До конца? — спросил раненый.

— Да, до конца, — подтвердил Верагез.

И действительно, ни одна душа поэта или ученого не могла бы противостоять волшебной притягательности сумрачной страны, обещавшей необычайные знания и ощущения. Перед путешественниками разворачивались грандиозные перспективы. Левый отвесный берег превратился в ряд скал красного гранита, базальта, испещренных пещерами. В камне были вырублены циклопические лестницы, нависающие над водой, будто готовые обрушиться — настоящий лабиринт-некрополь путаницы коридоров, теряющихся где-то в глубинах земли. Справа раскинулась равнина — лес из папоротников, перемежающихся призрачными грибами, высокими, как деревья, и серебристыми полянами. Грызуны тут увеличились до размера лемунов-альбиносов. Большая их часть печально восседала на возвышенностях. Иногда раздавался чей-то тихий жалобный крик. Белые, как лебеди, совы сменялись мертвенно-бледными летучими мышами величиной с орлов.

— Прелестно! Прелестно! — шептал Алглав, набрасывая заметки в своем блокноте.

И даже члены экипажа преисполнились восхищения и мистического ужаса.

Неожиданно к этим чудесам добавились новые.

VI

Вдалеке показался слабый фиолетовый отблеск, который, казалось, разгорался как свет зари перед восходом солнца. Его свет становился все ярче, придавая феерическую окраску бледным растениям и животным. Играя всеми оттенками фиолетового на скалистом берегу, он вызвал у путешественников бурю восторга.

Довольно насыщенный свет вначале стал бледнее, а вскоре — таким же нежным, как лунные лучи, пробивающиеся сквозь синий витраж...

При виде лодки одни животные разбегались, другие — поднимались повыше.

Теперь видимость в пределах подземного горизонта стала около километра. Захватывающая красота снежно-белых лишайников, прячущихся в таинственной полутьме, светящихся грибов то выстроившихся подобно колоннадам, то клонящихся к земле, как старые ивы по берегам рек. И все здесь было бледным! Никаких других цветов! Бледная безмолвная жизнь, которая незаметно растворялась в сумерках; жизнь, залитая нереальным мертвенным светом. Мир сверхъестественной бледности, как будто сошедший со страниц сказочного романа, спрятавшийся вдали от солнца, которое там наверху питает землю. Эту бледность впитали в себя все формы флоры и фауны, когда-то давным-давно искривившиеся разнообразием цветов.

— Может быть, на этот раз мы причалим к берегу? — поинтересовался Фюгер.

— Давайте проплывем еще немного, — горячо возразил Алглав. — Я думаю, что впереди нас ждет гораздо больше сюрпризов.

А двое индейцев, сопровождающих путешественников, насторожились. Чуткие, как звери, они выказывали явные признаки беспокойства.

— Что вы слышите? — поинтересовался Верагез.

— Мы слышим грохот воды, — ответил Вхамо.

Алглав, у которого был почти такой же чуткий слух, как у индейцев, тоже прислушался. Вскоре ему показалось, что он слышит шум, толчки, удары быстро текущей воды, бьющейся о стенки пещеры, или, скорее, водопада.

— Внимание! — произнес он. — Думаю, что легенда подтвердилась еще раз. Мы приближаемся к пропасти. Замедлить ход! — крикнул он механику.

Взволнованные исследователи внимательно следили за течением, направив на воду луч фонаря.

Прошло два часа.

Шум приблизился. Вскоре все ясно различали звук падающей воды.

— Стоп! — закричал Алглав. — Бросить якорь!

— И в этот раз мы все-таки высадимся на берег! — добавил Верагез.

Несколько минут спустя лодка встала на якорь, затем оказалась крепко пришвартованной к берегу со стороны равнины. Из двенадцати человек экипажа и obsługi шестерым, включая двух индейцев, было поручено сопровождать исследователей. Шестеро остальных должны были остаться с Фюгером, который из-за небольшого

приступа лихорадки был не в силах сопровождать своих товарищей. Хорошо оснащенные и вооруженные, взяв электрические фонари на аккумуляторах, Алглав и Верагез отправились в путь.

VII

Земля на берегу оказалась рыхлой и немного влажной. Шелест некой разновидности хвойных деревьев и зловещего вида папоротников вызывал скверные предчувствия у самых храбрых, даже у Алглава. Как только маленький отряд вышел на открытое пространство, появилось четыре или пять крыс, колоссальные размеры которых удивили путешественников. Красноватые глаза грызунов уставились на людей. Крысы — хозяева этих мест, где они, должно быть, были и тиграми, и львами, — не собирались убегать. Тем не менее, хищники колебались и, казалось, не собирались нападать, изумленные видом новых незнакомых существ, каких-то громадных двуногих.

Один из сопровождающих вскинул на плечо карабин. Но Алглав заставил его опустить оружие.

— Даже и не думайте стрелять без команды! — произнес он тоном, не терпящим возражений. — Если бы кто-то этой ночью не выстрелил в ягуара, они бы на нас не напали... И один из нас сейчас не был бы ранен, что, кроме огорчения, влечет за собой дополнительные трудности. Если вы сейчас нападете на этих грызунов, они, без сомнения, набросятся на нас, а вскоре к ним присоединятся их соплеменники, которые прячутся где-то поблизости и которых привлечет шум сражения.

Они остановились, разглядывая необычных зверей.

— Они чем-то похожи на диких свиней. Знаете, какой стадный инстинкт существует у этих животных? Они готовы броситься в драку все до единого, стоит только тронуть кого-то из них. И уж, во всяком случае, они не позволят обидчику сбежать. А эти выглядят на диво сильными и организованными.

К стае присоединилось еще трое или четверо грызунов. Выглядели они все достаточно грозными — каждая крыса величиной с кабана, с мощными челюстями и острыми зубами.

— И все-таки не похоже, чтобы они готовились к нападению, — прошептал Верагез.

— Я почти уверен, что они оставят нас в покое, — откликнулся Алглав. — Мы их очень удивляем. И в данном случае это чувство взаимно. В путь!

Крысы в нерешительности пропустили их, не став преследовать. Сумчатые удирали при их приближении. Полупрозрачные, будто сделанные из тюля, осы слегка задевали лица путешественников. Иногда появлялись летучие мыши и следовали за ними, охваченные любопытством.

— Что меня больше всего удивляет, это даже не животные, а то, что здесь могли вырасти такие большие папоротники. — произнес Верагез.

— Вы правы. Это просто поразительно и противоречит всем законам природы. Собственно, как и это освещение противоречит законам физики. Было бы логично предположить, что когда-то света было больше, вне зависимости от его происхождения. Судя по всему, растительный мир на протяжении тысячелетий приспособился к тому, что здесь постепенно становится все темнее и темнее, и научился использовать некие лучи,

которые не требовались растениям и животным, обитающим на поверхности. Это как-то связано с постоянной температурой и, возможно, со здешними магнитными аномалиями. Но какими бы ни были причины, результат перед нами!

Шум падающей воды усилился. Через час он сделался просто оглушительным.

— Мы приближаемся!

Вдруг Вхамо и второй индеец, идущие поодаль, резко остановились.

Громовые удары сотрясали своды. Животных по близости почти не было, особенно крупных. Поток воды оставался спокойным, поверхность реки была гладкой, как стекло. Но ложе подземной реки стало широким, с небольшим уклоном. Вся стремительная ярость оставалась впереди, в водопаде, легко улавливаемая слухом, но не зрением. Тем временем Вхамо поднял руки. Он кричал, но голос его терялся в этом грохоте, будто комариный писк в шуме ветра. Путешественники поспешили вперед, а затем застыли неподвижные, с широко открытыми глазами. Испытывая сильнейшее головокружение, они уставились в пропасть.

VIII

Громадная бездонная пропасть! Подобные вершинам Гималаев струи воды, бурлящей, сверкающей в кружевах пены и гремющей как целое скопище гроз, барабанили по гранитным глыбам. Откуда-то сверху низвергался поток бледных струй этой подземной Ниагары. Сверху стремилась масса воды, скатываясь по четырем ступеням гигантской лестницы, каждая около двадцати метров в высоту. Потoki подпрыгивали, молотили по скалам

в нескончаемой игре света, являющей собой аллегорию яростной силы, бессознательного неистовства природы. И, тем не менее, вовсе не водопад произвел на путешественников самое сильное впечатление.

Окрестности водопада оказались даже более грандиозными и впечатляющими. Бесцветная пропасть была целой страной. Под сводами той же высоты, что и в пещере, она уходила глубоко вниз. И жизнь представляла там во всем своем разнообразии и великолепии. Обширные леса, покрытые мхом равнины, сумчатые и гигантские крысы и громадное количество рукокрылых совершенно неожиданного размера, таких же огромных, как кондоры в Андах. Гигантские летучие мыши скользили над водопадом, парили над равниной. В их полете чувствовалась грация птичьего полета и еще нечто большее, некая осознанность движений, свойственная высшим млекопитающим.

«Вот истинный венец творения! — подумал Алглав. — Кто знает, может быть, это была попытка природы создать летающего человека».

Мысль о странном потрясающем сходстве летучей мыши с человеком всецело охватила его.

Но голос спутника, который прокричал прямо ему в ухо, вернул Алглава к действительности.

— Пойдем дальше! Пойдем!

— Да... Конечно... Идем.

Это было совсем не трудно. Рядом с водопадом оказался очень удобный пологий спуск, и маленькая группа путешественников отправилась дальше.

Они едва начали спускаться, как многочисленные стаи крылатых вампиров — летучих мышей — появились

IX

рядом с ними, паря в воздухе и, казалось, с интересом разглядывая путешественников. Те продолжали продвигаться вперед в сопровождении летучего эскорта. Вампиры кишели над их головами, спереди и сзади — любопытная живность, вызывающая беспокойство и, может быть, даже опасная.

Оказавшись внизу, Алглав и Верагез остановились.

Летучие мыши продолжали прибивать. Теперь их было примерно несколько тысяч. Многие из них располагались в трещинах и на неровностях каменных стен, на деревьях и папоротниках. И повсюду остальные животные уступали им место с видом полного почтения к этому победоносному виду.

— Что будем делать? — простонал Верагез.

— Пойдем дальше!

И исследователи продолжили путешествие. В течение часа они шли вдоль реки. Местность оставалась более-менее неизменной, ни одно животное не пробовало преградить им путь.

Вампиры, любопытство которых не прошло, так и следовали за ними. Удивление путешественников уступило место желанию идти и идти дальше, туда, куда влекло их ненасытное любопытство ученых. Наконец Верагез заговорил:

— Фюгер нас ждет!

— Хорошо, — ответил Алглав. — Отправим ему сообщение, а затем поедим и продолжим свой путь. Будем и дальше идти по берегу реки.

— А если там совсем не будет света?

— У нас есть фонарики!

— Тогда ладно!

Отправив послания и перекусив, они продолжили движение.

Путешественники чувствовали себя уставшими, за исключением разве что Алглава и обоих индейцев. Верагез даже попросил сделать привал. Остановившись, они заметили во второй или третий раз в свете фосфоресцирующих грибов, как летучие мыши приземляются прямо на грызунов и сумчатых, оставаясь на их головах и спинах, в то время как звери этому совсем не сопротивляются.

— Верагез! — воскликнул Алглав. — Посмотрите! Разве вам это не кажется странным? Вампиры питаются кровью четвероногих, а те им покорно позволяют это делать.

— Да, — ответил Верагез, медленно ворочая языком. — Это изумительно!

— Знаете, у меня возникла идея. Быть может, эти четвероногие являются чем-то вроде домашних животных у летучих мышей. Я все больше склоняюсь к мнению, что интеллект крылатых тварей намного выше, чем у обычных зверей. Поэтому они смогли подчинить представителей местной фауны и высасывают у каждого животного не больше того, что оно может дать без вреда для себя. Точно так же, как мы доим коров или как муравьи собирают выделения домашних клещей.

— Безусловно!

Алглава удивил тон Верагеза, а также поведение двух сопровождающих, которые, присев на корточки, как будто защищались от яркого солнца.

— Что с вами? — вскричал он.

— Мне хочется спать, — неразборчиво пробормотал Верагез.

— Спать?

— Да.

С этими словами он опустился на землю, как и те двое.

Обеспокоенный Алглав огляделся. Ему показалось, что в пещере стало темнее, что туман опускается на лужайки, на заросли лишайников, на воду. Сам он тоже почувствовал, как веки его тяжелеют.

— Да что же это в конце концов? Это странно, наконец!

Увидев, что друг бессильно распростерся на земле, Алглав принялся его тормозить:

— Верагез, вставай! Верагез!

Но тот спал, как и двое сопровождающих. Остальные, даже Вхамо, с трудом боролись с охватившим их оцепенением. Индеец, единственный, кто смог этому противостоять, и Алглав обменялись обеспокоенными взглядами.

— Что это? Что? — повторял Алглав с всевозрастающей тревогой.

Его посетила ужасающая идея, что этот таинственный недуг может оказаться смертельным. Они все пали жертвой еле различимого яда, удушающего газа. Он еще раз встряхнул своего товарища:

— Верагез! Мужайтесь, мой друг!

Но тот даже не пошевелился. Вскоре Вхамо и остальные тоже опустились на землю.

— Но это же ужасно! Может быть, это даже смерть... Такая напрасная, такая непочетная. И мы даже не успели изучить все эти тайны...

Алглав и под гнетом тревоги продолжал оставаться неумно любопытным ученым. И сейчас он больше всего сожалел о том, что потеряет наука, если их экспедиция потерпит неудачу.

Неожиданно он почувствовал, что кто-то его трогает за руку. Это был индеец, спасенный от ягуаров. Другой рукой он указывал на какой-то бугорок в отдалении. Алглав пошел в указанном направлении и уселся на

холмик, все так же предаваясь тоске и тревоге. Но не прошло и минуты, как он почувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Разум был снова ясным, и перед его взором теперь не было и следа тумана.

— Спасибо! Спасибо тебе! — сказал он, пожимая руку дикарю.

Тот сделал ему знак слушать и, быстро поднявшись на ноги, подбежал к группе спящих.

Алглав увидел, как тот волочет за собой чье-то безвольное тело. Это был Верагез. Он бросился на помощь индейцу и принялся перетаскивать остальных. За этим занятием Алглав не переставал размышлять о том, что глубоко заблуждался, полагая, будто интеллект индейца уступает его собственному. Должно быть, произошедшее с ними чем-то напоминало удушье, причиной которого является угольная кислота.

— Абориген оказался умнее меня!

По очереди отдыхая и пережидая приступы головокружения, которые следовали за каждым из таких «рейсов», Алглав с индейцем уложили всех на спасительном холмике.

Но выяснилась одна странная и зловеющая деталь: хотя дыхание спутников Англава было нормальным, пульс ровным, никто не проснулся, сколько их не трясли и не кричали прямо в уши.

«Неужели и вправду пары угольной кислоты?» — в отчаянии подумал Алглав.

Сам он, стоя на верхушке холмика, больше не чувствовал усталости, его товарищ, похоже, тоже. Алглав грустно посмотрел на окружающий пейзаж. Инстинктивно он отметил, что его предположение относительно вампиров оказалось правильным. Они повсюду приземлялись на

животных, сосали кровь с невозмутимым спокойствием собственников, имеющих на то неоспоримые права.

«Но почему же звери могут противостоять дремоте, которая сразила нас?»

Задав себе этот вопрос, Алглав заметил, что некоторые животные, судя по всему, располагаются на отдых. Повсюду грызуны и сумчатые укладывались на мхах и зарослях лишайника.

И снова Алглав заметил, что света стало еще меньше.

Неужели здесь тоже наступают сумерки? Имеется ли какая-то связь между ними и охватившим их сном? Но утром, когда корабль плыл в полнейшей темноте, в свете фонаря они постоянно видели разбегающихся зверей.

«Это вовсе не одно и то же... Это было над водопадом... наверху!»

Между тем становилось все темнее и темнее. Вскоре их окружили неясные призрачные сумерки, где вовсю летали вампиры. Тогда Алглав счел своим долгом зажечь электрические фонари на аккумуляторах. Но напрасно он поворачивал выключатели, нажимал на контакты: фонарь не работал.

— Вот несчастье!

Его беспокойство возросло, когда он попытался включить второй светильник. То же самое ждало его и с другими: ни один не работал!

— Это определенно, какой-то магнитный феномен! И, скорее всего, он связан с тем, что свет здесь гаснет. Думаю, последний тоже электрического происхождения.

В отчаянии он снова начал пытаться разбудить своих товарищей. Но, увы, напрасно! В их глубоком сне по-прежнему не было никаких угрожающих симптомов: биение сердца, пульс и частота дыхания оставались нормальными. Алглав не переставал

удивляться: если они с индейцем на этом холме пробудились и восстановили силы, то почему это не происходит с остальными? Что заставляло их так крепко спать?

Тени еще больше сгустились. Теперь Алглав видел только дикаря, стоявшего рядом с ним. Медленным и печальным жестом, жестом прощания, тот взял руку своего товарища по несчастью, на языке которого он не говорил, с которым он даже не смог обменяться никакими определенными мыслями. Дружеская улыбка появилась на широком лице человека из пещерного народа, улыбка, от которой сжалось сердце Алглава.

— Прощай, прощай! — повторил путешественник.

Ответом ему были несколько слогов странного гортанного языка. Они оба стояли в давящих сумерках, неподвижные, слушая отдаленный рокот водопада. В сгустившейся темноте, непроницаемой, будто зловеющие и влажные стены, над ними витала тень медленной смерти.

В свою очередь они тоже ощутили, как их охватывает полное оцепенение.

Что это? Нежное дыхание, трепыхание веера в темноте, вздохи, приглушенные звуки падения?

Алглав подумал об этом, хотя из-за того, что все еще пребывал во власти оцепенения, умственное усилие далось ему с трудом. Наконец медленно, почти с болью он вышел из этой сладостной нирваны.

— Я сейчас умру... Умру!

Он удивился тому, что эта мысль не вызвала у него никакого беспокойства. Его рука пошарила вокруг, нащупала нежный, будто шелковый, мех и в ужасе отдернулась. Он догадался, что

вампиры сейчас приземляются на его спутников и на него, чтобы полакомиться кровью. Алглав захотел подняться, протянул руки, но слабость была так велика, что снова упал и погрузился в глубокий сон, ощущая на своей шее и груди теплую влажную тяжесть, биение сердца зверя, который считал себя королем мироздания, а Алглава — своей добычей.

Прошло какое-то время, невесть сколько долгих часов в темноте. Люди на земле оставались неподвижными — мертвыми или пребывающими в глубоком сне. Но вот один из них встал и улыбнулся, что-то шепча себе под нос. Несколько минут он перетаптывался с ноги на ногу, расталкивал остальных, что-то им хрипло крича, но ему никого не удалось разбудить. Звук его шагов эхом отражался от стен пещеры. Наконец человек быстрым шагом направился в крошечную тьму, откуда доносился неумолкаемый шум водопада.

Еще два часа прошло в глубоком забытии, царящем в пещере. Вампиры и те давно уснули. Теперь здесь царствовала смерть. Казалось, сумерки здесь останутся навечно... Однако вдруг показался слабый свет, звук шагов тоненьких лапок, слышались различимые крики, звуки, словно кто-то обглаживал кости. Случайный наблюдатель сразу догадался бы, что это пробуждение обитателей здесь созданий, приближение радостного природного явления.

Прошел еще час, затем два и три. Наконец слабый свет, сначала подобный легкому туману, затем как свет от тоненького серпа луны, рассеивающий фиолетовые тучи, стал ярче, прекраснее, переливаясь всеми

восхитительными оттенками индиго. В пещерах наступил день! А люди, уснувшие на земле, лежали неподвижно, может быть, умирая. Летучие мыши стали порхать в воздухе, но не приземлялись на лежащих. Вдруг один из людей пошевелился.

Это был Вхамо. Он потянулся, встал, чувствуя себя еще оглушенным. Вхамо пересчитал остальных и заметил, что его собрат-индеец исчез, затем принял с мрачным видом трясти Алглава.

Вскоре тот зашевелился, открыл глаза.

— А... что? Это еще не закончилось?

Он встал, огляделся. Алглав чувствовал себя еще слабым, но не настолько, чтобы быть не в силах идти. Его взгляд со странной нежностью следил за полетом рукокрылых.

— Они попили нашей крови, но не злоупотребили своей властью!

Как бы в подтверждение его слов один за другим начали просыпаться его спутники. Они были слабы и не в состоянии передвигаться. Верагез с изумлением спросил:

— Что случилось?

После объяснений Алглава его удивление стало лишь сильнее, так же, как и радость, что он остался жив.

— Мы слишком слабы, чтобы возвращаться к лодке не перекусив, — наконец заявил он.

У каждого путешественника на шее была маленькая ранка, через которую гигантские летучие мыши сосали кровь. Но нельзя было не отметить умеренность этих зверей. Верагез, Алглав и другие были им за это почти что благодарны.

— Нам необходимо поесть, но у нас закончились все запасы провизии! — объявил один из спутников.

Другой знаком показал, что готов убить какого-нибудь зверя.

— Давайте воздержимся от этого, — объявил Алглав. — Насколько я понял, за это мы можем заплатить своими жизнями. Пойдем обратно. Если свет длится столько же, как в первый раз... — я полагаю, что здесь это происходит периодически — мы можем беспрепятственно добраться до нашей лодки. Но где же твой соотечественник? — спросил он у Вхамо.

— Ушел! — ответил индеец. — Он отправился за помощью, я уверен.

— Я тоже. А теперь в путь!

Х

Хотя маленькая группа была практически лишена сил, в течение первых часов похода все шло хорошо. Продвижение вперед было на самом деле довольно медленным, но, тем не менее, путешественники не теряли времени. Страх подстегивал их, и поэтому каждый старался как мог. Но, в конце концов, страшная усталость дала о себе знать даже у самых крепких. Особенно они чувствовали необходимость восполнить запас сил, компенсировать потерю крови, выработанную вампирами.

Алглав и Верагез подавали пример остальным и словами, и поведением. Тем не менее, пришлось смириться с необходимостью и объявить передышку.

— Господин! — обратился к Алглаву один из самых голодных. — Я вас умоляю, позвольте убить какое-нибудь животное!

Тот хотел было отказать, но вмешался Верагез.

— Мой друг, ну хоть грызуна... А может, нам удастся подстрелить кого-то из сумчатых...

Глядя на их умоляющие лица — бледные, исхудавшие, с глазами, горящими лихорадочным огнем, — Алглав в конце концов согласился.

— Хорошо! Но я не беру на себя никакой ответственности.

Тотчас же четыре человека взяли наизготовку карабины и направились к густым зарослям папоротника. Прошло две минуты, полные томительного ожидания, затем послышался звук выстрела. В следующее же мгновение сверху с грохотом посыпался целый дождь камней и мелкого щебня. Раздался крик боли и, когда облако пыли рассеялось, все заметили, что один из четверых охотников ранен. У него оказалась вывихнута рука. Что же касается сумчатого, в которого тот целился, то животное было даже не задето. Зверь убежал вместе с другими, испуганный не звуком выстрела, а грохотом падающих камней.

— Ну что, у вас еще не пропало желание стрелять? — спросил Алглав у своих спутников.

Все отрицательно покачали головами с самым униженным видом. Верагез обследовал руку раненого. После двадцати минут отдыха путешественники отправились дальше. Все еще тащились, чувствуя себя несчастными, обескураженными, полными ужаса перед этой подземной страной. Теперь она казалась им всем, включая, увы, даже Алглава, только нескончаемым некрополем, откуда им не суждено выбраться. Недавнее происшествие лишь ухудшило их положение. Человек с вывихнутой рукой постоянно отставал от остальных, издавая горестные вздохи, цепляясь за кого-то из своих товарищей, и, в конце концов, упал в обморок. Понадобилось снова остановиться, чтобы привести беднягу в чувство. Другой

путник, растянувшись на земле, заявил, что лучше умрет, чем продолжит этот бесконечный поход. В конце концов, опросив остальных участников этой маленькой экспедиции, Алглав выяснил, что всем требуется достаточно продолжительный отдых. О том, чтобы нести пострадавших, не могло быть и речи. Все находились в одинаково изнуренном состоянии.

«Это конец! — в отчаянии подумал Алглав. — Мы пробудились от оцепенения лишь для того, чтобы умереть от голода!»

В голове у него шумело, перед глазами все плыло. Он чувствовал себя не сильнее остальных, мечтал о том, чтобы поймать какое-нибудь животное, разумеется, не пользуясь огнестрельным оружием. Но вскоре он отбросил эту мысль, решив, что такая попытка вряд ли увенчается успехом и, несомненно, окажется бессмысленной тратой сил.

— Хорошо, пусть так! Такова наша судьба!

Он уселся, продолжая предаваться мрачным мыслям. В его мозгу проносились горячечные видения: прекрасное и удивительно логичное описание «Чудесного мира пещер». Наконец Алглав полностью покорился судьбе и бессильно закрыл глаза...

Пронзительный крик пробудил его от цепкой дремоты и заставил вскочить на ноги. Сперва Алглав увидел Вхамо, который, стоя на каком-то камне, делал ему знаки руками, а затем вдали человеческие силуэты.

— Это люди из его племени! — радостно сказал Вхамо. — Они пришли нам на помощь.

Алглав тотчас же заметил среди них спасенного индейца. Издав

торжествующее «ура», он бросился к ним навстречу. Это было новое торжество жизни: провизия, надежды, дружеское участие.

Пять часов спустя они добрались до лодки, и воспоминания о самой радостной встрече возобладали над смертельной тоской.

XI

Ближе к осени лодка снова рассекла воды громадной реки, на этот раз — в ее низовьях.

Алглав, Верагез и Фюгер стояли на носу корабля, наслаждаясь вечерними сумерками, — благословенный час воспоминаний. Они говорили о чудесной экспедиции, которая благополучно завершилась, о противостоянии, в результате которого они научились обследовать подземные страны, преодолевать или обходить препятствия. Фюгер постоянно перечитывал свои заметки — летопись этого поистине фантастического путешествия. Рядом с ними находились индейцы, которым путешественники были стольким обязаны и которые стали им прекрасными друзьями в радости и в горе.

Наступила лунная ночь, совсем как та, когда они встретили ягуаров.

Вокруг в джунглях бурлила жизнь — плодоносная и опасная, постоянная война, ужас... и свобода, одинаково необходимая как слабым и сильным... А еще — голод, превращающий одно существо в охотника, а другое — в добычу!

Лунный свет высвечивал эту картину потрясающей красоты, изливаясь с бездонного неба на густые джунгли и необъятный речной простор...

СЕРГЕЙ НЕГРАШ

РОНИ-СТАРШИЙ — НЕЗАБЫТЫЙ КЛАССИК

Текст предоставлен издательством Северо-Запад

Парадоксальна судьба Жозефа-Анри Рони-старшего (1856-1940), автора легендарной «Борьбы за огонь». Сразу после смерти его прекратили публиковать во Франции, а литературоведы в 1950-х называли не иначе как «забытым классиком». В СССР в те же годы его книги пользовались успехом. Робер Борель-Рони, внук писателя, потратил немало сил, чтобы вернуть во Франции популярность Рони-старшему, что, в конце концов, ему удалось: с середины 1960-х произведения начали переиздавать, переводить, а через двадцать лет, в 1981, на экранах появился культовый фильм по одноименному роману «Борьба за огонь» Жан-Жака Анно, закрепивший за Рони-старшим статус одного из наиболее известных французских писателей в мире.

С чем же связано, что столь долго имя Рони-старшего находилось в забвении в Европе? Все просто: Рони-старший изначально прославился как автор социальных произведений («Красный вал», «Под гнетом» и др.), которые едва ли не раньше чем на исторической родине писателя публиковали в нашей стране. Пропаганда социализма помогла Рони-старшему донести до отечественных читателей и другие собственные сочинения, тот же исторический роман «Этруская любовь», который, выйдя в 1912 году в «Вестнике иностранной

литературы», к сожалению, более не переиздавался. Любовь же миллионов завоевал поистине культовый «доисторический цикл». Но обо всем по-порядку...

Рони-старший, чье настоящее имя Анри Бекс, начал рано зарабатывать себе на жизнь. Он трудился и наставником, и телеграфистом, но желал иного... Учитывая его революционный настрой, не удивительно, что первый его роман «Нелли Горн из армии спасения» (1886) о жизни бедняков, хоть и был замечен общественностью, но все же фурора не произвел: подобных вещей тогда печатали немало. Зато вышедшая через год повесть о сражениях наших далеких предков с неведомыми разумными «Ксипехузы» была высоко оценена критиками, ее сопоставляли с «Орлей» Мопассана.

Тогда-то и зародились четыре главных направления в творчестве Рони-старшего — социальное, зачастую с описанием литературной жизни Парижа, научно-фантастическое, доисторическое и приключенческое в духе «Затерянного мира» Конан Дойла. И если первое, несмотря на былую актуальность или как раз из-за нее, ждала недолгая жизнь, то все остальные внесли его имя в золотой фонд литературы.

Здесь необходимо упомянуть, что сперва Анри Бекс выпускал

свои произведения под псевдонимом Ж.-А.Рони; когда же в Париж приехал его младший брат *Жюстен Бекс* (1859-1948) и они начали работать в соавторстве, то псевдоним не поменяли. Их сотрудничество продлилось до 1907 года (по другим данным до 1908). Когда же братья поссорились, то один стал Рони-старшим, а второй Рони-младшим... Официальная причина ссоры — не сошлись характерами. Но спустя много лет наследники братьев подчеркивали, что проблема заключалась в ином — почти все соавторские произведения на самом деле написал Рони-младший (тот же «*Вамирэх*»), а Рони-старший выступал в роли редактора, поэтому не правомочно говорить, что кто-то из них был одарен больше, а иной — меньше.

Как бы там ни было, их самый главный цикл — «Дикие времена». Правда, все с ним сложно. Очень сложно. Вот, к примеру, можно ли к нему отнести повесть «*Аборе-волк*» о том, как галлы сражались с Цезарем, видели мамонтов... или нет? По идее, нет...

Наследники Рони-старшего утверждали, что «Дикие времена» — трилогия: «*Борьба за огонь*», «*Пещерный лев*» и «*Хельгор с Синей Реки*». А как же тогда «*Вамирэх*», чьи события происходят приблизительно в то же время? Итак, у нас получается классическая тетралогия, но еще в 1960-х многие доказывали, что это — пенталогия, присоединяли к циклу роман «*Эйримах*» (эта история разворачивается в иные века, нежели базовая тетралогия: уже есть земледелие, рабство, керамика и т.д.). Сейчас

же, вообще, в серию включают все произведения Рони-старшего и Рони-младшего, где так или иначе упоминаются ЛЮБЫЕ дикари...

Но что объединяет все эти книги? Сражения первобытных людей за жизнь: за огонь, за женщин, за земли, с животными. В романе «*Вамирэх*» демонстрируется быт. В «*Борьбе за огонь*», соответственно, битва за огонь. В его прямом продолжении «*Пещерный лев*» — столкновение с дикими животными. В «*Хельгоре*» речь идет о женщинах, это жесткий роман, не детский, кровавый, поэтому его так долго не публиковали на русском... А в «*Эйримахе*» описываются бесконечные свары не только из-за прекрасной половины человечества, но и в первую очередь из-за земель, также автор поднимает национальный вопрос...

Так следует ли считать «*Эйримах*» частью «*Диких времен*»? Да, хоть он и не входит в базовый цикл, но явно к нему примыкает, чего нельзя сказать о той же «*Нимфее*». А вот рассказы «*Доисторические сцены*», «*Путешествие*» и «*Номай*», безусловно, затрагивают ту же эпоху, однако их сюжеты использовались авторами при написании упомянутых выше пяти романов...

Перейдем к приключенческим повестям. В них главные герои, современники Рони, отправлялись в странствия и встречались с дикарями. Такова и «*Нимфея*» (о людях-амфибиях), и популярная когда-то на западе трилогия об искателе приключений Алглаве («*Чудесная страна пещер*», «*Глубины Кийамо*» и «*Сокровища снегов*»), и «*Удивительное путешествие*

Гертона Айронкестля», и большой роман «*Доисторическое приключение*», выросший из повести «*Люди-кабаны*», о том, как дети, путешествуя с родственником, нарвались на кроманьонцев...

Но при жизни приключенческие книги Рони-старшего и Рони-младшего были холодно встречены критикой. Тот же Б.Саломатин утверждал, что они «построены по типу наспех состряпанных фельетонов для дешевых газет». К счастью, история доказала ошибочность этого утверждения, отправив в небытие не приключенческие, а их социальные романы, включая тот же «*Нелли Горн*», который Л.Н.Толстой называл «прекрасным произведением».

Что же касается научно-фантастического блока Рони-старшего, то, пожалуй, его успеху он обязан все той же «*Борьбе за огонь*». Ведь культовую «*Гибель Земли*» Рони-старший создавал по канонам «*Борьбы*», будто бы литературный ответ самому себе: в «*Борьбе*» говорится о начале, в «*Гибели*» — о конце, в

«*Борьбе*» — сражаются за огонь, в «*Гибели*» — за воду. И сага о последних днях человечества получилась прекрасной, поэтической и невероятно трогательной!..

Есть у братьев и другие научно-фантастические книги: «*Загадка драгоценного камня*» о клонировании человека, «*Таинственная сила*» о катастрофе и, конечно же, дилогия о марсианской цивилизации «*Космонавтика*»: «*Навигаторы бесконечности*» и «*Звездоплаватели*» (вторая часть вышла уже после смерти автора, в 1960-м). К слову, нельзя не упомянуть, что самый известный сольный роман «*Загадка «Грозный»*» Рони-младшего — научно-фантастическая утопия.

В заключении отметим, что братья работали и в других жанрах, активно писали эссе, статьи и даже изредка мистические рассказы («*Колдунья*», «*Молодая вамп*» и т.д.). Рони-старший по праву занимает второе место по издаваемости на русском языке среди французских писателей-фантастов после Жюль Верна, при этом многие его труды до сих пор не переведены.

ЖАК

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

АЛЕКСАНДР ЛИДИН, СЕРГЕЙ НЕГРАШ

ВЕРШИНА АЙСБЕРГА

ПЛАЧ О ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО КАНОНАМ ЗАКОНА ОБ
АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Текст предоставлен издательством Северо-Запад

О славы, дивный новый мир, царство света, добра и настоящих специалистов! Давайте оглядимся и поболтаем... нет, не о судьбах интеллигенции, вернее — не только о них. А о книгах — важном элементе, без которого невозможно представить себе целостную картину культуры. Меж тем, в этой самой целостности в России есть чудовищная пропасть. Причина: планида сложилась столь странным образом, что почему-то считается, дескать, наши издатели в 1990-е — начале 2000-х уже выжали все возможное из зарубежной литературы, особенно фантастической. А ведь это далеко не так! Англо-американская фантастика у нас представлена абсолютно уродливым образом. Что не издано? Ответ: около девяноста процентов приличных книг прошли мимо наших читателей.

Возьмем составленный *Айзеком Азимовым*, которому доверяют все, пятнадцатитомник «Золотой век фантастики». Только в первом томе мы насчитали порядка десяти имен, тех, что раньше даже не слышали. И еще порядка десятка авторов, фактически не представленных в России. Итого: из сорока фантастов двадцать на русском не выходили. Посчитать по остальным томам?.. Даже такие писатели, как Азимов, *Вэнс*, *Вогт*

и другие классики у нас целиком не изданы. Причем, ладно бы пропустили какие-то второстепенные произведения, забытые как самими авторами, так и любителями фантастики. Ничего подобного! Где *вэнсовский «Лайонесс»*? Где третий роман «Нуль-А» *Вогта*, а заодно и четвертый, написанный *Джоном Райтом* с разрешения наследников? А *Роджер Вильямс*, а *Яблоков*, а *Фостер* (тот, что Майкл), а *Дорис Писерция*?.. Список этот можно продолжать до бесконечности.

Да что там! Рассмотрим творчество всем известного *Эдмонда Гамильтона*. Уж переводили-переводили, продолжения писали-писали — и, тем не менее, почти половина его произведений отечественному читателю до сих пор неизвестна. Где «Три звездных мушкетера» (точный перевод с оригинала «Три планетера», но в тексте аналог именно с мушкетерами)? Где «Спрятанный мир»? А про его «Космический патруль», открывший дорогу «*Доку*» *Смиту* и другим сочинителям «космической оперы», можно вообще не заикаться. На русском издано две повести из восьми! Не говорим про его малоизвестные романы типа «Озера жизни» или «Огненной принцессы», однако есть роман «Мастер вампиров» и повесть «Деревня вампиров», есть серия повестей героической фантастики о планете Калдар,

где главный герой — прообраз брэккетовского Старка. Вспомним еще фрагментарно изданного «Капитана Будущее»... Вот это Гамильтон!

Публикации за 1990 — 2000 гг. даже не выжимка, скорее — тонкий срез со странным креном в сторону пяти-шести авторов. Кроме того, нельзя не рассказать еще об одном феномене: порой так выходит, что автор не успевает при жизни завершить главное детище. И тогда, если на то его воля, завещает найти кого-нибудь, кто сделает это вместо него, молодого и талантливого. К этим книгам можно относиться по-разному, но, если они написаны в ключе первых томов, то почему бы и нет?..

Терри Биссон дописал второй том культовой дилогии о Святом Лейбовице застрелившегося **Уолтера Миллера-младшего** — «Святой Лейбовиц и Дикая Лошадь», а **Брайан Герберт** и **Кевин Андерсон** цикл «Дюна» **Фрэнка Герберта** — «Дюна 7» (их многочисленные приквелы тактично упоминать не будем). Отечественным читателям и Герберта, и Миллера-младшего повезло — их труды увидели свет у нас. А вот другой вариант — **Роберт Джордан**, чье популярное многотомное «Колесо Времени» закончил после смерти мэтра **Брендон Сандерсон**; его роман-трилогию рано или поздно опубликуют в нашей стране...

Гораздо грустнее обстоят дела с книжками **Мервина Пика** и **Марка Твена**. Пик бился до последнего, пока не потерял рассудок, над четвертым томом «Горменгаста» — «Титус пробуждается», который в итоге написала на основе набросков и черновиков мужа его жена — **Мейв Гилмор**¹. «А

что же, — спросит изумленный читатель, — не так с Марком Твеном?» Все мы хорошо знаем «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», но мало кому известно, что в оные входят ШЕСТЬ романов и вполне законченный рассказ «Школьная горка»², из которого позже выросла вещьца, не имеющая никакого отношения к любимым многими с детства персонажам — «Таинственный незнакомец». Так вот, шестой роман — «Гек Финн и Том Сойер у индейцев», доведенный до ума **Ли Нельсоном**, так и не появился на русском.

И, что самое печальное, перечисленные примеры — это только малая часть. И здесь, как и следовало ожидать, появляются закономерные древние как мир вопросы: кто виноват и что делать? Нет, в издательствах сидят не идиоты, а специалисты, которые, как и все, подчиняются суровому закону жизни — продукт должен продаваться. Поэтому им гораздо выгоднее выпустить очередной современный боевик, чем заботиться о развитии культуры, что ни в коем случае нельзя осуждать. Однако именно это и создает проблему — народ с недоверием относится к тем авторам, о коих не слышан, многие вещи слишком сложны для понимания большинства; что же касается отдельно взятых произведений классиков, то с ними есть трудности, справиться с которыми не так-то просто. Да, это реально, но требует существенных финансовых затрат (и на права, и на перевод, и на издание, и т.д.), а те вряд ли окупятся при сложившейся системе.

¹ Справедливости ради надо отметить, что данный томик обещают издать в России.

² Время, отведенное для одной лекции.

Эх, хочется немного помечтать! Как было бы прекрасно, если бы все отечественные критики, занимающиеся англо-американской литературой, получили должное образование, знали английский язык или хотя бы не стыдились время от времени консультироваться у специалистов, о чем честно сознавались в своих работах; если бы на издателей трудились лишь гениальные подчиненные, разбирающиеся не только в жанрах, но и в том, что и как подавать; если бы переводчики добились права публиковать свои труды и в крупных издательствах, с которыми зачастую подписаны договора у зарубежных авторов (тех самых, текстами которых занимались наши мастера), но и самостоятельными, вполне легально, небольшими тиражами (допустим, до 1000 экз.). Сколько бед и невзгод удалось бы избежать...

А в итоге ныне сложившейся ситуации мы получаем лауну в сто лет. Чем это грозит? Да так, пустяками... Представьте, аналогичный вариант в кальке. К примеру: в Америке 80 лет — стальной занавес, и вот они начинают издавать русскую литературу согласно нынешнему закону об авторских правах. Да, **Толстой**, **Достоевский**, **Чехов** и прочие будут напечатаны. Но кто станет читать тех же **Чернышевского** и **Гончарова**? А ведь и они внесли свой вклад в то, что мы громко называем — Русская Литература. Так вот, как бы некоторым не хотелось приуменьшить значение англо-американской фантастики прошлого века, но она сыграла важную роль в истории развития литературы. Да, в России

к ней относятся несерьезно из-за стереотипов, сложившихся под воздействием идеологии коммунистической партии. Но теперь-то, когда все стереотипы отброшены, и Микки-Маус наравне с Чебурашкой стали частью нашей культуры, хотелось нам этого или нет...

И все же, что мы имеем? Авторов, зачастую не знающих истории жанра, в котором пишут; безобразные издания, как например то же «Число зверя» **Хайнлайна**, где для того, чтобы понять книгу нужно написать два тома комментариев. Нет, конечно, можно пойти более простым путем, откастрировать современную литературу до полного небалуйся. Зачем вам игра слов? Зачем некие ассоциации, которые должны возникнуть у читателя? (Будем читать «Мастера и Маргариту» понятия не имея о содержании Нового Завета!) Вот вам чтиво, и хавай пипл! Зато есть закон об авторском праве и можно посудиться, выясняя, кому же принадлежит название «Село Гадюкино», потешить свой издательский «гондурас». А потерянные 80 лет развития литературы? Да кому оно нать! Сами лучше напишем. А давайте разрабатывать новые компьютеры, даже не понимая, как работают старые. Детали — вот они, и поскакали, а принципы работы... в нашей стране оно лишнее. Главное, чтоб разъемы совпадали и работало.

Кстати, все это касается не только фантастики. Вся англо-американская литература точно в таком же положении.

Кроме того, хочется еще немножко поговорить о законе, об авторском праве и... монополиях. Но...

оставим в стороне борьбу за местом за прилавками книжных магазинов. И разберемся с современными переводами. С ними складывается до боли смешная ситуация. Итак: издательство покупает у автора книгу для перевода. Права на эту книгу теперь на какой-то срок принадлежат издательству. Дальше заключается договор с переводчиком, и он по заказу делает перевод — это интеллектуальная собственность переводчика. Издательство выпускает книгу, перевод из любительского переходит в разряд профессиональных. Дальше издательство хочет переиздать книгу и предлагает переводчику... копейки или совсем не платит (далеко не всегда, но такие прецеденты известны). А переводчику и деваться некуда, потому как перевод — его интеллектуальная собственность, только права на оригинал — интеллектуальная собственность издательства, и переводчик не может

издать эту книгу без разрешения на данный текст. И что делать владельцу интеллектуальной собственности — перевода (который, к слову, порой много лучше оригинала)? Идти на поклон к монополистам и умолять хоть что-то заплатить за проделанную работу и интеллектуальную собственность, которая ему принадлежит согласно все тому же закону?..

Вот вам и закон об авторском праве, который непременно нужен, но не в кальке международного закона, а с пониманием условий России, стального занавеса и так далее. И сочинять его должны не безграмотные юристы и политики, а реальные, ныне живущие авторы и переводчики с тем, чтобы было удобно для всех...

И всяк бы узрел, какова на самом деле во всей красе литература, величественный айсберг, у которого непрофессионалам видна только вершина.

Александр Лидин

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ФАНТАСТИКИ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ НА ПРИМЕРЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ФЭНТЕЗИ

ФРАГМЕНТ. ВСТУПЛЕНИЕ, 1-я и 2-я ЛЕКЦИИ

Текст предоставлен издательством Северо-Запад

«Зачем Автору фантастики знать историю жанра? Что нам это может дать?» — спросят многие прославленные писатели. Что ж, ответ на этот вопрос очень прост. Наша страна находилась за железным занавесом в то время, как во всем мире фантастика как жанр развивалась и совершенствовалась. Потом прошел безумный книжный бум. На прилавки выплеснуло поток плохо переведенной, не системно изданной англо-американской фантастики, где преимущество отдавалось не достойным авторам, а тем, кто так или иначе «засветился» во времена СССР. Картина, которая получилась в результате такой издательской политики, оказалась поистине чудовищной. Часть авторов стала популярна не из-за качества их произведений, а из-за удачных переводов. Творчество других оказалось освещено невероятно однобоко. Я не говорю о массе литературных приемов, которые на Западе год от года развивались и совершенствовались.

После всплеска американской начался всплеск отечественной фантастики, которая по большей части столь беспомощна, что об этом не хочется говорить. И самая большая беда наших авторов в том, что каждый начинает с нуля изобретать велосипед вместо того, чтобы внести свою посильную лепту в развитие жанра...

Данные лекции не просто излагают историю фантастической литературы, а скорее, анализируя творчество наиболее характерных для жанра авторов, выявляют в их произведениях именно те грани, которые составляют краеугольные камни того или иного жанра. К сожалению, за полтора часа¹ невозможно рассказать о всех нюансах того или иного направления или поджанра, однако можно дать общее представление и заострить внимание на отдельных авторах, творчество которых каждый может изучить самостоятельно.

Первый блок лекций будет состоять из обзора поджанра наименее известного российскому читателю — героического фэнтези.

Все приемы, которые я описываю, позаимствованы из методик различных американских литературных курсов².

¹ Время, отведенное для одной лекции.

² В отличие от России большая часть начинающих писателей за рубежом изначально заканчивает литературные курсы, чтобы получить диплом о том, что его научили писать. Впервые столкнувшись с этим в Германии, я был поражен. Встретившись с одним своим старым знакомым немцем, который знал, что изначально у меня техническое образование, я упомянул, что у меня недавно вышел новый роман, на что у меня тут же поинтересовались, а когда я успел «выучиться» на писателя, какие курсы заканчивал и т.д.

Лекция 1.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ.

Прежде чем начать разговор о героическом фэнтези, мне хотелось бы остановиться на двух антагонистических понятиях, без которых говорить о фэнтези, а тем более о героическом фэнтези, невозможно. Назовем их условно «экшен» и «литературой глазного нерва».

«Экшен» — это текст, почти лишенный описательных прилагательных, текст, в основе которого лежит существительное и глагол. Такой текст при наличии достойного сюжета активно работает с фантазией читателя, заставляя его додумать за автора, набрасывающего картину лишь грубыми мазками. Здесь очень важна игра глаголом, который одновременно придает существительному тот или иной оттенок.

Типичным представителем литературы «экшен» является повесть Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ»¹. Произведение написано с минимальным количеством прилагательных. Прочитав его, непонятно ни как выглядел капитан Сильвер, ни Билли Бонс, ни сколько же лет главному герою Джиму. Однако это несколько не смущает читателя, так как Стивенсон правильно подобранным глаголом подталкивает его в нужную сторону, и каждый видит ту картину, которую хочет увидеть.

Вот как описывает Стивенсон Сильвера: *«Из боковой комнаты вышел человек. Я сразу понял, что это и есть Долговязый Джон. Левая нога*

его была отнята по самое бедро. Под левым плечом он держал костыль и необыкновенно проворно управлял им, подпрыгивая, как птица, на каждом шагу. Это был очень высокий и сильный мужчина, с умным и веселым лицом. Ему, казалось, было очень весело. Посвистывая, шнырял он между столиками, пошучивал, похлопывая по плечу некоторых излюбленных своих посетителей». Как видно, Стивенсон использует прилагательные только в одном предложении. Больше в романе описаний Сильвера нет. А вот, к примеру, портрет Билли Бонса: *«Это был высокий, грузный мужчина с обветренным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного кафтана. Руки у него были в каких-то рубцах, ногти поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто... И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказам нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце... Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил*

по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали».

Прямым антагонизмом «экшен» является «литература глазного нерва», книги, в основу которых ложится видео или звуковой ряд. Эти книги наиболее сложны в переводе, так как требуют особого подхода. Сюжет в них уходит на второй план, выдвигая вперед видеоряд.

Таковы, например, некоторые ранние романы С. Кинга (*Stephen King*), где сюжет прост, но читателя завораживает сама обстановка, диалоги героев, описания, а не перипетии сюжета. В том же «Хладбище домашних любимцев» (*Pet Semetary* 1983) (именно «Хладбище»; девочка пишет на заборе вместо «Кладбища» [*Cemetery*]) — «Хладбище» [*Semetery*]: а ведь и сам роман называется [*Pet Semetary*]). Но оставим в стороне бездарных переводчиков, которые не только не придумали аналог тейксасского акцента, но и название не смогли нормально перевести (существует еще более уродливый перевод названия «Кладбище домашних животных», но ведь на том «Хладбище» хоронят не только животных, а любимцев семьи), а вернемся к самой книге. Ее сюжет для более чем четырехсот страниц убогистого английского шрифта предельно прост, но автор — поэт глубинки Америки, создает непревзойденной силы картину, используя исключительно описания и языковые изыски речи колоритных персонажей. А игра слов, где «Оз — Великий и Ужасный», превращается в кусочную «Ос Веикую (звук икания)

и Ушастую»... К сожалению, примеры из Кинга привести сложно, так как даже хорошие переводы весьма далеки от оригинала.

Другой типичный пример литературы «глазного нерва», это творчество Лина Картера (*Lin Carter*), но о нем мы поговорим чуть позже.

Теперь, определив два основных подхода, вернемся к Героическому фэнтези. Термин этот придумал и впервые использовал Фриц Лейбер (*Fritz Leiber*). Но зародился поджанр много раньше. Многие (например, Де Камп (*L. Sprague de Camp*)) относят к одному из предтеч героики... Жан-Жак Руссо, который еще в 1755 году опубликовал «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми». Вот что он пишет о Руссо в предисловии: *«Европейские мореплаватели открывали тогда острова южных морей и присылали домой идеалистические, но приукрашенные фантазией и нереалистичные описания жизни полинезийцев. Эти описания были восприняты как аналоги рыцарского романа. Они изображали туземцев как настоящих «благородных дикарей». Литераторы тех лет постоянно делали сверхлюдей из индейцев и других варваров»*. А далее в своей литературной обработке приводит несколько рассказов своих современников.

На рубеже XIX–XX веков, когда пик технической революции миновал, авторы приключенческих романов стали искать новых героев. Многие обратились назад к природе, отвернувшись от Молоха, порожденного их же цивилизацией. Среди героев Майн Рида, Купера и Хаггарда появились благородные варвары, которые порой давали сто очков вперед любым благородным дворянам. Варварам был

¹ Здесь и далее я, приводя примеры, по мере возможности пытаюсь использовать произведения, известные российскому читателю.

присущ некий «кодекс чести», что в реальной жизни практически невозможно. Прямой противоположностью этому можно считать произведения Джека Лондона, где человек, уходя от цивилизации в леса, облагораживался. Как писал С. де Камп: «В 1890-х годах стремление назад к природе, эта романтическая иллюзия о первобытном золотом веке проявилась в популярных произведениях Джека Лондона и Редьярда Киплинга. Герой Киплинга Маугли — идеальный благородный дикарь». Подчеркивая благородство варвара, дикие звери, наделенные у Киплинга речью, часто и нелестно комментируют поведение цивилизованных людей, в лучшем случае сравнивая их с «неразумными бандерлогами».

Кстати сказать, эти тенденции наблюдались не только в англо-американской литературе. Во Франции идеализировал доисторические времена Жозеф Рони-старший в своих знаменитых романах о первобытных людях. В Германии господствовал Карл Май с благородным Виннету.

Но, естественно, самым известным из героев-варваров стал Тарзан.

Одновременно с популярностью произведений о варварах набирали популярность и всевозможные мистические истории. Варвары, постепенно превращаясь в сверхгероев, искали новые площадки для своих подвигов, искали новых врагов. Ну что такое стадо слонов, лев-людоед или негодяй в духе Николая Рокова (агент ЧК, бывший царский шпион — главный противник Тарзана в первых романах цикла). И оба эти течения, схлестнувшись на страницах журнала «Сверхъестественные истории», породили героическую фэнтези. Кроме того,

формат журнала диктовал определенную форму данных произведений.

Так что же, собственно, называется «героической фэнтези» или «литературой меча и колдовства»? В основе большинства произведений подобного жанра лежит очень простая схема.

Некий герой, обладающий сверхсилой или какой-то сверхспособностью, но в рамках разумного, встречает вековечное Зло (обычно имеющее мистическую составляющую) — именно это отделяет «героическую фэнтези» от классической Берроуэзины — и, как говорится, «пришел, увидел, нарубил». Однако, чем чудовищнее чудовище, чем героичнее герой, тем более велик подвиг. Кроме того, формат журнальных публикаций определил вид произведений. Обычно это повесть из коротких главок, каждая из которых являет собой отдельную картинку, которые в целом складываются в единое повествовательное полотно.

Поэтапное движение к этой схеме отлично можно проследить по эволюции произведений Роберта Говарда (Robert E. Howard) — зачинателя жанра. В первом мини-сериале Говарда о волке-оборотне «В лесу Вильфер» («In the Forest of Villefere», журнал «Weird Tales», август 1925) и «Волкоголовый» («Wolfshead», журнал «Weird Tales», апрель 1926) намечены лишь общие черты героя. Это, скорее, мистические истории в духе ранних публикаций «Сверхъестественных историй» («Weird Tales»). Но уже в 1928 году появляется повесть, которую можно назвать первым произведением в жанре героической фэнтези, правда, тут нет ни варвара, ни мистического Зла, хотя атмосфера до предела напряженная. «Красные тени» («Red Shadows», журнал «Weird

Tales», август 1928). Пираты, Африка, чудовищная обезьяна, месть... Да и сам герой, хоть и назван автором пуританином, на самом деле рыцарь без страха и упрека, по замашкам — настоящий варвар. Обнаружив незнакомую умирающую девушку, он отправляется на край мира — в экваториальную Африку — на поиски ее убийцы. Явно видно влияние Берроуэза, к тому времени уже невероятно популярного, но сам подход совершенно иной. Каждая из пяти глав — отдельное действие. В первой главе главный герой Соломон Кейн находит умирающую девушку, во второй — логово пиратов, причем во второй главе внимание акцентировано на главаре бандитов. Третья — Африка и так далее... И в финале совершен подвиг — убит бандит, убита гигантская полуразумная обезьяна, перед которой не мог выстоять ни один воин. Фактически, это могла быть очередная повесть о Тарзане, если добавить туда описательную часть, дописать лакуны в тексте, расцветить Африку, добавить второстепенных героев и хотя бы схематично прописать их биографии. Тогда получился бы текст, достаточно близкий к классическому приключенческому Берроуэзу.

Однако первым произведением, построенным по классическим канонам «героической фэнтези», стала повесть о короле Кулле — «Королевство теней» («The Shadow Kingdom», журнал «Weird Tales», август 1929). Здесь, впервые в творчестве Говарда, появляется король-варвар. И тот же самый стиль изложения, рваные главы, каждая из которых — отдельная сцена, героическая картина.

Если же говорить в целом о творчестве Роберта Говарда, то нужно сказать, что именно такой подход он

использовал и в других своих произведениях: рваный стиль, отчасти картонные герои и негодяи. Быть может, поэтому в части сборников Роберта Говарда под общей вывеской «героическая фэнтези» есть и исторические, и приключенческие, и даже боксерские рассказы...

И все же гораздо интереснее проанализировать, почему такой автор как Роберт Говард, человек практически без образования — чего стоят его исторические ляпы! — получил всемирную популярность, о которой нынешние авторы могут только мечтать? Что вознесло его на вершину литературного Олимпа? А все очень просто. Один из исследователей творчества Говарда — Пауль М. Саммон (Paul M. Sammon) достаточно точно охарактеризовал завораживающий стиль техасского гения: «Предсказуем в определениях и непредсказуем в глаголах». Говард не выдерживал четко стиля «экшн», но, судя по всему, сам, увлекаясь собственным повествованием по мере написания, оставлял лишь самый необходимый минимум прилагательных, с легкостью используя выразительные глаголы. Причем подбор прилагательных был удивительным. Кстати, работая над первыми книгами Говарда при переводе на русский язык, часть переводчиков использовала тот же принцип...

Наверняка, многие из тех, кто смотрит телевизор, знают удивительную игру «100 к 1». Суть игры в том, что ста людям на улице задают один и тот же дурацкий вопрос. Например: «Кто муж снежной бабы?» Записывают ответы. А участники телеигры должны отгадать самый популярный ответ. Теперь представьте себе текст, где автор играет выразительными

глаголами, а прилагательные использует по принципу чемпиона «100 к 1». Способ составления подобного текста приводит в одной из своих статей в фензине «Амра»¹ («Amra») Лин Картер. Для создания подобного текста нужно лишь выписать наиболее типичные для подкормки читателей прилагательные. К примеру, если у героя древний меч, то он может быть:

Тяжелым,
Длинным,
Старым,
Острым (или зазубренным),
и так далее.

Каждое из прилагательных выписывается на отдельной бумажке. Прилагательные к каждому из значимых предметов (географических названий) складываются в отдельные стопки и так далее, причем прилагательные из отдельных стопок не должны повторяться. Дальше пишется обычный текст, после чего, перечитывая, автор вставляет нужные прилагательные, которые подчеркивают ту или иную сцену. Когда такой текст будут читать, то при удачном подборе прилагательных, у читателя заработает... подсознание. Читатель, автоматически натываясь на те же определения, которые он, скорее всего, сам придал бы данному предмету, будет читать быстрее, а, кроме того, текст окажется более легким для восприятия, более захватывающим.

Кроме того, есть и вторая причина популярности Роберта Говарда — социальная среда. В те времена — начало Великой Депрессии — под натиском прогресса растрепалась личность как таковая, и общество потребовало от литературы

создания идеальных героев, соперживая которым можно вырваться из тисков повседневности.

Если окинуть взглядом приключенческую и фантастическую литературу той поры, легко назвать имена, оказавшие наибольшее влияние на творчество Говарда. В конце 1920-х американцы уже полюбили произведения Э.Р.Берроуза и Г.Р.Хаггарда, однако не вышел из моды и Джек Лондон. И вот на стыке этих двух направлений и находится творчество Роберта Говарда, который, используя приемы короткого лондонского рассказа и сильно упрощая образы (персонажи у него, в основном, картонные), перенес действие на фантастический фон, чтобы подвиги героя казались поистине героическими.

Героическое фэнтези было необходимо обществу, разувверившемуся в Великой Американской Мечте, воспетой Джеком Лондоном; обществу уставшему от чудесных сказок Берроуза и Кляйна (*Otis Adelbert Kline*). А приключенческие романы Эмара, Буссенара и Жюль Верна уже начали выходить из моды — нельзя очаровать человека страной, куда за неделю можно доплыть на пароходе. Тем более, что темпы развития «диких» стран были просто невероятны.

И вот на страницах журнала «Сверхъестественные истории», где печатались такие известные авторы фэнтези и научной фантастики как Г.Ф.Лавкрафт (H.F.Lovecraft), Л.Дансени (L.Dunseny), К.Э.Смит (K.A.Smith), О.Кляйн и Э.Гамильтон, появилась плеяда могучих героев Говарда. В бурном водовороте смешались реальность и вымысел. Даже в произведениях о Конане сквозь тонкую вуаль сказки проглядывают

реальные страны, история которых хорошо известна. Однако за счет фэнтезийного искажения они приобретают своеобразный загадочный колорит, не уводя в сказку как Барсум Берроуза, но и не забрасывая своих героев в Индию, куда можно съездить без особых хлопот. Впрочем, в творчестве Говарда есть и исторические, и приключенческие рассказы.

Любопытно, что в нашей стране Говард стал популярен по той же самой причине, что и некогда в Америке.

Поначалу отечественный фэндом принял произведения Говарда в штывки. Дело в том, что в середине 1980-х существовал самиздат не только политической литературы, не вписывающийся в рамки «социалистического реализма», но и самиздат детективов и фантастики. В один из последних таких каталогов (составитель Виктор Климов, 1989 год) было включено несколько произведений и о Конане. Однако все эти переводы были далеки от совершенства, и любители фантастики сторонились «этой низкопробной макулатуры, которую могут читать только умственно отсталые». Большая часть фэнов обходила Говарда стороной, ища в литературных произведениях не полет фантазии, не динамику действия, а социальную сатиру. Например, «военный лагерь имени Льва Троцкого» из романа Гарри Гаррисона «Билл — герой галактики» (*Harry Harrison «Bill, the Galactic Hero»*) приводил фэнов в восторг, и, хотя сюжет книги был отнюдь не «антисоветский», она все равно становилась популярной.

Когда грянула Перестройка, читатели быстро насытились политизированной сатирой. Кроме того, на полках появились неизданные

ранее романы М.Рида, Л.Буссенара и других. Но взлет приключенческой литературы, впрочем, как и политизированной фантастики, оказался недолгим.

Произошло то же, что и на Западе в 20-30х годах прошлого века. Если раньше для российского (тогда еще «советского») читателя озеро Чад, например, могло с равным успехом находиться как в Африке, так и в другой галактике, то с открытием границ наша страна за несколько лет прошла весь период познания мира, на что свободным странам в начале XX века потребовалось несколько десятилетий. А то, что принято теперь называть книжным кризисом фантастики, на самом деле было всего лишь периодом переориентации.

Темы, годившиеся для общества, сдавленного тисками социализма, не устроили свободный социум. Изменились люди, изменились вкусы. В книжных магазинах появилась зарубежная фантастика, изданная хоть и бессистемно, но во всем своем пестром многообразии. И тогда Говард выкристаллизовался из ряда авторов и стал популярен у нас, особенно его серия о Конане. Она увела читателей в тревожный мир, где, в отличие от реального с помощью чести и стального клинка герой с характером джентльмена Вирджинии середины XIX века (и не важно, кем был главный герой в рассказе — индейцем, варваром-киммерийцем, атлантом, пиктом, кельтом, викингом) побеждает типичных злодеев самого разного толка.

За свою короткую творческую жизнь с 1925 до 1936 года Роберт Ирвин Говард создал несколько

¹ Амра (гиб.) — Лев (прозвище Конана).

мини-сериалов классического героического фэнтези:

Соломон Кейн
Король Кулл
Бран мак Морн
Конан

В первом случае, как я уже говорил, — это герой-пуританин, переходный вариант, который ближе к героям Берроуза. Король Кулл — бывший варвар, ставший королем и осуществляющий правление с помощью силы и варварского кодекса чести. Одна из повестей о нем, правда, изданная лишь через много лет после смерти автора, так и называется «Сим топором я буду править» («*By This Axe, I Rule*», 1967). При жизни же Говарда о короле Кулле было издано всего две повести: «Зеркала Тузан Туна» («*The Mirrors of Tuzun Thune*», журнал «*Weird Tales*», сентябрь 1929) и «Королевство теней» («*The Shadow Kingdom*», журнал «*Weird Tales*», август 1929). Кроме того, Кулл является второстепенным героем рассказа «Короли Ночи» («*Kings of the Night*», журнал «*Weird Tales*», ноябрь 1930). Тут, несмотря на то, что рассказ является одной из историй о пиктах, Мак Морн (*Bran Mak Morn*), король пиктов, борется против завоевателей — легионеров римской империи.

Надо сказать, что рассказ «Короли ночи» во многом характерен для творчества Говарда. Как человек не слишком образованный, Говард в своем творчестве чаще использовал мифологемы, а не научные факты. Кстати, это еще один штрих к его творчеству и одна из тайн феномена его популярности. Многие, особенно российские писатели, скажут, что нужно досконально изучить разные исторические аспекты той эпохи, о которой вы собираетесь писать, и

только потом, опираясь на исторические факты... Я, естественно, не призываю никого писать «развесистую клюкву», но... Посмотрим на проблему с другой стороны. Говард писал «развесистую клюкву». Даже знаменитая говардовская Гиборианская эра (*Hyborian Age*), которая у нас почему-то превратилась в Хайборейскую, клюква еще та. Географические названия Говарда — смесь реальных и нереальных, а статья Говарда о Гиборианской эре — верх исторической безграмотности.

С другой стороны, все, что придумал Говард, — отражение тех взглядов, которых придерживалась большая часть публики, покупавшей «Сверхъестественные истории» («*Weird Tales*») — журнал, который читали между делом, в транспорте, для развлечения. А теперь представим, что Говард стал бы писать историческую правду, выписывая реальные исторические детали. Да, от этого повести его стали бы только лучше, получили бы вектор исторической достоверности. Вот только как это сказалось бы на популярности автора? Ведь проще читать то, о чем хорошо знаешь, то, в чем уверен, чем, читая книгу, пытаться по-другому переосмыслить свое мировоззрение, отвлекаться на какие-то детали, которые, быть может, покажутся вам на первый взгляд нелепыми. Возьмем популярную мифологему о том, что «бананы растут на пальмах». Естественно, это чепуха, но так до сих пор считает довольно большая часть населения. Теперь, пишем «экшн», где по той или иной причине автор походя должен упомянуть растущие бананы.

В одном случае он пишет, что они растут на пальме, в другом — на

траве. В первом случае неграмотный читатель спокойно съедает «развесистую клюкву», «продвинутый читатель» посмеивается над нерадивым, «безграмотным» автором и ленивым редактором.

Во втором случае (бананы растут на траве) «продвинутый читатель» отметит грамотность автора, а вот «непродвинутый» споткнется, собьется с ритма повествования, и, чтобы этого не случилось, автору нужно дать некое, хотя бы минимальное пояснение, которое автоматически ляжет отступлением и снизит внимание читателя к основному сюжету.

Конечно, есть определенный риск, что, прочитав про бананы на пальмах, «продвинутый читатель» отбросит книгу, но... Если книга интересная и сюжет лихой, он продолжит чтение и те положительные эмоции, которые подсознательно возникнут у него при осознании своего превосходства над автором, в целом сыграют скорее положительную, чем отрицательную роль.

Кстати подобной «развесистой клюквы» полным-полно у того же Жюль Верна и Майн Рида, но... вернемся к героике. Это книги не о пальмах и не о выращивании бананов, а посему... Пусть каждый автор решает сам, нужно ли это ему, однако такой прием существует и, как показала практика, часто используется в любой остросюжетной литературе, начиная с романов про Джеймса Бонда и заканчивая фэнтезийными сагами.

В итоге: герой — благородный варвар, воспеваемый обществом, сознательная и бессознательная работа с прилагательными и «развесистая клюква», замешанные на захватывающем сюжете, — вот рецепт

популярности Говарда. Естественно, ныне, почти через сто лет, данный рецепт, взятый один в один, не срабатывает, но... об этом чуть позже.

За свою недолгую жизнь Говард издал 21 произведение (рассказы и повести) о Конане. Самым крупным является роман «Люди черного круга» («*The People of the Black Circle*», журнал «*Weird Tales*», сентябрь-октябрь-ноябрь 1934). Для знающих английский я бы предложил сравнить три издания этого романа. Возьмите издание в «Гном пресс» («*The Gnome Press*») или «Лансер» («*Lancer*»), издание в редакции Спрэг де Кампа и Лина Картера и редакцию Карла Эдварда Вагнера (*Karl Edward Wagner*) в «Дональд М. Гранд Публишер Инк» («*Donald M. Grand Publisher, Inc.*»). Если у Говарда (в том варианте, что был напечатан в журнале «*Weird Tales*») используются популярные прилагательные, Спрэг де Камп и Лин Картер расцвелили текст Говарда, сделав текст «более художественным», заменив популярные прилагательные более изысканными синонимами, то Вагнер, наоборот, убрав прилагательные, приблизил текст к стилю «экшн».

Тем не менее, все три варианта оказались проверены временем, однако читатели (и издатели), судя по изданиям 1990–2010 годов, предпочитают Говардовский вариант, а не «Лансеровский» (Спрэг де Камп и Лин Картер) и не вариант Вагнера, а варианты «Баллантин (Дель Рей) букс» («*Ballantine (Del Rey) books*») и классическую «Зебру» («*Zebra*»), хотя «Лансеровский» вариант наиболее полный. В нем Спрэг де Камп и Лин Картер дописали историю Конана, отчасти заполнив лакуны в биографии героя, так как рассказы самого Говарда относились

к разным периодам жизни Конана и лишь частично соотносились друг с другом.

«Конан жил, любил и воевал в вымышленной Говардом Гиборианской эре, 1200 лет назад, между погружением в океан Атлантиды и началом известной нам истории. Гигантский варвар-авантюрист из отсталой Киммерии, Конан пересекает реки крови и побеждает любых врагов, чтобы стать, наконец, правителем цивилизованной Аквилонии».

А всему творчеству Роберта Ирвина Говарда наиболее полную оценку дал Г.Ф.Лавкрафт:

«Трудно точно сказать, что так выразительно отличало рассказы Говарда от рассказов иных авторов. Но главный секрет таков: в каждом из них независимо от того, писалось ли это произведение на продажу, или нет, автор оставил частичку себя. Он был выше меркантильных соображений. Даже там, где он явно поддавался на уговоры своих искушенных в денежных делах издателей и критиков, он оставался собой, а сила и щедрость его таланта придавали неповторимое своеобразие всему, что выходило из-под его пера... Под его пером люди и события всегда обретали черты жизненности, реальности... Ни один писатель, пусть даже самого скромного масштаба, не может быть хорошим писателем, если он не относится к своей работе серьезно. Роберт Говард именно так относился к ней... То, что такой мастер ушел в небытие тогда, когда легионы борзописцев и графоманов творят бессмысленных вампиров, вурдалаков, космические корабли и описывают оккультные преступления, воистину печальное доказательство существования иронии Вселенной»

ЛЕКЦИЯ 2.

ГРАНД МАСТЕР ГЕРОИКИ.

Несмотря на то, что Говард фактически создал героику, одним из наиболее значимых авторов этого направления, тем, кто собственно и сформировал «условия игры», стал Лин Картер — один из тех авторов, кому очень не повезло на российском рынке. Две трети его книг, вышедших на русском, очень далеки от оригинала, но об этом чуть позже.

Итак, Лин Картер родился в 1930 в... Санкт-Петербурге — маленьком городке во Флориде. С 1951 по 1953 отслужил в Корее, после закончил Колумбийский университет. Два раза женился: в 1959 (брак продлился всего год) и 1963 (развелся в 1975).

Наиболее известной и классической является его «сага о Тонгоре из Валькаров» («*Saga Thongor of Valkarth*») — удивительно поэтическая серия романов, написанных в 1965-1970 годах («*Wizard of Lemuria*», 1965 («Колдун Лемурии», другое название «Тонгор и колдун Лемурии»); «*Thongor of Lemuria*», 1966 («Тонгор из Лемурии», другое название «Тонгор и драконий город»); «*Thongor Against the Gods*», 1967 («Тонгор против богов»); «*Thongor in the City of Magicians*», 1968 («Тонгор и город магов»); «*Thongor at the End of Time*», 1968 («Тонгор на краю времени»); «*Thongor Fights the Pirates of Tarakus*», 1970 («Тонгор и летающие пираты Таракуса»). К сожалению, большая часть читателей не оценила данные произведения, хотя сага выходила на русском дважды: в издательствах «Азбука» и «АСТ». Как и в любой книге «глазного нерва», Лин Картер делал упор в первую очередь на поэтичность повествования,

а не на сюжет. Это и погубило книгу на российском рынке. Однако, если вдумчивый читатель (будущий писатель) заглянет в книгу, он обнаружит, что любой роман серии имеет идеальную конструкцию классической саги. Каждая глава — отдельное приключение. Это подчеркивается тем, что в оригинале (в отличие от перевода) нет номеров глав, только названия. Сюжет прямолинейен: герой совершает подвиг за подвигом и, в конце концов, спасает землю от пришествия Повелителей Хаоса, вызванных на Землю разумными рептилиями (королями-драконами), которые в еще более древние времена, до появления Человека, повелевали Землей. Победа Тонгора изначально предопределена, хотя ему приходится делать невероятные усилия, чтобы победить. Читатель, любящий хитросплетения интриг может счесть такую прямолинейность за примитивизм, но на самом деле это не так. Вместо того, чтобы заставлять читателя вникать в хитросплетения взаимоотношений выдуманных героев, автор создает волшебное-поэтический мир. Проза Картера (я имею в виду оригинал, а не перевод) местами напоминает белый стих. Это всего рода ода первобытной силе, поэма в прозе, о стремлении человечества к свободе и самоопределению.

А что касается перевода... Произведения вроде романов Лина Картера, имеющих аллюзии с многими шедеврами классической литературы, нужно переводить очень осторожно. Уберите поэтичность из брэдберевских «Марсианских хроник» (Ray Bradbury «*The Martian Chronicles*» 1950)... Или возьмем, к примеру, Хайнлановские «Холмы

Земли» (Robert Heinlein «*The Green Hills of Earth*» 1947) в переводе Вениамина Липмоновича Кана. Уберите поэтику. О чем рассказ? Да в принципе ни о чем. Однако он пленяет, прежде всего, своей поэтичностью. Поэтому перевод «в лоб» подобных произведений невозможен, а при существующем отношении к переводной литературе и нынешнем уровне финансирования получить сагу о Тонгоре в адекватном виде на русском весьма сомнительная перспектива.

Второе достижение Лина Картера в саге о Тонгоре заключается в том, что при написании он одновременно использовал и методы Говарда (то, что касается героичности героя и пр.) и методы Берроуза — в тексте то и дело встречаются самопридуманные автором слова для обозначения того или иного понятия. *Сарки* вместо *джеддаков* и так далее, добавляя экзотики в повествование. Подобный метод очень эффективен, но нужно помнить, что ни в коем случае нельзя переборщить. Читатель не должен запутаться в самопридуманных названиях (максимум 5 самопридуманных слов на авторский лист (40 000 знаков)), кроме того, чтобы читатель легко воспринимал подобное сочинение, Лин Картер предложил три правила, на мой взгляд, весьма разумных.

Выписывайте все придуманные слова и термины на отдельный листок в алфавитном порядке и постарайтесь сделать так, чтобы на каждую букву было примерно равное число придуманных слов.

Прежде чем использовать придуманное вами слово, фонетически обкатайте его — произнесите вслух сто раз, и вы почувствуете, как оно должно звучать на самом деле.

Периодически используйте в тексте общепринятый синоним придуманного слова, тогда читателю будет легче ориентироваться в тексте, если он невнимательно прочел тот фрагмент, где вы впервые использовали данный термин.

Кстати, это касается и имен героев. Нехорошо если имена большей части ваших героев будут начинаться на одну и ту же букву. Этим страдают очень многие переводы. То, что в иностранном языке пишется и звучит по-разному, в русском может оказаться близким по звучанию или нести некий двойной смысл. Если брать кальку, то, к примеру, возлюбленную Тонгора зовут Сумия, переводчик переделал в Соомию, придав имени финский оттенок, чего, конечно, Лин Картер в виду не имел. Обратившись к другим авторам мы можем найти у Муркока (*Michael Moorcock*) Зайра-зину (Зайру в русском варианте) и красавицу Морду у Танит Ли (*Tanith Lee*), которая Мордой и осталась.

А вот как определил положение серии о Тонгоре в литературе писатель Анатолий Юркин: «В романном цикле о Тонгоре доисторическая Лемурия выстроена по художественным законам, открытым Флобером. Присмотритесь. Картеровская столица Патанга — это зеркало флоберовского Карфагена. Внимательнее взгляните в значки на карте придуманных миров. Как известно, Лемурия — это «Атлантида до Атлантиды». Флоберовская квазиисторическая Северная Африка соседствует с затонувшей Лемурией. В этом смысле творчество двух разноязычных демиургов имеет ряд любопытных параллелей. Картеровский стереотип и вообще художественная плоть фэнтези могут

и должны рассматриваться показательным примером эксплуатации великого открытия. Флобер открывал, придумывал и советовал. Картер итожил, развивал и обобщал. Если не сказать больше: Картер встроил флоберовскую кисть в конвейерную цепь Форда. Американский племянник французского отшельника сумел вбить художественный мир «Саламбо» под мягкую «баллантайновскую» обложку. Любите вы Картера или нет, знаете вы об его романах или нет, но Картер — это флоберовская тень, дотянувшаяся до 1970-х годов».

Еще отдельно хотелось бы сказать о стихах — эпиграфах к каждой главе. В английском они звучат поэтично, в русском варианте — по меньшей мере глупо. Нужно иметь как минимум талант Владимира Высоцкого, создавшего «Марш космических негодяев», который гармонично вписывается в нашу культуру, а не звучит пафосно, как перевод стихов в Тонгоре. А по методу некоторых переводчиков передавать техасский диалект в русском варианте как нижегородское оканье, по меньшей мере, глупо. Кстати, именно по этой причине при подготовке тома Лина Картера «Исполни последних дней» (АСТ, 2003) в романе «Поиски Каджи» («*The Quest of Kadji*», 1971) я убрал стихи.

Возвращаясь же к саге Лина Картера о Тонгоре, который на Западе считается классическим романом романтической поэтики (он входит в обязательную программу изучения ряда университетов) хочется сказать, что даже в отвратительном переводе начинающий автор героики может многое почерпнуть для себя из этой книги.

Заканчивая же разговор об этой серии, хочется отдельно остановиться

на одном рассказе. Все дело в том, что кроме основных романов существует еще шесть рассказов о Тонгоре, действие которых происходит до событий, описанных в первом романе саги. В целом, согласно саге, Тонгор, как и Конан, — единственный выживший из своего клана. В юности он подрывается и разбойником, и пиратом, и искателем приключений... Быть может, со временем Лин Картер и собрал бы все рассказы о Тонгоре вместе в единый том, как, например истории про Келлори («*Kellory the Warlock*», 1984), но, увы, они существуют в разрозненном виде¹.

Так вот, на мой взгляд, наиболее интересен рассказ «Черный лунный свет» («*Black Moonlight*», 1973). Сюжет прост. Пираты во главе с Тонгором на галере «Черный Ястреб» прибывают к острову Зоск, где спрятаны сокровища. Первым на остров отправляется молодой воин-разведчик... и пропадает. Не дождавшись его возвращения, пираты высаживаются на остров... Весь рассказ разделен на крошечные главы и, если в романах каждая глава — законченное приключение, то здесь каждая глава — картинка, прописанная почти белым стихом. В рассказе чуть больше авторского листа — 10 глав! Строки Лина Картера буквально заворачивают: «Капитан «Черного Ястреба» ничего не

ответил. Влажный ветер поймал и, словно крылья, развернул его черный плащ. Под плащом пират был полуголым. Его бронзовое тело вздувалось мускулами, словно у молодого гладиатора. Черные, как грива вандара, и густые, не знавшие гребня волосы разметались по широким плечам, обрамляя суровое, бесстрастное лицо, широкоскулое, чисто выбритое. Сейчас капитан казался угрюмым. Под сдвинутыми черными бровями сверкали похожие на львиные, странные золотистые глаза. Лишь немногие из рожденных в городах могли выдержать этот угрюмый взгляд, и только единицы могли выстоять в битве против капитана пиратов. Вопреки холодному ночному ветру его прекрасное тело покрывали лишь ремни — одеяние лемурийского воина, тяжелый изукрашенный кушак на бедрах и алая набедренная повязка. Он был варваром из холодных северных земель, лежавших по другую сторону гор Моммара, и для него вечер казался знойным... Для пиратов Таракуса, для своих приятелей, капитанов Красного Братства, он был Конгримом с «Черного Ястреба». Но на самом деле звали его Тонгор».

Если же вернуться к российским читателям, то им наиболее известны произведения Лина Картера в серии «Конан», которыми он, по большей части в соавторстве со Спрэггом де Кампом, заполнял лакуны в саге о Великом Воителе. Так как Лин Картер по-прежнему использовал поэтику, то в русском варианте эти произведения отличаются некой искусственностью.

Говоря о творчестве Лина Картера необходимо упомянуть три, на мой взгляд, проходные серии: «Каллисто» («*Kallisto*», 1972-1978), «Зеленая звезда» («*Green Star*», 1972-1976) и «Зантодон»

¹ Ныне данный том, где собраны все рассказы о юности Тонгора, уже вышел. В эту книгу («Юный Тонгор», «*Young Tongor*», 2012) кроме нижеперечисленных рассказов вошли ранее не публиковавшийся рассказ Лина Картера «Существо в могиле» («*The Creature in the Crypt*»), а также два рассказа Роберта М. Прайса (Robert M. Price) «Серебряная тень» («*Silver Shadow*», 1998), и впервые опубликованный рассказ того же Прайса «Повелители разума из Лемурии» («*Mind Lords of Lemuria*»).

(«Eric Carstairs of Zanthodon», 1979-1982). Первая чистая «берроузятина» в духе Оттиса Кляйна и Экерса (Балмера) (Alan Burt Akers (Kenneth Bulmer)) с элементами, навеянными Картеру службой в Корее. «Зеленая звезда» — «берроузятина» с данью Блаватской, а Заутодон — аналог Пеллюсидара Берроуза. Все три серии — приключенческая фантастика с элементами героики. Кстати, очень показательно было бы сравнение этих книг Лина Картера с аналогичными произведениями Майкла Резника. Я имею в виду диалогию о Ганимеде, написанную в 1968 году «Богиня Ганимеда» («The Goddess of Ganymede», 1968) и «Поиски на Ганимеде» («Pursuit on Ganymede», 1968). Творчество Резника во многом совершенно противоположно творениям Лина Картера. Резник — автор «экшен». Он описывает действие, почти отвергая поэтику, и... во многом проигрывает. Его «Богиня Ганимеда» откровенно скучна и примитивна, хотя в ней определенно видна рука начинающего мастера. Тем не менее, против многократно изданного и переизданного Лина Картера единственный тираж серии из всего двух книг у Резника смотрится весьма убого.

Пиком же творчества Лина Картера стала серия «Терра Магика» («Terra Magica», 1982-1988). Четыре рыцарских романа о параллельной нашей Земле, где нашли отражение большая часть мифов и легенд средневековой Европы и «Тысяча и одной ночи». Сам Картер так определяет придуманный им мир: «Терра Магика — мир, параллельный нашему, чья история стала источником и материалом для наших мифов, эпосов, легенд и сказок».

Здесь тоже хорошо заметно влияние Флобера. Поэтический текст в данном случае стилизован под рыцарский роман. Как пишет сам автор в прологе: «Возьмите молодого, красивого рыцаря и отправьте его в путешествие... а потом добавьте: Дракона, который сидит на Краю Мира в ожидании вкусной закуски — рыцаря... **Обнаженную принцессу**, которую привязали к столбу, чтобы принести в жертву морскому змею... **Рыцаря из Тартарии**¹ в Летящем саду... **Могущественного колдуна**, который тоже любит путешествовать... **Разозленного ифрита**, жаждущего отомстить... **Фею-крестную** с острым язычком и неустойчивой психикой... Отправьте их в мир Терра Магики, по ту сторону мира Терра Когнита²... И взболтайте этот огненный коктейль. В результате получится удивительная фантастическая история, наполненная тысячей чудес, достойная пера лишь гранд мастера героического фэнтези, а посему позвольте подробнее представить действующие лица...»

Приключения героев приковывают внимание скорее не изощренной интригой, а ловкостью, с которой Лин Картер использует различных мифических персонажей, начиная с классического дракона и Бабы Яги и заканчивая такими экзотическими

¹ Тартария — термин, использовавшийся в западноевропейской литературе в период Средневековья и вплоть до XIX века предположительно для обозначения Великой степи — некогда входивших в состав Золотой Орды обширных территорий между Европой, Сибирью, Каспийским морем, Аральским морем, Уральскими горами и Китаем.

² Terra Cognita — (лат.) Земля Познанная.

существами как мелюзина¹, катоблепас² и сэнмурв³. По языку во многом перекликаясь с творениями Л. Дансени и Дж.Кэбелла (James Cabell) эти произведения, с одной стороны, являются собой героическое фэнтези, с другой — поэтику, восхваляющую волшебное, необычное, то, что с развитием цивилизации утратило человечество. Но здесь обилие удивительных названий не столь сильно режет слух лишь потому, что они не придуманные, а реально существующие и уровень восприятия текста зависит от образованности читателя. Однако и в этом случае автору приходится делать сноски, комментируя некоторые названия. Я бы назвал эту фэнтези интеллектуально-героической. Кроме того, в лиричность повествования добавлены отдельные юмористические ноты, которые, не превращая роман в юмористический, лишь оживляют повествование, делая текст много легче для восприятия, чем произведения того же Кларка Эштона Смиты или Кэбелла.

¹ Мелюзина — фея из кельтских и средневековых легенд, дух свежей воды в святых источниках и реках. Часто изображалась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с крыльями, двумя хвостами. Выходит замуж за смертного, поставив ему условием, чтобы он никогда не видел её в зверином обличье. Когда он застаёт её в таком виде, бросает его.

² Катоблепас — легендарное существо из Эфиопии, описанное сначала Плинием Старшим. Катоблепас имеет тело буйвола и глаза свиней. Его взгляд или дыхание может либо превращать людей в камень, либо убить их.

³ Сэнмурв — в иранской мифологии крылатый морской пес, тело которого покрыто рыбьей чешуей (облик символизирует господство сэнмурва над тремя стихиями — землей, водой и воздухом)

«Столетия прошли с тех пор, как звук иной, чем шум стонущего ветра, нарушал тишину, царившую здесь, на Краю Мира. Но вот отдаленный стук копыт разбудил дремлющего дракона, и теперь тот лежал, прислушиваясь.

Стук копыт означал коня, а конь, в свою очередь, подразумевал присутствие человека. А человек для создания из драконьего племени, особенно такого, как Дзорауг, означал Пищу. Дракон открыл левый глаз, наполнив пещеру алым светом. Поместив его сюда, в Начало, так, чтобы он Вечность охранял мост, перекинутый через звездную бездну; мост, соединявший этот мир и следующий, Боги позаботились, чтобы дракон никогда не испытывал чувства голода. Как раз над входом в пещеру дракона они вырастили дерево дедаима, чьи ветви, большие напоминали кости скелета. Это дерево родило ужасные плоды — головы людей. Не то, чтобы дракону нравились только головы, но Дзорауг никогда не был голоден. Однако однообразная диета надоела дракону. Иногда он грезил, и в его снах появлялись аппетитные человеческие руки, ноги и даже ступни.

Поэтому стук копыт, раздавшийся у самого Края Мира, прямо над пещерой, очень заинтересовал Дзорауга. Его интерес вызывало все, что могло разнобразить обеденное меню. Так что дракон открыл второй глаз, высунулся из логова и потянулся вверх по ступеням узкой тропинки, которая вела от порога его пещеры к Краю Мира, расположенному чуть выше.

Второй необычный глаз дракона наполнил пещеру красноватым мерцанием. Искорки заиграли на тяжелых золотых кольцах и старинных монетах с картушами фараонов, забытых еще в

эру Ниневии¹ — правителей, названия династий которых сохранились лишь в истории. Монеты сверкали на горах и горстях драгоценных камней — их были многие тысячи: алмазы и рубины, топазы, жемчужины и аметисты, изумруды и опалы, сапфиры и гранаты, и еще много разных драгоценных камней, не известных ученым, изучающим минералогию. Весь пол пещеры дракона был усыян сокровищами. Гемм, корон и слитков тут было без счета. Великий дракон обычно лежал и дремал, свернувшись кольцами на своем богатстве, словно несущка на яйцах. На холодном каменном полу настоящий дракон спать не мог.

А то, что дракон услышал дальше, ничуть не напоминало стук копыт. На самом деле Дзорауг не удивился бы, если бы всадник проехал мимо, отправился бы на север в Империю Святого Джона или на юг, может статься в далекий Китай — царство великого Хана. Но больше всего дракон хотел, чтобы всадник спешил, повесил поводья коня на уродливые, мохнатые корни дедаима, нависшие над Краем Мира, а потом по опасной дорожке спустился бы прямо в пещеру дракона...

Дзорауг терпеливо ждал. Очень много времени прошло с той поры, как кто-то навещал логово одинокого дракона на самой границе Терра Магики — мира, который лежал так близко к нашему, словно две страницы одной книги, чью историю и географию смутно видят наши поэты, мечтатели и рассказчики в своих самых крепких снах.

«Этот последний гость был героем... как там бишь его звали? Точно не Зигфрид². Что-то с буквой «т» в середине», — думал дракон. Но как звали того героя он не помнил, слишком давно это было. Но его череп и одна из погрызенных берцовых костей лежали в углу пещеры под грудой монет...

Третим знаменитым сериалом Лина Карта стала сага «Гондвана» («*Gondwana*», 1969-1978). Причем, что удивительно, сначала Лин Картер написал последний роман саги «Исполин последних дней» («*Giant of World's End*», 1969), а потом, через пять лет, начал писать сагу с первого романа «Воин на Краю времени» («*The Warrior of World's End*», 1974). И, хотя первый роман был напечатан на русском, по нему сложно судить о серии в целом. В сериале «Гондвана» Лин Картер нарисовал удивительный мир далекого будущего, где воедино смешалась научная фантастика, героическое фэнтези и черный юмор. В итоге получилась гремучая смесь научной фэнтези³ по своему разнообразию и изощренной фантазии много превосходящая произведения Джека Вэнса «Умирающая Земля» (*Jack Vance «The Dying Earth»*) и Майкла Муркока «Рунный Посох» («*The History of the Runestaff*», 1967-1975). Лин Картер не заботится о том, чтобы выстраивать объяснение смешению колдовства и науки, то есть, по сути, это серия

² Зигфрид, Сигурд (др.-исл. Sigurðr, от sigr — «победа») — один из важнейших героев германо-скандинавской мифологии и эпоса, герой «Песни о Нибелунгах».

³ Научное фэнтези — поджанр, который требует особого разговора и не имеет никакого отношения к тем бездарным толкованиям, которые использовал ряд отечественных критиков, даже не знающих английского языка.

определенно фэнтезийного толка. Каждая часть любого романа (кроме последнего в серии) описывает приключения героя в определенном месте — в государстве с удивительным социальным устройством — пародией на определенный уклад жизни. Генелон Сереброкудрый совершает путешествие по повелению Богов. Несмотря на мрачный мир во всех книгах, точно так же, как в серии «Терра Магики», достаточно велика юмористическая составляющая. Взять хотя бы посещение героями музея, где хранятся мечи всех реальных и вымышленных великих героев древности и всех героев придуманных. Там есть даже Морозный огонь¹ и Коготь Фафхрда, Буреносец и Горюн² — Эльрика и так далее. Кстати, если рассматривать героическое фэнтези как таковое, то наиболее знаменитые его авторы пишут, вплетая в повествование элементы или юмора, или хоррора.

Тут, возвращаясь к жанровому разграничению, необходимо сделать маленькое отступление.

Многие любители фантастики, особенно в то время, когда в нашей стране только ждали первые КЛФ, спорили о разграничении таких жанров как фэнтези (кстати, это словечко перекочевало к нам из-за океана и означает что-то вроде «фантазии, сказки для взрослых») и научная фантастика, но так и не

пришли к единому мнению. Боюсь, что какой-нибудь фэн, прочитав эти строки, скажет:

— Да чего тут спорить! Итак, все ясно! Если красивая девушка идет по мегаполису на далекой планете, на поясе у нее висит бластер, а на поводке она ведет ручного тираннозавра — это научная фантастика. Если же девушка идет по средневековому городу, на поясе у нее волшебный меч, а на поводке она ведет ручного дракона — это фэнтези.

Но...

Не все так просто. Какая разница, существует в придуманном автором мире колдовство или нет? Все дело в том, как автор его преподносит. В произведениях жанра фэнтези многие вещи происходят исключительно потому, что автору хочется, чтобы было так, а не иначе. И объяснение существует — колдовство, да и только. Попал герой в безвыходную ситуацию, не сам, конечно, попал, а при помощи крайне нерадивого автора, и тут же приходит волшебник. Крибле-крабле-бумс! Читателю «бумс» стопудовой гирей по голове, а герой спасся. В научной фантастике все должно подчиняться физическим законам, и автор согласен их придерживаться. Но порой встречается та же самая ситуация: у героя внутренних резервов не осталось, и вдруг появляется научно-фантастический аналог чародея: всеми забытый, но очень добрый робот, инопланетяне, разумная компьютерная программа (нужное подчеркнуть). Бумс! И герой спасен, точно так же, как в произведениях фэнтези. Многие из мэтров советской (язык не поворачивается назвать ее русской) научной фантастики stanno утверждать, что рассмотренные

¹ Клинок варвара Кутара, главного героя саги Г.Фокса (Gardner F. Fox «Kothar» 1969-1970).

² Что до перевода названий клинков Эльрика, то существуют разные варианты. Мне ближе этот, хотя это тема для отдельного разговора.

примеры относятся исключительно к дешевой литературе, которую и литературой-то назвать нельзя. И опять-таки хочется поставить «но» и многогочие.

Чтобы разобраться в этом хитро-сплетении жанров, введем некое понятие, аналога которого в русском языке пока не найдено. В китайском языке есть такое словечко — «ци», означает оно внутреннюю энергию чего-либо. Так вот, каждая книга — конечно, речь идет о хороших книгах, а не о многочисленной макулатуре, ныне наводнившей прилавки книго-торговцев, — каждая Книга (Книга с большой буквы) обладает собственным «ци». Во время чтения у вас создается особое настроение; следя за сюжетом, вы попадаете в некий мир, где все подчиняется специфическим законам, и «ци» книги, то «ци», что вложил в нее автор, воздействует на вас определенным образом.

Но вернемся к фэнтези и научной фантастике. Если «ци» фантастического романа, хоть он и называется научно-фантастическим, создает у читателя ощущение нереальности, сказочности, то зачем считать его «научным»? Заменим говорящую голову мертвеца на сверхразумный компьютер, а ракетоплан — на колдовские ворота между мирами. Если, читая произведение, вы попадете в сказку, то книга обладает «ци» сказки, то есть — фэнтези, пусть даже герои говорят на хакерском жаргоне, а действие происходит в киберпространстве (вот еще один термин, который можно перевести примерно как «тридевятое царство, тридесятое государство»). Теперь попробуем совершить подобное преобразование на конкретном примере. Возьмем

знаменитых «Звездных королей» Гамильтона. Взмах волшебной палочки — далекое будущее изменилось на иной, естественно, колдовской мир. Вместо ракетопланов летающие корабли в лучших традициях русских народных сказок. Сверхоружие Империи превратилось в гром-камень, испускающий луч Хаоса. Звездные пейзажи сменили панорамы морских просторов и экзотических островов. Вот вам и роман фэнтези. А теперь попробуйте ту же трансформацию провести в «Космической одиссее» Артура Кларка (*Arthur C. Clarke «2001: A Space Odyssey»*). Не получится! Или, если вы все же станните упорствовать и введете для магии множество ограничений, необходимых для того, чтобы сохранить сюжет, ваша книга станет научной фантастикой. Слишком много условий игры придется учесть, слишком детально придется прорисовать мир. Вы создадите Вселенную с иными физическими законами, и колдовство — один из них. А все потому, что роман изначально обладал «ци» научной фантастики.

Приведу еще один пример. Все фэны читали знаменитые «Девять принцев Амбера» Роджера Желязны (*Roger Zelazny «Nine Princes in Amber», 1970*). К какому жанру отнести эту книгу? Нет, увы, не к фэнтези, как подумали многие из вас. Желязны создает слишком рациональный мир, где все подчиняется заранее оговоренным правилам. Тут нет места «чуду» как таковому. Сугубо рациональное «ци» книги превращает вроде бы в фэнтезийную серию в произведение научной фантастики.

Что же до серии «Гондвана» Лина Картера, то, говоря о ней, я хотел бы выделить некое направление

фантастики, которое, насколько мне известно, до сих пор отдельно не рассматривалось. Условно можно назвать его «творение стран». Очень многие авторы создают вселенные, но мало кто на протяжении одного произведения демонстрирует множество стран с самым удивительным жизненным укладом. Один из таких «творцов» — Лин Картер, другой — Дж.Вэнс, произведения которого, в частности, «Мир плавучих театров» (*«Showboat World», 1975*) во многом созвучен «Гондване». У Вэнса герои — актеры плавучего театра — путешествуют по бесконечной реке в мире «Большой планеты» (*«Big Planet», 1952*, один из много раз изданных в России романов Вэнса), ставя «Макбет» Шекспира. Но так как вдоль реки живут люди совершенно разных религиозных конфессий (*с ума сойти, автор текста путает «концессию» и «конфессию»!*) и уклад их жизни совершенно разный, владелец плавучего театра всякий раз переделывает несчастного Шекспира сообразно новым условиям, порой превращая знаменитую трагедию в пьесу абсурда. Подобный забавный прием использовал и Фармер в серии «Мир Реки» (*Ph.J. Farmer, серия «Riverworld»*), и Дэйв Волвертон в серии «Змеиная хватка» (*David Wolverton, серия «Serpent Catch»*).

И еще, говоря о серии «Гондвана», хотелось бы упомянуть о «триединстве героя» (термин впервые прозвучал в одном из интервью К.Саймака (*C. Simak*)). Почему в сериях «Гондвана» и «Терра Магия» (*«Terra Magica»*) Картер ушел от единого героя (естественно, со спутниками) к нескольким героям? Обычно один герой используется автором либо при линейном повествовании, где суть характера

героя — уплощенная картонная ма-рионетка (как, например, во многих произведениях фантастики 30-40х годов прошлого века), либо при усложнении романа, фактически превращении его в псевдореалистическое повествование, что практически невозможно сделать при написании фэнтези, а, тем более, героического фэнтези. Одна из задач автора — провести героя через определенные испытания, чтобы выявить те или иные стороны его характера. Но если автор героики (да, в принципе, и любой развлекательной литературы) попробует создать объемный персонаж, ему придется использовать затяжки текста, лирические отступления и прочее. Динамичный текст перестанет быть таковым, станет резаным, рваным. Как же быть? Делать плоских героев? Однако если взять разноплановых героев, которые по очереди при тех или иных обстоятельствах будут выступать на передний план, возможно сохранить динамику. Кстати, этот прием использует Толкин (*J.R.R. Tolkien*) в своем знаменитом «Властелине Колец» (*«The Lord of the Ring», 1954-1955*). Он идет даже дальше: вторая книга трилогии разделена на две примерно равные части, в одной из которых описаны приключения одних, а в другой — других героев. В фильме эти линии смешали, но в книге абсолютно четко видно, как меняется ритмика и тональность повествования при переходе от одной части к другой.

Того же принципа придерживается и сам Клиффорд Саймак. Многие из его романов («Зачарованное паломничество» (*«Enchanted Pilgrimage», 1975*), «Игрушка судьбы» (*«Destiny Doll», 1971*)) построены по принципу квеста,

где к нескольким героям по мере их продвижения к некой цели присоединяются другие. В итоге мы имеем не просто героя и его спутника, а целый набор картонных персонажей, чья примитивность незаметна читателю из-за их обилия и разнообразия. И не стоит путать это с книгами, где действует набор штампованных героев, которых едва можно отличить друг от друга, как, например, в «Сокровищах Громовой Луны» («*Treasure on Thunder Moon*», 1942) Гамильтона.

Так вот, используя прием «триединства», Лин Картер в «Гондване» не просто описывает приключения своих героев в различных фантастических условиях и государствах. Он то и дело вытягивает на первых план одного из них. Только посмотрите насколько они разные:

ГЕНЕЛОН СЕРЕБРОКУРЫЙ — бесполоый воин-гигант, сотворенный богами.

Иллюзионист из Нерелона — маг и технар

Девушка-рыцарь (не путать с амазонками) Ксарда — скорее лирический персонаж, чем воин.

Разумная медная птица типа Феникс, на которой, собственно, и путешествуют герои.

Если бы Лин Картер использовал одного героя, то в угоду одному из качеств (героичности, лиричности, саркастичности и т.д.) пострадали бы остальные, тем более, что и в реальной жизни угрюмый воин вряд ли станет остроумно шутить, и, более того, не сможет превратиться в романтического любовника. Именно в этом беда героев Говарда, потому как, если воин нарубил пару дюжин противников, не негодяев, а тех, которые просто «под руку подвернулись», а потом пустился в «телячьи нежности»

как самый изысканный джентльмен... Верится с трудом! Точно так же как в принцесс, которые предпочитают изысканности дворцов шатер без удобств. Конечно, с любимым рай в шалаше, но...

Чуть особняком стоит удивительная книга Лина Картера «Мир, затерянный во времени» («*Lost World of Time*», 1969). Сюжет прост: на древнюю Империю, наследницей которой является юная красавица, надвигается орда варваров. Главный герой-варвар («дер барбариян»¹) лихо, в одиночку уничтожает большую часть вражеской орды, устроив обвал. Все предельно просто, но Лин Картер превращает каждый эпизод романа в удивительную картинку достойную кисти Фразетты (*Frank Frazetta*), точно прорисовывая происходящее. Каждый фрагмент текста — отдельная сцена, а вместе они, как стеклышки калейдоскопа, складываются в самую что ни на есть простую историю. Кстати сказать, подобный способ написания использовал в героической фэнтези и Джеймс Силк (*James Silk*). Собрав все картины и наброски «Рогатого черепа» (героя картин Франка Фразетты), выстроив определенный видеоряд, он создал удивительную серию романов о великом воине, дух которого с помощью рогатого черепа поработила злая красавица-колдунья. Ныне существуют и комиксы о Рогатом Шлеме, но, когда Силк начинал писать свою пенталогию, ничего подобного не было, существовало лишь

¹ Забавный термин, обозначающий воина-варвара, появился в среде кинолюбителей Ленинграда и Москвы, когда в подпольном прокате появился фильм «Конан-варвар». Кассета ходившая по рукам была дублирована с немецкой копии и в титрах было написано «Конан — дер барбариян».

несколько картин Франка Фразетты и с десяток картин его подражателей с образом непобедимого воина с горящими глазами и в рогатом шлеме на голове. Силк же на основе этого образа создал довольно сложные по сюжету романы, используя методы Лина Картера. Эти книги, несмотря на не слишком обильную событийную часть, получились довольно пухлыми, Силк по примеру Картера буквально перенес в текст вселенную Франка Фразетты, связав многие его картины, даже не касавшиеся «Рогатого шлема» в единое фэнтезийное полотно. Лин Картер, выделяя некую центральную деталь (несколько деталей), закручивает вокруг них повествование. В первой главе романа «Мир, затерянный во времени» первый блок — ключевая фигура Принцессы Алар, второй блок — история королевства (царства), третий — история столицы царства великого Халсадона. И если добавить поэтичность, то, фактически, мы получаем роман-калейдоскоп, сложенный из отдельных картинок.

Те же, но менее ярко выраженные приемы Лин Картер использует при написании романов «Башня на краю времени» («*Tower at the Edge of Time*», 1968), «Пламя Ираса» («*The Flame of Iridar*», 1967), «Башня Медузы» («*Tower of Medusa*», 1963) (хотя последний по форме н-ф).

Заканчивая разговор о фэнтези Лина Картера, непременно хочется упомянуть и одну его незаконченную серию «Куликс» («*The Chronicles Kylix*», 1971-1984) — это серия романов, действие которых происходит на планетах скользящих вокруг звезды Куликс. Что характерно, структура каждой из книг этой серии построена иным способом.

«Поиски Каджи» («*The Quest of Kadji*», 1971) — роман из картинок.

«Колдун Зао» («*The Wizard of Zao*», 1978) во многом напоминает книги серии «Гондвана», где компания разномастных героев путешествует по фэнтезийному миру, сталкиваясь со всевозможными социальными образованиями.

«Чародей Кэллори» («*Kellory the Warlock*», 1984) — роман из эпизодов-картинок, очень близкий по стилистике к произведениям Роберта Говарда. Он даже печатался вначале отдельными частями, и лишь потом — целиком. Крошечные части, каждая — отдельное приключение (всего 7), крошечные главы, каждая — картинка. Это история мести мальчика, который не смог стать воином из-за изувеченной руки и стал чародем, а потом отправился в путешествие по миру в поисках заклятия, с помощью которого он сможет уничтожить своих врагов.

Рассмотрим подробнее структуру последней книги. Первая часть (или первая повесть). Сюжет: мальчик с изуродованной рукой пробирается в замок колдуна, чтобы стать его учеником. Объем текста — чуть более авторского листа (около 50 000 знаков). Часть делится на 7 глав, каждая из которых — отдельная картинка. Названия глав — скорее подпись под нарисованной автором картиной:

1 глава. На огненной горе.

2 глава. Огненный мост (дословно «Горящий мост»)

3 глава. Проспект автоматов (дословно «Дорога, по обе стороны которой стоят автоматы»)

4 глава. Коридор крови

5 глава. Трон спящего.

6 глава. В ловушке.

7 глава. История Келлори.

Или вторая часть, которая издавалась отдельно в сборнике «Мечи против завтрашнего дня» (сб. «*Swords Against Tomorrow*», составитель Robert Hoskins, 1970). Тут названия глав менее очевидны, но, тем не менее...

1 ГЛАВА. ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА (ПРИНЦЕССА В ПЛЕНУ ВАРВАРОВ)

2 ГЛАВА. ЧЕРНЫЙ ВОЛК (ПОЯВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ КЭЛЛОРИ).

3 ГЛАВА. «МЕНЯ ЗОВЕТ МЕСТЬ!»

4 ГЛАВА. ПУТЕШЕСТВИЕ К ЧЕРНОЙ РЕКЕ.

5 ГЛАВА. ПОЛЗУЩАЯ СЛИЗЬ

6 ГЛАВА. ДОЛИНА ТИШИНЫ.

7 ГЛАВА. ТЕМНАЯ ЦИТАДЕЛЬ.

8 ГЛАВА. ШЕПЧУЩАЯ ТЕНЬ.

9 ГЛАВА. БИТВА В ПОЛУМИРЕ.

10 ГЛАВА. ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

Любители остро закрученных сюжетов могут объявить: примитив, можно не читать. Но с тем же успехом можно и альбомы живописи не открывать. А фильмы фэнтези можно вообще не смотреть, потому как ясно: наши победят. Но подобные фильмы собирают кассы благодаря видеоряду, а не сюжету. В этом они во многом созвучны прозе Картера.

Кстати сказать, образ колдуна Кэллори в чем-то очень похож на образ муркоковского Эльрика, но не столь пародиен и противоречив. Кэллори — суровый колдун, который вечно чувствует бессилие, но в итоге выигрывает все поединки и выкручивается из всевозможных опасных ситуаций, будь это древний дух, чудовище пустыни или варвары, пленившие красавицу. Забавно и то, что один из городов романа называется Киев, хотя кроме названия никаких аналогий со столицей Украины больше нет.

Еще в серию «Куликс» входят «Наивеличайшие еретики Оолимара»

(«*The Higher Heresies of Oolimar*», 1973) и «Странные обычаи Турджана Сераада» («*The Crious Custom of the Turjan*», 1976) — две первые повести, которые должны были совместить «творение стран» с рваным повествованием из картин, в котором участвует группа героев. В этих повестях (а точнее, отрывках из будущего романа) Картер словно пытается собрать воедино все свои приемы. К сожалению, эта книга так и не была дописана мастером, хотя с точки зрения развития она могла стать вершиной литературного творчества Лина Картера.

Всенепрерывно хотелось бы остановиться и на Марсианском цикле: «Человек, который любил Марс» («*The Man Who Loved Mars*», 1973), «Долина, где время остановилось» («*The Valley Where Time Stood Still*», 1974), «Город вне мира» («*The City Outside the World*», 1977) и «Вниз к морю, лишенному солнечного света» («*Down to a Sunless Sea*», 1984) (кстати, в отличие от русского перевода на английском эти названия звучат как строки стихов. Вслушайтесь: «*Сити оутсай зе волд*», «*Даун то э санлесс сиа*»). Почти стихи!

Сама же серия по сути посвящена Марсу Ли Брекетт¹ — писательнице, которая оказала на всю современную фантастику влияние, сопоставимое с влиянием Брэдли и Хайнлайна. И одного из ее величайших достижений — Марсу Джона Старка (*Eric John Stark*), которому посвящена большая часть ее творчества. Марс Лина Картера очень похож на Марс Ли Брекетт, но автор этого и не скрывает, делая посвящение на одном из романов «Ли

¹ Кстати, мало кто знает, что 2-ая серия «Звездных войн» снималась по сценарию Ли Брекетт, который дорабатывал Лоуренс Кэйдан.

Брекетт, потому что это история в ее духе»

Ли Брекетт же превратила Марс в Дикий Запад, куда по мановению волшебной палочки автора перенеслись загадки и артефакты Древнего Египта. Но если у Брекетт произведения все же ближе к литературе «экшен» — небольшие повести, как и у любого мастера «папи»¹, то Лина Картер превратил эти повести в романы. Здесь есть некая древняя загадка, враги (как природные, так и естественные), красавица, любви которой в результате правильных поступков добивается герой. И, как у Брекетт, марсиане Картера больше всего напоминают индейцев, живущих согласно кодексу благородных героев. В этом Картер несколько не отступает от канонов стандартной героики, и, хотя романы по сути своей н-ф, они пропитаны сказочным «ци» — бескрайние пустыни надежно скрывают свои секреты от земных исследователей и искателей приключений. Сногсшибательные красавицы, благородные герои и мерзкие бандиты... Кроме того, в каждом романе есть некая идея (сверхзадача). Обычно это достижения древней марсианской цивилизации, вокруг которых завязан весь сюжет...

Несколько отдельно от всего остального творчества Лина Картера стоит роман «Тара из сумерек» («*Darya of the Bronze Age*», 1981), здесь автор попытался совместить свой иллюстративный стиль повествования с элементами «берроузятины», приправленной обильной порцией эротики. Так же «в стороне»

роман «Найденное желание» («*Found Wanting*», 1985), где странный герой путешествует по странному городу.

В серии о принце Зарконе (серия «*Zarkon*», 1975-1987) и команде Омега Лин Картер откровенно отдает дань доктору Сэвиджу, человеку из Бронзы, и его «Великолепной пятерке». Прототип принца Заркона — доктор Сэвидж, сверхчеловек и гений, но если творения Кеннета Робсона (*Kenneth Robeson*) (псевдоним, под которым в разное время скрывались разные авторы, всего о Доке Сэвидже написано более 300 романов), ближе к детективу с элементами фантастики, то у Лина Картера серия «Заркон» — чистая фантастика. В свое время Филип Фармер даже написал отдельную книгу «Док Сэвидж и его апокалипсическая жизнь» («*Doc Savage: His Apocalyptic Life*»), где попытался свести воедино все тексты. Принц Заркон, как и Сэвидж, борется с вековечным Злом там, где совершенно бессильна полиция. В итоге получились романы, которые Рой Торжесон (*Roy Torjeson*), редактор издательства «Зебра» («*Zebra*»), США, назвал «литературным комиксом». «Экшен», воплощенный в литературные картинки (зарисовки), — очень интересный прием, который редко используют писатели, поскольку здесь автор пользуется приемом, обратным литературе «экшен». «Возьмите фрагмент комикса, изображающего поединок суперменов (в среднем более 20 картинок), и попробуйте описать картинку одну за другой, используя минимальное количество глаголов. В итоге получится «литературный комикс»...

Ранние, проходные романы Картера «Звездные маги» («*The Star Magicians*», 1966), «Направление — Сатурн»

(«*Destination Saturn*», 1967) (написан совместно с Дональдом Уолхемом (*Donald Wollheim*), «Черная звезда» («*The Black Star*», 1973), серия «Великий Империй» («*Great Imperium*», 1966-1971) и дилогия о космическом воре Тоте (*серия «Thief of Thoth*», 1968-1969), на мой взгляд, малоинтересны.

В подражании Ван Вогта (*A.E. Van Vogt*) написан роман «Война времени» («*Time War*», 1974). Но здесь Картер претерпел неудачу. Дело в том, что романы Вогта в большинстве своем похожи на сложный часовой механизм, где внутри одного колеса крутится другое, а внутри него — третье... и так далее. Читая книги Ван Вогта, вы как бы то и дело перескакиваете с одного крутящегося колеса на другое, все глубже погружаясь в повествование. И каждое из колесиков показывает происходящее на ином уровне. Нет, смысл повествования не меняется на противоположный, как бывает порой в остросюжетных произведениях, но всякий раз читателю открывается новый слой реальности, созданной автором.

Быть может, использование подобного приема связано с тем, что большую часть своих романов Ван Вогт составил из рассказов, как, например, знаменитое «Путешествие космического 'Бигля'» («*The Voyage of the Space Beagle*», 1950), где совершенно четко прослеживается несколько частей, искусственно связанных в единое повествование. У Лина Картера ничего

подобного не вышло. Несмотря на его откровенную попытку подражать Вогту, вышел роман, скорее напоминающий «Башню медузы», чем творения Вогта. Кстати сказать, много удачнее тот же прием «колесиков» использовал Роберт Хайнлайн в своем «Гражданине галактики» («*Citizen of the Galaxy*», 1957).

В данном обзоре я не касался многочисленных рассказов Лина Картера, посвященных мифам Ктулху («*Cthulhu Mythos*»), — это отдельная тема для разговора.

Итак, подводя итог, можно сказать, что Лин Картер — классик героической фэнтези, поистине пионер, который первым сознательно использовал приемы «глазного нерва», рисуя фантастические картины героики, стал классиком не только героической фантастики, но и фэнтези, своего рода литературным Фразеттой.

Литературные курсы для начинающих в Нью-Йорке, обучающие основам литературы «глазного нерва», предлагают следующую методику: «Для темы сочинения используйте какой-то простой, повседневный предмет: стол, стул, карандаш. Напишите об этом предмете текст в объеме пары страниц, четко соблюдая структуру сочинения: тезис, развитие темы, вывод. А потом попробуйте выкинуть из текста максимальное число глаголов, оставив лишь описательную часть, стараясь не повторять одни и те же прилагательные»...

Международный литературный клуб «Astra Nova», при поддержке издательства «Северо-Запад» объявляет прием текстов в альманах фантастики «Астра Нова».

Альманах соединяет в себе подборку произведений современных авторов, малоизвестных переводов классиков жанра, а так же публицистические материалы, посвященные проблемам литературы и творчества. Альманах выходит с периодичностью раз в квартал. Объем порядка 10 (десяти) авторских листов. Структура: проза (повести, рассказы, миниатюры, переводы), публицистика, новости, анонсы. Тематика — фантастика, мистика, фэнтези.

Редколлегия альманаха:

Юлия Крюкова, Ирина Маракуева, Григорий Панченко,
Анна Райнова, Светлана Тулина.

Главный редактор — Кирилл Берендеев

Рукописи следует присылать на адрес:

astranova.almanac@yandex.ru

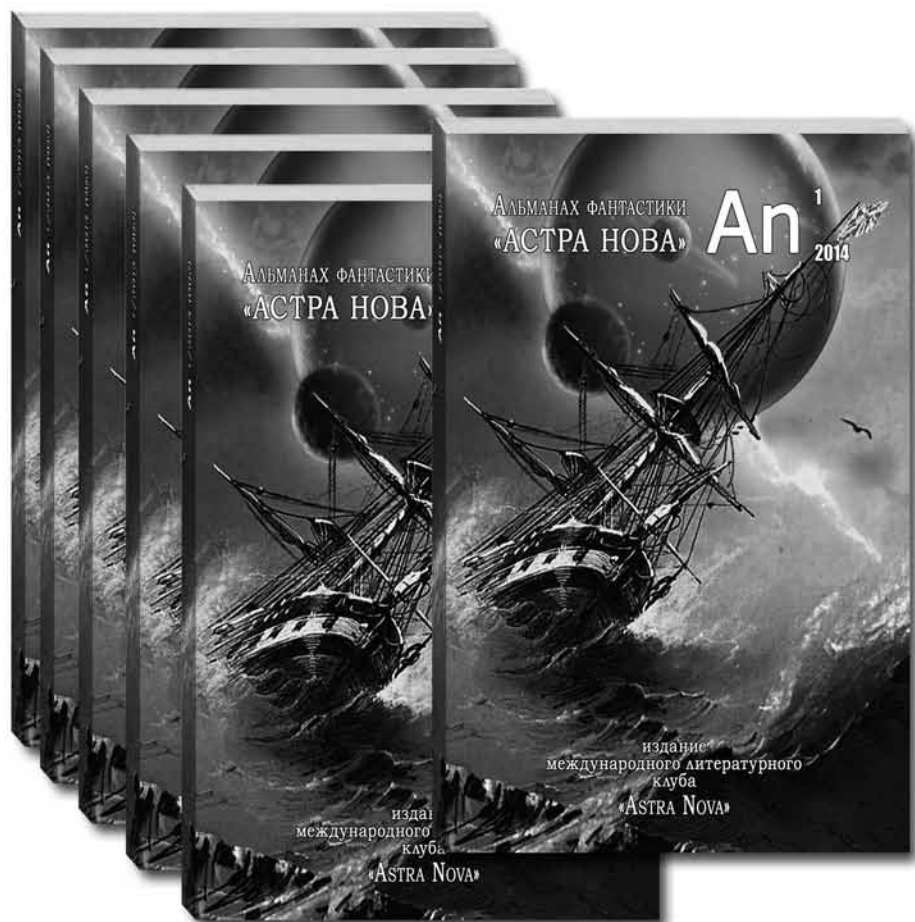
строго в формате doc или rtf, обязательно указывая в тексте произведения имя и фамилию автора или псевдоним и адрес электронной почты для связи; произведения, не подписанные должным образом или присланные в ином формате, рассматриваться не будут. Тексты, присылаемые в альманах, не должны быть напечатаны или опубликованы на бумаге, за исключением малотиражных фэнзинов.

Объем присылаемых текстов до четырех авторских листов (160000 знаков с пробелами). Убедительная просьба, не отправлять сразу много текстов, для ознакомления достаточно трех-четырех произведений. Иллюстративный материал, если он необходим, подавать отдельно от текста.

Рукописи не рецензируются. Редакция вступает в переписку с автором только в случае одобрения произведения, в случае отказа в публикации, автор так же уведомляется.

Все вопросы иного рода: организационные, технические, партнерства или сотрудничества, — следует направлять на имя главного редактора по адресу:

kibervor@yandex.ru

Все номера альманаха всегда в продаже
в интернет-магазине «Агенты будущего»
на <https://agency-buduschego.ru/>

Набираю авторов: прозаиков
и поэтов в сборники серий
«Живое авторское слово»
и
«Антология короткого рассказа»

Книги издаются
в Петербургском издательстве
«Скифия».

Участие платное.
По всем вопросам обращаться
к составителю сборников
Татьяне Помысовой

tanya@pomysova.ru

<http://www.pomysova.ru/>

*Незнакомые рассказы
известного автора*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЭЛИТА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СВЕРЖИН
ЛОГИНОВ
ШОРИН
МЕЦГЕР
СОСЕНСКИЙ
ЖМАКИН
ЛЕБЕДИНСКАЯ
БАЛАБУХА
БЕРЕНДЕЕВ
ДАШКОВ
ЗУЕВ
О`САНЧЕС
ЧЕРНЯХОВСКАЯ
КУЛАКОВ
КУБАТИЕВ
ЦУРКАН
ЯКИМЧУК
АСМУС
АКБАШЕВ
СПИРИНА
ГОЛУБЕНЦЕВ
ТИЩЕНКО
ВАСИЛЬЕВ
АНДРЕЕВА
СЕМЫКИН
РОМАНОВА
СМИР
ШПАКОВ

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС СЛОВ

СПРАШИВАЙТЕ В МАГАЗИНАХ ВАШЕГО ГОРОДА, СЛЕДИТЕ
ЗА НОВОСТЯМИ В СЕТИ: <http://juliane777.livejournal.com/>

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Кирилл Берендеев*

Редколлегия: *Юлия Крюкова, Ирина Маракуева,
Григорий Панченко, Анна Райнова, Светлана Тулина*

Корректор:

Компьютерная верстка *Ольга Денисова*

Подписано в печать 09.01.2014

Гарнитура «Book Antiqua». Отпечатано с готового оригинал-макета по технологии
Print-on-Demand. Усл. печ. л. 9,22. Уч.-изд. л. 11,92.

Заказ книг на сайте <https://agency-buduschego.ru/>

Издательство Северо-Запад, 2014